

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
Г У М А Н И Т А Р Н О Г О
О Б Р А З О В А Н И Я**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4 (12)

Киров
2018

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 4 (12)

Kirov
2018

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. East. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»
Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Юнгблюд В. Т.* Распад СССР не был неизбежным
(размышления в связи с некоторыми юбилейными датами) 7

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- Яньхуа Е.* Советские исследования Арктики в 1920-х годах..... 16
Чемоданов П. А. Абрам Столяр: политическая биография эпохи «Большого террора»...23

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- Зорин А. В.* Соединенные Штаты, ЮНРРА и проблема экономического
восстановления Чехословакии в 1945–1947 гг. 29
Быстрова Н. Е. Наследие империи: Советская Россия
на международной Генуэзской конференции 1922 г. 40

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Калинина Л. В., Трушков М. А.* Перцептивный образ «типичного объекта»
и языковые средства его создания..... 58
Маслова А. Г., Фалеева А. С. Мифопоэтика снега в лирике Бориса Пастернака 68

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Гмызина Э. В.* Инфотейнмент как инструмент создания новой идеологии 74
Волкова Т. А. Формирование культуры «колумбайнеров»
в американских учебных заведениях и ее влияние на молодежную среду
в современной России 79
Корнеева А. Ю. Социальный театр как форма социокультурной адаптации
незащищенных групп населения 88
Родионова М. Н. Сетевая культура как проблема современного зарубежного
кинематографа в контексте теорий метамодернизма 96

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

- Помелов В. Б.* Выдающиеся ученые-педагоги, методисты, вятские уроженцы
Л. А. Цветков и В. Г. Разумовский..... 103

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кузьмин Ю. М.* Локальная война в военно-политической стратегии США
в начале XXI века 110
Акимов Ю. Г. Либеральный прагматизм. Реализация военного, политического
и экономического потенциала Канады в годы Второй мировой войны 116
Рычкова О. В. Сотрудничество в эпоху конфронтации 121

CONTENTS

EDITOR'S COLUMN

- Yungblud V. T.* The collapse of the Soviet Union was not inevitable
(reflections on some anniversaries) 7

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

- Yanhua E.* Soviet exploration of the Arctic in the 1920-ies 16
Chemodanov P. A. Abram Stolyar: political biography of the era of "Great terror" 23

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

- Bystrova N. E.* Heritage of the Empire: Soviet Russia on the international
Genoa conference of 1922..... 29
Zorin A. V. The United States, the UNRRA and the problem of economic
recovery of Czechoslovakia in 1945–1947..... 40

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Kalinina L. V., Trushkov M. A.* Perceptual image of a "typical object"
and language means of its creation 58
Maslova A. G., Faleeva A. S. Myth-poetics of snow in the poetry of Boris Pasternak..... 68

CULTURAL STUDY

- Gmyzina E. V.* Infotainment as a tool for creating a new ideology 74
Volkova T. A. The creation of a culture of "columbiners" in american schools
and its impact on youth in modern Russia 79
Korneeva A. Yu. Social theater as a form of socio-cultural adaptation
of vulnerable groups 88
Rodionova M. N. Network culture as a problem of modern foreign cinema
in the context of theories of metamodernism 96

PERSONALITY IN HISTORY

- Pomelov V. B.* Outstanding scientists-teachers, methodists, Vyatka natives
L. A. Tsvetkov and V. G. Razumovsky 103

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

- Kuzmin Yu. M.* Local war in military-political strategy of the USA
at the beginning of XXI century..... 110
Akimov Yu. G. Liberal pragmatism. Implementation of military, political and the
economic potential of Canada during the World War II..... 116
Rychkova O. V. Cooperation in an era of confrontation..... 121

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

УДК 947.8

doi: 10.25730/VSU.2070.18.051

РАСПАД СССР НЕ БЫЛ НЕИЗБЕЖНЫМ (размышления в связи с некоторыми юбилейными датами)

В. Т. Юнгблюд

доктор исторических наук, профессор, президент ВятГУ, главный редактор журнала «Вестник гуманитарного образования», Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются причины распада СССР и крушения мировой системы социализма.

В 1979 г., когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и президент США Дж. Картер подписали Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, никто не предполагал, что уже через десять лет фактически прекратит свое существование мировая система социализма, а еще через два года не станет Советского Союза. В 1979 г. и позднее советские и американские руководители считали приоритетными для себя задачами не проиграть в гонке вооружений и укрепить лидирующие роли своих государств среди союзников (соответственно ОВД и НАТО). Тем не менее к концу 1980-х гг., несмотря на то что Советскому Союзу в целом удавалось сохранять военно-стратегический паритет, его позиции в мире резко ослабли, а внутривосточная ситуация перестала быть стабильной. В 1989 г. пала Берлинская стена, а в 1991 г. прекратил свое существование СССР. В статье проводится мысль о том, что состоявшийся сценарий истории 1989–1991 гг. не был неизбежным, тем более он не был результатом продуманной стратегии США и их союзников, которые по большому счету были ошеломлены стремительностью крушения системы социализма. Главной причиной состоявшегося финала холодной войны была Третья промышленная революция, в первую очередь, получившие в процессе ее распространения широкое применение информационные и телекоммуникационные технологии.

Ключевые слова: ОСВ-2, распад СССР, США, завершение холодной войны, американо-российский антагонизм, Третья промышленная революция, НТР, информационные технологии.

В июне 1979 г. в Вене Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и президент США Дж. Картер поставили свои подписи под Договором об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). К тому моменту разрядка международной напряженности уже клонилась к завершению. Однако обе стороны отдавали должное исключительной важности этого документа. Его подписание вселяло надежды на обуздание гонки вооружений, снижение опасности ядерной войны и символизировало способность лидеров конкурирующих общественно-политических систем договариваться по главным вопросам международной повестки. Казалось, у истории появилась новая точка отсчета. Сенат Конгресса США не ратифицировал этот документ, но его положения длительное время исполнялись обоими участниками договора, и это обстоятельство обеспечило ему почетное место в истории: как событие дипломатической жизни – он способствовал снижению угрозы войны; как символическое действие руководителей великих держав – он демонстрировал возможность достижения согласия даже между экономически, политически и идеологически соперничающими державами.

Символическое значение ОСВ-2 было очень важным элементом всего политического контекста эпохи. Этого события ждали миллионы людей. Не случайно сам акт подписания Договора, помимо традиционного рукопожатия, был скреплен поцелуем глав государств – уникальным жестом для мероприятий такого рода. В тот момент даже наиболее проницательные политики не могли предвидеть того, что всего через 10 лет произойдет другое символическое событие – падение Берлинской стены, разделявшей Восток и Запад, а вслед за

этим прекратит свое существование мировая система социализма, СССР утратит статус идеологической империи, а в декабре 1991 г. правопреемницей считавшегося «нерушимым» Советского Союза станет Россия.

С окончанием холодной войны, казалось бы, появился шанс на гармонизацию интересов всех государств, ранее разделенных военно-политическими блоками и иными системными институтами. Однако тридцать лет, прошедшие после окончания холодной войны, такой гармонии не принесли и одним из главных факторов турбулентности современных международных отношений остается американско-российский антагонизм.

Почему так произошло? Почему не оправдались надежды 1979 года на мирное сосуществование систем капитализма и социализма, лидеры которых в Вене согласились делить ответственность за сохранение мира? Почему пала Берлинская стена, а вслед за этим изменились ключевые параметры мирового порядка? Почему, наконец, двадцать восемь лет спустя после распада СССР американско-российская конфронтация остается главным вектором развития международных отношений несмотря на то, что «призрак коммунизма» уже давно перестал возбуждать чувство тревоги как в Вашингтоне, так и в столицах других государств мира? Эти вопросы стоят в центре внимания историков и политологов. Ответы на них не могут быть ни быстрыми, ни тем более окончательными: слишком мало времени прошло после «великого перелома» 1989–1991 гг., слишком многие документы и факты пока недоступны историкам, слишком живы эмоции людей, переживших этот виток истории. Тем не менее перечисленные вопросы уже сформулированы и прочно вошли в дискурс современной общественно-политической жизни и исторических исследований. Их осмысление призвано обозначить систему координат восприятия многих текущих процессов.

Обращение к истории 1970–80-х гг. в наши дни, как правило, сопровождается рассуждениями об «исторической неизбежности» крушения социалистической системы. По этому поводу современный историк М. Алмонд резонно заметил, что «те самые структурные и экономические детерминистские аргументы, от которых отмахивались апологеты Запада, когда марксисты пытались доказать неумолимую логику возвышения их системы, теперь используются для того, чтобы продемонстрировать предопределенность триумфа Запада» [1, с. 497]. При этом не без самоиронии он отнес стремление историков всегда находить у великих исторических событий «глубинные корни» к разряду «профессиональных деформаций». Полагаю, что в данном случае «профессиональной деформацией» правильнее считать не желание вскрыть глубинные корни событий, а привычку приписывать им задним числом некую историческую предопределенность, используя для этой цели те или иные универсальные методологические конструкции. Чаще всего такие опыты приводят к эффектным, но недолговечным результатам. Творческий потенциал истории, очевидно, безграничен и оказывается богаче любых конструкций.

История XX века содержит множество примеров отклонения от ожидаемой логики событий. Она наполнена примерами несбывшихся надежд, невыполненных обещаний и недостигнутых целей. На всем ее протяжении в разных регионах мира при, казалось бы, сопоставимых социально-экономических условиях возникали совершенно разные «развилки» путей развития. Очень часто реальные результаты принятых решений и намеченных планов не соответствовали ожиданиям их авторов и исполнителей. «Порой случившееся вовсе не должно было случиться – иными словами, неизбежным оно стало очень поздно», – заметил Алмонд, размышляя по поводу истории 1989 г., и добавляет, что «западный миф о неизбежной победе над монолитным, неэффективным и деспотическим коммунизмом не выдерживает критики» [1, с. 497]. Разумеется, историк не отрицает самого факта крушения социализма в Восточной Европе – он бесспорен. Не ставятся также под сомнение неэффективность советской экономики и недемократичность политического режима в СССР эпохи развитого социализма¹. Речь идет о другом – о том, что состоявшийся сценарий всемирной истории 1989–1991 гг. не был

¹Алмонд полагает, что решающую роль в истории последних лет существования и гибели СССР сыграл М. С. Горбачев. Он пишет: «Коллапс Советского Союза был вызван вовсе не объективными экономическими факторами, а интеллектуальными просчетами и ложными ожиданиями советской элиты. Несомненно, западная горбимания спровоцировала высокомерие генерального секретаря: если уж он так импонировал капиталистам, то мужиков в колхозе завоевать не представляло труда» (Алмонд М. 1989-й без Горбачева. Что, если бы коммунизм не потерпел крах? // Виртуальная история: альтернативы и предположения / под ред. Ниала Фергюсона. М. : АСТ : CORPUS, 2019. С. 513).

неизбежным, тем более он не был результатом продуманной стратегии США и их союзников, которые по большому счету были ошеломлены стремительностью крушения системы социализма.

Запад, и в первую очередь США, тем не менее не замедлили приписать себе заслугу победы в холодной войне и воспользоваться ее результатами. Очень скоро появились исторические и публицистические версии этой истории, в которых мифологизировались действия «победителей» и героизировались ее главные участники. Отдельной строкой прописывалась «особая роль» в случившемся М. С. Горбачева² [8, с. 628]. В полном соответствии с максимой, согласно которой история войн пишется победителями, в 1990-е гг. был создан, растиражирован и фактически канонизирован тот самый вариант истории завершения холодной войны, который в настоящий момент служит целям формирования исторического сознания и политического планирования в странах НАТО и в ряде других государств, включая обширные регионы постсоветского пространства. Суть этого варианта сводится к нескольким взаимосвязанным положениям: СССР и ОВД проиграли Западу из-за несостоятельности социалистического пути развития; победителем из холодной войны вышли Соединенные Штаты Америки и их союзники по причине продуманной стратегии; будущее мира связано с распространением демократии и либеральных ценностей, гарантом которых являются США; мир после холодной войны должен быть однополярным в силу экономического и военного превосходства США и принадлежащего им права на моральное лидерство; политика США в мире олицетворяет прогресс, любые препятствия на пути этой политики следует расценивать как попытку обратить историю вспять.

В конце второго десятилетия XXI века все более очевидными становятся изъяны такой интерпретации истории.

Борьба СССР и США, капитализма и социализма в годы холодной войны проявляла себя преимущественно в виде гонки вооружений и противостояния идеологий. Соотношение экономических потенциалов и уровней жизни населения, разумеется, также в расчет принималось, но ни статистические сравнения, ни социологические прогнозы в 1970–80-х гг. серьезных потрясений не предвещали. Запад фиксировал в СССР снижение темпов экономического роста и заметное технологическое отставание [10, р. 3, 43–44, 83, 105]. Однако на фоне собственных энергетических, финансовых и структурных проблем ситуация в СССР аналитикам США и НАТО критической не казалась. Кроме того, Москва добилась ядерного паритета, а идеологический щит социализма при всех изъянах доктринального марксизма выглядел достаточно прочным для того, чтобы крепить единство рядов в мировом коммунистическом движении и мировой системе социализма.

Нарушение баланса сил с последующим лавинообразным нарастанием деструктивных явлений в СССР наметилось на рубеже 1970–80-х гг. и было напрямую связано не столько с американо-советским противостоянием, сколько с принципиально новыми явлениями в мировой экономике и международной жизни, ранее не учитывавшимися ни с той, ни с другой стороны линии фронта холодной войны. «Черных лебедей», повлиявших на ход истории³, было несколько (произошедшие в те годы научно-технические прорывы, начавшаяся глобализация, война в Афганистане и последовавшие санкции против СССР, болезнь Л. И. Брежнева и связанный с этим кризис власти в СССР). Их подлинное значение и причинно-следственные связи между ними еще предстоит изучить. Но, отталкиваясь от имеющегося на данный момент уровня знаний о реалиях той эпохи, можно предположить, что перелом в советско-американском противостоянии наметился в тот момент, когда в полной мере стали проявляться экономические и социальные последствия научных прорывов в теории информации и цифровых вычислениях, составивших ядро Третьей промышленной революции. Их влияние на экономические и социальные системы оказалось колоссальным. «Возможность хранить, обрабатывать и передавать информацию в цифровом виде переформатировала большинство отраслей промышленно-

²Наиболее основательный труд о М. С. Горбачеве принадлежит перу Уильяма Таубмана, в котором советский руководитель охарактеризован как «мечтатель, которому удалось изменить судьбу своей страны и всей планеты, хотя и не так сильно, как ему бы хотелось», который в итоге «не смог совладать с теми силами, что высвободил, и с народами, которым помог обрести свободу как в СССР, так и за его пределами». (Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. М. : АСТ : CORPUS, 2019. С. 628).

³«Черный лебедь» – символ обозначения непредсказуемого события. (Тaleb Н. Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М. : КоЛибри ; Альпина Паблишерз, 2010).

сти», – констатирует К. Шваб [9, с. 24]. Но дело было не только в выходе производства на новый технологический уровень с соответствующими последствиями для потребительского рынка и повышения жизненных стандартов миллиардов людей. Третья промышленная революция изменила характер трудовых отношений, переформатировала социальные структуры обществ и существенно повлияла на межгосударственные отношения. Она не готовилась специально ни одной из противоборствующих в холодной войне великих держав, не была частью их стратегий завоеваний мира. Более того, каждая из сторон вносила свой посильный вклад в ее достижения. И, как нередко бывает с великими историческими событиями, никто: ни руководители государств, ни вооруженные фактами эксперты – не смог спрогнозировать ее последствий.

Американское общество в полной мере испытало воздействие этого импульса, который существенно деформировал общественные отношения и социальные связи [3, с. 57–59], изменил правовые регуляторы, внес поправки в иерархию гражданских добродетелей и традиционных ценностей [4, с. 24–45; 5, с. 44; 11, р. 8–15]. Но оно сумело справиться с этой ударной волной. Для СССР же ее последствия оказались гораздо более разрушительными, в первую очередь в связи с начавшимся на рубеже 1970–1980-х гг. широким распространением информационных технологий и достижений в сфере телекоммуникаций. Космос и ядерная физика – успешные и привилегированные флагманы советского научно-технического прогресса – вполне вписывались в идеологию и практику межблокового паритета. Но в сфере производства и применения компьютеров и передачи информации СССР в тот момент отставал существенно. Открытия, обеспечившие беспрепятственное распространение информации, внедрение в администрирование государственных учреждений, финансовых учреждений, производственных корпораций и в повседневную жизнь людей компьютеров и информационных технологий, завершили соревнование общественно-политических систем не в пользу СССР. Компьютерные сети и телекоммуникация сделали уязвимой советскую идеологическую броню.

Спонтанность информационной революции придала историческому процессу особенный драматизм. Если в конце 1970-х гг. соревнование систем рассматривалось как долговременный процесс, то во второй половине 1980-х гг. перспективы противостояния были уже вполне прогнозируемыми. «Информационная революция лежала в самой сердцевине глобальной регенерации капитализма в 1980-х гг.», – отмечает современный исследователь [12, р. 396]. «Глобальной регенерации» социализма в это время не произошло. Советское общество оказалось беззащитным перед направленными информационными интервенциями. Еще меньше к ней было готово высшее руководство страны. Демонтажу Берлинской стены, таким образом, предшествовало снижение информационных барьеров между государствами.

Первая волна глобализации в 1980-е гг. прокатилась стихийно. Ее амплитуда задавалась не столько политическими, сколько научно-техническими импульсами. Тем не менее технологические инновации и беспрепятственное перемещение любой информации по всему миру стали мощным средством воздействия на массовое сознание, и это сразу стало влиять на политическую ситуацию в СССР и в странах Восточной Европы. Своеобразным отражением этих процессов стали запечатленные в решениях 27 съезда КПСС в 1986 г. установки на новое мышление, общечеловеческие ценности и гласность. Еще несколько лет назад сама мысль о том, что руководители партии и советского государства выдвинут подобные инициативы, могла показаться невероятной. Конечно, к тому моменту состав Политбюро существенно обновился и новый лидер – М. С. Горбачев – в гораздо большей степени, чем его предшественники, был настроен проводить политику обновления. В то же время условия, при которых ему приходилось действовать, были принципиально иными – он возглавил страну в период беспросветного экономического кризиса, который развивался на фоне уже стартовавшей глобализации и с каждым днем все плотнее «накрывавшей» страну информационной прозрачности. Свободы маневра у него практически не было, поэтому провозглашенные им реформы были не столько продуктом развития творческой мысли (хотя, конечно, в его окружении было немало интеллектуалов, привнесших в планы и публичную риторику последнего Генерального секретаря немало свежих идей), сколько вынужденной и запоздалой мерой, а точнее полумерой. Информационный виток научно-технического прогресса М. С. Горбачевым и его сподвижниками, наверняка, ощущался (об этом свидетельствует постоянно звучавший в конце 1980-х гг. призыв «научиться работать в условиях демократии») [2, с. 226], но, по большому счету, никаких адекватных действий по этому поводу предпринято не было.

Новое мышление и общечеловеческие ценности изначально были предназначены для того, чтобы убедить соотечественников, граждан союзных государств и стран Запада в ис-

кренности намерений руководства СССР демократизировать страну, в их восприимчивости к либеральным ценностям и в потенциальной совместимости двух систем. Однако это был опасный путь, поскольку он активизировал общественно-политические процессы, которые власть контролировать уже не могла. Крушение Советского Союза и последовавшее за ним «преобразование мирового порядка» далеко не сразу были осознаны как «крупнейшая геополитическая катастрофа» [6] XX века. В первые годы после прекращения существования СССР руководство Российской Федерации последовательно продолжало курс на демократизацию страны, полагая, что таким образом будут созданы условия для сближения с США и их союзниками. Однако к позитивным результатам этот курс не привел. Сблужившись после распада СССР геополитическими преимуществами оказался слишком большим: США объявили себя победителями в холодной войне и по праву победителя в своей внешней политике пошли по пути достижения односторонних выгод и абсолютизации собственных интересов и норм. Возрождение российско-американского антагонизма при таком повороте событий было лишь вопросом времени.

Перед вами очередной номер журнала «Вестник гуманитарного образования». Рубрику «Проблемы отечественной истории» открывает статья д. ист. н., доцента Института истории Хэйлунцзянского университета (г. Харбин) Е. Яньхуа «Советские исследования Арктики в 1920-х гг.». Морские перевозки традиционно играют значительную роль в мировой торговле. Северный морской путь, связывающий Европейскую часть России с Дальним Востоком, сегодня продолжает оставаться важнейшей линией транспортных коммуникаций. Выступая на международном форуме «Один пояс, один путь», проходившем 25–27 апреля в Пекине, президент России В. В. Путин заявил о значимой роли Арктики для мировой торговли. В Китайской Народной Республике проявляют большой интерес к этому региону. В настоящее время в Китае принята широкомасштабная программа строительства ледокольного флота. Поэтому обращение к истории освоения и развития Арктики российскими и советскими учеными со стороны китайских историков неслучайно. Статья посвящена научным исследованиям Арктики в СССР в 1920-х гг.

Автор отмечает, что в дореволюционной России исследованием Арктики занимались отдельные ученые и группы энтузиастов в инициативном порядке. На государственном уровне эта работа не планировалась и не координировалась. Масштабное изучение этого региона началось уже в Советской России с 1919 г., т. е. еще до окончания гражданской войны. Правительство СССР выступило инициатором развертывания комплексных исследований на огромной территории от Кольского полуострова до Камчатки, в водах и льдах Северного Ледовитого океана, на северных островах. Решениями советского правительства были созданы специальные научные организации – Плавающий морской научно-исследовательский институт, Северная научно-промысловая экспедиция, Полярная комиссия АН СССР, Якутская комиссия АН СССР. Советские ученые выполнили глубокие и разносторонние исследования топливно-энергетических и иных природных ресурсов арктических территорий. Одновременно были определены транспортные возможности Северного Ледовитого океана.

Рубрику продолжает работа к. ист. н., начальника отдела использования архивных документов КПСС и общественных организаций, Центрального государственного архива Кировской области П. А. Чемоданова «Абрам Столяр: политическая биография эпохи “Большого террора”». Статья посвящена известному советскому партийному деятелю межвоенного периода. Автор прослеживает этапы его политической карьеры: от большевистского агитатора на Дальнем Востоке до руководителя крупных регионов Поволжья и Урала. В статье подчеркивается, что А. Я. Столяр, как и многие советские руководители того времени, был активным проводником «Большого террора», но сам впоследствии стал его жертвой. Особое внимание уделено периоду работы А. Я. Столяра в Кировской области (1934–1937 гг.). Будучи вторым секретарем Горьковского краевого комитета ВКП(б), он был назначен в декабре 1934 г. руководителем вновь созданного Кировского края. Возглавив обширный, многолюдный, но слабо развитый в экономическом отношении регион, он развернул кипучую деятельность по его преобразованию и преуспел в этом деле. Впоследствии эта работа была продолжена им на посту руководителя Свердловской области. Последующий арест А. Я. Столяра и показания, данные им на Лубянке в 1938 г., не могут, как полагает автор статьи, перечеркнуть реального вклада А. Я. Столяра в экономическое и культурное развитие Европейской России.

Рубрику «Проблемы всеобщей истории» открывает статья к. ист. н., доцента кафедры истории и политических наук ВятГУ А. В. Зорина «Соединенные Штаты, ЮНПРА и проблема

экономического восстановления Чехословакии в 1945–1947 гг.». Одной из насущных проблем, с которой столкнулись страны Европы после окончания Второй мировой войны, было экономическое восстановление. Исследователь акцентирует внимание на деятельности Администрации Объединенных Наций по оказанию помощи и реабилитации (UNRRA – ЮНРРА), сыгравшей значительную роль в восстановлении многих государств Европы, включая и Чехословацкую республику. Экономическая деятельность ЮНРРА оказалась тесно переплетенной с политическими процессами. Поскольку главным спонсором организации являлись США, а Чехословакия постепенно входила в сферу влияния СССР, безвозмездная помощь со стороны ЮНРРА вызывала серьезные нарекания и опасения американских дипломатов в Праге, полагавших, что чехословацкое отделение ЮНРРА во главе с гражданином СССР П. Алексеевым способствовало не столько восстановлению чехословацкой экономики, сколько усилению влияния левых сил и проведению социалистических преобразований. Автор приходит к выводу, что экономические цели данной организации вступали в противоречие с политическими интересами США. Несмотря на настойчивые и категоричные заявления американских дипломатов, чехословацкое отделение ЮНРРА сохраняло независимость, оказав значительную помощь в восстановлении экономики Чехословакии.

Продолжает рубрику статья д. ист. н., Ученого секретаря Института российской истории РАН Н. Е. Быстровой «Наследие империи: Советская Россия на Международной Генуэзской конференции 1922 г.», в которой на основе архивных материалов показаны малоизвестные аспекты предыстории и истории конференции, ставшей первым успешным шагом на пути нормализации политических и экономических отношений между Советской Россией и странами Запада после Первой мировой войны. Показана подготовительная работа по выработке тактики российской делегации, ее программы; передана суть тактических разногласий западных держав в оценке «русского вопроса». Автор освещает конфиденциальные переговоры советских делегатов по вопросу о долгах царского и Временного правительств России с представителями Великобритании, Франции, Италии и Бельгии на вилле Альбертис, а также историю подписания советско-германского Рапальского договора. В статье показано, что признание долгов довоенного и военного времени советская сторона ставила в зависимость от предоставления кредитов; в вопросе о национализированном иностранном имуществе она не шла ни на какие уступки. Для Советской России путь развития экономических отношений за счет принципиальных экономических и политических уступок, на которых настаивал Запад, был неприемлем. Однако Генуэзская конференция для Советской России не была бесплодной: страна впервые после революции, преодолев блокаду, возвратилась в ряды субъектов мировой политики.

Рубрика «Филология» представлена статьей «Перцептивный образ “типичного объекта” и языковые средства его создания», подготовленной учеными кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения ВятГУ д. филол. н. Л. В. Калининой и преподавателем М. М. Трушковым. Статья посвящена языковым средствам, отражающим взаимодействие семантики типичности с понятийной категорией перцептивности. По мнению авторов, именно «типичные объекты» лежат в основе формирования в сознании классификационных категорий. В представленной читателям работе с помощью методов структурной, функциональной и когнитивной лингвистики на материале Национального корпуса русского языка анализируются особенности семантики и функционирования в речи лексемы «типичный» и показываются пересечения семантики типичности со смысловой категорией перцептивности. Ученые приходят к выводу, что перцептивно воспринимаемые признаки объектов играют важную роль в формировании семантики типичности. Перцептивно воспринимаемые признаки обычно с большей или меньшей степенью детализации перечисляются в контексте. Благодаря этому создается языковой образ некоторого «типичного объекта», чаще всего – человека. Образ человека как «типичного представителя» какой-либо группы выстраивается как совокупность его непроцессуальных (качественных) и процессуальных (отражающих модель поведения) характеристик.

Продолжает рубрику статья д. филол. н., доцента кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения ВятГУ А. Г. Масловой и студента 3 курса бакалавриата факультета филологии и медиакоммуникаций А. С. Фалеевой «Мифопоэтика снега в лирике Бориса Пастернака». В статье исследуются особенности функционирования образа снега в лирике Б. Л. Пастернака. Снег рассматривается как концептуальный мифопоэтический образ, отражающий авторское мировосприятие. Обращение к данной проблеме обусловлено вниманием литературоведческой науки к сквозным мотивам творчества Б. Л. Пастернака и выдвинутым на первый план в современной гуманитарной науке этическими вопросами, связан-

ными с поисками духовных аспектов взаимодействия человека и природы. Особое внимание уделено зимнему циклу сборника «Когда разгуляется». Авторы статьи приходят к выводу, что снег в лирике Пастернака символизирует жизнь во всех ее проявлениях.

Рубрика «Культурология» представлена статьями, посвященными феномену медиакультуры и ее влиянию на повседневную жизнь людей. Так, доцент кафедры культурологии, социологии и философии ВятГУ Э. В. Гмызина рассматривает свойства современного информационного вещания и идеологический принцип развития медиакультуры. В центре ее внимания – инфотейнмент, родившийся в программах американского телевидения 1980-х г., который сопоставляется с первыми опытами в этой области на российском телевидении в 1990-е г. и современной журналистской практикой. На конкретных примерах рассматриваются приемы, которые используются ведущими и репортерами для привлечения зрительского внимания. Раскрывается общая тенденция развития информационного вещания, связанная с усилением развлекательного компонента в вербальном и визуальном аспектах. Подчеркивается, что инфотейнмент является не просто набором журналистских методов и приемов, а следствием распространения идеологии постмодернизма, провозглашающей свободу от авторитетов, ироничное восприятие штампов и культ парадоксов.

Статья аспиранта кафедры американских исследований СПбГУ Т. А. Волковой посвящена актуальной теме – культуре так называемых «колумбайнеров». Целью исследования является анализ школьного насилия на примере массовых расстрелов в американских учебных заведениях, выделение основных этапов и характеристик данного явления непосредственно как культурного феномена и его влияние на рост подобных случаев в российской школьной среде. Предметом исследования молодого ученого является школьное насилие, получившее распространение в США в последнее десятилетие XX в. Рассматривая аналогичные случаи в нашей стране, произошедшие с 2014 по 2018 гг., автор приходит к выводу, что паттерны насилия, зародившиеся в США, распространяются в российских школах через прямое копирование американского опыта, не имеющего серьезных идеологических обоснований для отечественных школьников.

Аспирант кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета А. Ю. Корнеева обращается к выявлению роли социального театра как формы социокультурной адаптации незащищенных групп населения. Автор проводит анализ различных подходов к социальным театральным проектам, связанных с их функциональностью. Специальное место в статье отводится статусу понятия «незащищенные группы населения». В заключение автором предлагается анализ театральных проектов с участием актеров «особого театра», состоявшихся в ноябре 2018 г. в рамках международного культурного форума в Санкт-Петербурге, показана их роль в социокультурной адаптации незащищенных социальных групп.

Завершает рубрику статья, посвященная современному зарубежному кинематографу. Автор – М. Н. Родионова, аспирант кафедры культурологии, социологии и философии ВятГУ, – представила краткий обзор культурологических концепций, с начала XXI в. применяемых исследователями для описания эпохи, определяющей характеристикой которой является наличие цифровых технологий и сетевые взаимодействия людей с помощью этих технологий. Основываясь на классификации, предложенной Г. Дембером, она рассматривает художественное отражение стратегий метамодернизма в современных кинофильмах о сетевой культуре («Нерв», «Она», «Ингрид едет на Запад», «Первому игроку приготовиться»).

В рубрику «Личность в истории» включена статья д. пед. н., профессора кафедры педагогики ВятГУ В. Б. Помелова, посвященная выдающимся методистам – Леониду Александровичу Цветкову и Василию Григорьевичу Разумовскому. В статье раскрыт вклад каждого из них в развитие отечественной педагогической науки, прежде всего методики обучения. Показана связь этих ученых с Вятским краем, с местными учителями и учеными.

Рубрику «Рецензии и научная жизнь» открывает отзыв к. ист. н., доцента ВятГУ Ю. М. Кузьмина на подготовленную сотрудниками Института США и Канады РАН монографию «Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века». В рассматриваемом исследовании затронут специфический сегмент внешней политики США. Рецензент отмечает, что оценки событий, как и общая тональность повествования, отличаются взвешенностью и объективностью. Актуальность книги определяется тем, что этот период истории характеризуется глубокими изменениями в мировой политике и анализ участия США в локальных войнах и конфликтах позволяет глубже понять процессы современного мира. По мнению автора рецензии, содержательный труд, опубликованный под редакцией В. И. Батюка, является важным вкладом в изучение внешней политики США.

Д. ист. н., профессор кафедры американских исследований СПбГУ Ю. Г. Акимов обращает внимание читателей на вышедшую в 2018 г. монографию «Либеральный прагматизм. Реализация военного, политического и экономического потенциала Канады в годы Второй мировой войны», автором которой является доцент кафедры философии и политологии факультета социально-политического менеджмента Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова А. Н. Учаев. Отмечается высокая исследовательская культура автора работы, внимание и уважение к деталям, тщательность проработки исторического фона рассматриваемых событий. По мнению рецензента, монография А. Н. Учаева вносит значительный вклад в изучение малоизвестных страниц истории Второй мировой войны и истории Канады.

В конце 2017 г. вышел в свет сборник статей «Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов» под редакцией доктора исторических наук Н. И. Егоровой. По мнению кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета О. В. Рычковой, этот труд создает благодатную почву для новых дискуссий. Книгу отличает свежий взгляд на интерпретацию многих событий, который обеспечивается сознательной установкой на осмысление холодной войны и разрядки как эпохи взаимодействия и сотрудничества различных субъектов международных отношений, в том числе и в тех областях, которые традиционно рассматривались в исключительно конфронтационном контексте. В этом коллективном исследовании охарактеризованы многие государственные деятели, принявшие участие в подготовке компромиссных решений и выработке согласованных подходов к урегулированию как глобальных, так и частных проблем.

Список литературы

1. Алмонд М. 1989-й без Горбачева. Что, если бы коммунизм не потерпел крах? // Виртуальная история: альтернативы и предположения / под ред. Н. Фергюсона. М. : АСТ : CORPUS, 2019. С. 497–524.
2. Горбачев М. Остаюсь оптимистом. М. : АСТ, 2017. 415 с.
3. Печатнов В., Печатнов Вал. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 57–68.
4. Печатнов В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI век. 2017. № 1. С. 24–45.
5. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Всемирное православие в зеркале социологических опросов // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. Том LXXXV. 2018. С. 36–52.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005: «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088.
7. Талей Н. Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М. : КоЛибри ; Альпина Паблишерз, 2010. 454 с.
8. Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. М. : АСТ : CORPUS, 2019. 763 с.
9. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2018. 320 с.
10. Hatzivassiliou E. Pointing to the Emerging Soviet Dead Ends: NATO Analysis of the Soviet Economy / Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cold War International History Project, Working Paper #87, Washington, 2018. 109 p.
11. McDougall W. A. The tragedy of U. S. Foreign Policy: how America's civil religion betrayed the national interest. New Haven, Yale Univ. Press, 2019. 408 p.
12. Reynolds D. Science, technology, and the Cold War // The Cambridge History of the Cold War. Vol. III. Endings / ed. by Leffler M. and Westad O. A. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2010. P. 378–399.

THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION WAS NOT INEVITABLE (reflections on some anniversaries)

V. T. Yungblud

Doctor of historical sciences, professor, President of VyatSU, editor-in-chief of the journal
"Herald of humanitarian education", Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Abstract. The article discusses the causes of the collapse of the USSR and the collapse of the world system of socialism.

In 1979, when the General Secretary of the CPSU Leonid Brezhnev and US President J. Carter signed a Treaty on the limitation of strategic offensive arms, no one expected that in ten years the world system of so-

cialism will actually cease to exist, and in two years later there will not be the Soviet Union. In 1979 and later, the Soviet and American leaders considered it a priority not to lose in the arms race and to strengthen the leading roles of their States among the allies (Warsaw treaty organization and NATO, respectively). However, by the end of the 1980s, despite the fact that the Soviet Union as a whole managed to maintain military-strategic parity, its position in the world has weakened dramatically, and the domestic political situation has ceased to be stable. In 1989 the Berlin wall fell, and in 1991 the USSR ceased to exist. The article suggests that the scenario of the history of 1989–1991 was not inevitable, especially it was not the result of a well-thought-out strategy of the United States and its allies, who were overwhelmed by the impetuosity of the collapse of the system of socialism. The main reason for the end of the cold war was the Third industrial revolution, first of all, information and telecommunication technologies, which were widely used in the process of its spread.

Keywords: Strategic Arms Limitation-2, the collapse of the USSR, the United States, the end of the cold war, the American-Russian antagonism, the Third industrial revolution, STR (Scientific and technological revolution), information technology.

References

1. Almond M. 1989-j bez Gorbacheva. Chto, esli by kommunizm ne poterpel krah? [1989 without Gorbachev. What if communism had not failed?] // *Virtual'naya istoriya: al'ternativy i predpolozheniya* – Virtual history: alternatives and assumptions / ed. N. Ferguson. M. : AST: CORPUS, 2019. Pp. 497–524.
2. Gorbachev M. *Ostayus' optimistom* [I remain optimistic]. M. : AST, 2017. 415 p.
3. Pechatnov V., Pechatnov Val. *Menyayushchisya religioznyj landshaft Ameriki* [The changing religious landscape of America] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World economy and international relations. 2018. Vol. 62. No. 9. Pp. 57–68.
4. Pechatnov V. *Tradicionnye cennosti i ih protivniki* [Traditional values and their opponents] // *Russia XXI century*. 2017. No. 1. Pp. 24–45
5. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Vsemirnoe pravoslavie v zerkale sociologicheskikh oprosov* [World Orthodoxy in the mirror of sociological surveys] // *Cerkov' i vremya. Nauchno-bogoslovskij i cerkovno-obshchestvennyj zhurnal* – Church and time. Scientific-theological and Church-public journal. Vol. LXXXV, 2018. Pp. 36–52.
6. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on 25.04.2005: "Message of the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/ (in Russ.)
7. Taleb N. N. *Chernyj lebed': pod znakom nepredskazuemosti* [Black Swan: under the sign of unpredictability]. M. : KoLibri; Alpina Publishers, 2010. 454 p.
8. Taubman W. *Gorbachev. Ego zhizn' i vremya* [Gorbachev. His time and life]. M. Publishing house AST: CORPUS. 2019. 763 p.
9. Shvab K. *Tekhnologii Chetvertoj promyshlennoj revolyucii* [Technologies of the Fourth industrial revolution]. M. : Eksmo. 2018. 320 p.
10. Hatzivassiliou E. *Pointing to the Emerging Soviet Dead Ends: NATO Analysis of the Soviet Economy* / Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cold War International History Project, Working Paper #87, Washington, 2018. 109 p.
11. McDougall W. A. *The tragedy of U. S. Foreign Policy: how America's civil religion betrayed the national interest*. New Haven, Yale Univ. Press, 2019. 408 p.
12. Reynolds D. *Science, technology, and the Cold War* // *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. III. Endings / Ed. by Leffler M. and Westad O. A. N. Y., Cambridge Univ. Press, 2010. Pp. 378–399.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 919.9(091)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.052

Советские исследования Арктики в 1920-х годах

Е Яньхуа

доктор исторических наук, доцент Института истории Хэйлунцзянского университета.
КНР, г. Харбин. E-mail: yeyanhua1973@163.com

Аннотация. Статья посвящена советским научным исследованиям Арктики в 1920-х гг. Отмечается, что в дореволюционной России исследованием Арктики занимались отдельные ученые и группы энтузиастов в инициативном порядке, на государственном уровне эта работа не планировалась и не координировалась. Подчеркивается, что Советская Россия приступила к исследованию Арктики, начиная с 1919 г., т. е. еще до окончания гражданской войны. Советское правительство выступило инициатором развертывания комплексных научных исследований на огромной сухопутной северной территории от Кольского полуострова до полуострова Камчатка, в водах и льдах Северного Ледовитого океана, на северных островах. Для проведения научных исследований решениями советского правительства были созданы специальные структурные подразделения: Плавающий морской научно-исследовательский институт, Северная научно-промысловая экспедиция, Полярная комиссия АН СССР, Якутская комиссия АН СССР. Советские ученые, входившие в состав данных научных подразделений, провели глубокие фундаментальные и прикладные исследования, определившие северные сухопутные и морские территории как источник топливно-энергетических ресурсов и полезных ископаемых, а Северный Ледовитый океан – как возможную транспортную артерию – Северный морской путь.

Ключевые слова: СССР, Арктика, освоение Арктики, научные исследования, Северный морской путь.

До середины XVIII века экспедиции и исследовательская деятельность в российском арктическом регионе были разрозненными и индивидуальными и сочетались с северным мореходством. В середине XVIII в. академик Российской академии наук М. В. Ломоносов впервые выдвинул идею о том, что арктическое пространство имеет большое значение для развития страны, и выступил за научное исследование арктического региона. Несмотря на авторитет М. В. Ломоносова, его идея не была поддержана на государственном уровне. В царской России не было единого плана научных исследований в Арктике и исследовательская деятельность в этом регионе осуществлялась в инициативном порядке отдельными учеными или группами энтузиастов. В этот период исследования Арктики в основном включали изучение акватории и сухопутных районов от Восточной Сибири до полуострова Камчатка (первая половина XVIII в.), исследование островов Новая Земля (первая половина XIX в.), гидрографическое и географическое картографирование устьев сибирских рек в Северном Ледовитом океане (вторая половина XIX в.), изучение арктических высоких широт (начало XX в.). Благодаря усилиям многих морских путешественников, мореплавателей, исследователей Арктики, к началу 1920-х годов сформировалось более обширное научное понимание сухопутных территорий российской Арктики и окружающих вод Северного Ледовитого океана, была заложена прочная основа для более крупных и глубоких исследований в будущем.

1920-е годы стали важным этапом в арктических научных исследованиях. Советское правительство разработало план освоения Севера и организовало ширококомасштабные систематические научные исследования в Арктике. Использование ледоколов и полярной авиации стало важным инструментом в проведении научных исследований в Арктике. Научные исследования и разведка топливно-энергетических ресурсов достигли серьезных масштабов.

После установления Советской власти в октябре 1917 года народное хозяйство России оказалось на грани краха. Гражданская война и иностранная военная интервенция еще более

усугубили экономическое положение советского режима. Поскольку северный регион богат природными ресурсами, особенно полезными ископаемыми, которые важны для восстановления национальной экономики, для советского правительства важной задачей стало проведение научных исследований в арктическом регионе. Советское правительство запланировало обширные научные исследования как необходимое условие для решения экономических и политических задач в северном регионе, активную поддержку ученых Севера в проведении научно-исследовательской работы, обеспечение условий и позиционирование научно-исследовательской работы в Арктике как одной из самых важных задач.

В январе 1919 года коллегия Народного комиссариата торговли и промышленности провела совещание, на котором было принято решение о создании Комиссии по изучению и практическому использованию производительных сил Севера, отвечающей за организацию и проведение научных исследований в северном регионе. Собранный в марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) отметил укрепившееся положение страны, поставил задачу восстановления промышленности. На съезде была принята «Программа Российской коммунистической партии (большевиков)», в которой отмечалось, что «задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники. Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию и сближению науки с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. РКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны» [5, с. 85–86].

Советская власть уделяла большое внимание освоению северного морского пути и коммерческой навигации для обмена товарами между Северной Европой и Сибирью. Поэтому важной задачей гидрогеографических исследований являлось изучение возможности открытия регулярных навигаций коммерческих и военных судов, а также исследование морских маршрутов к устьям рек Оби, Енисея и Лены с восточного и западного направлений.

21 февраля 1920 года Советское правительство создало Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО) для подготовки плана электрификации. В конце года Всероссийский съезд Советов принял «план ГОЭЛРО» как стратегический план социально-экономического и технологического развития советского государства на ближайшие 10-15 лет. В плане закладывался региональный подход к экономическому развитию, страна была поделена на восемь экономических зон: Север, Центральный промышленный район, Юг, бассейн реки Волги, Урал, Западная Сибирь, Кавказ и Туркестан. В северной экономической зоне основное внимание уделялось научным исследованиям, развитию транспортной системы по Северному морскому пути и строительству энергетических объектов в арктическом регионе. Комплексные научно-исследовательские работы были включены во вторую часть плана развития Севера, включая разведку геологическими экспедициями топливно-энергетических ресурсов на севере, разведку железной руды и разработку угля на Урале, разведку полезных ископаемых в Норильске и т. д. [7, с. 129]. В то же время для изучения и развития производительности Севера Высший совет народного хозяйства учредил подчиненную организацию – Северную научно-промысловую экспедицию.

10 марта 1921 г. Совет народных комиссаров утвердил основные принципы научных исследований в Советском государстве: системность, комплексность и целенаправленность – и подчеркнул, что научно-исследовательские работы в Арктике должны проводиться исключительно комплексно и в плановом порядке. Упомянутые выше принципы научных исследований в Арктике, провозглашенные Советом народных комиссаров в 1921 году, четко указывали направления исследований Севера, и с тех пор научные сотрудники всегда придерживались этих принципов в проведении научных исследований в Арктическом регионе. Объектом арктических научных исследований стали Северный Ледовитый океан и острова, а также арктический сухопутный регион, и изучать их следовало в единстве. Область исследований должна была охватывать такие направления, как общую географию, биологию, метеорологию, геофизику, географию, экономику и этнологию. Подчеркивалось, что целенаправленные исследования в Арктике должны непосредственно служить восстановлению и развитию национальной экономики.

В то же время был создан Плавающий морской научно-исследовательский институт (Плаvmорнин) для проведения всесторонних и планомерных научных исследований в Север-

ном Ледовитом океане и его окрестностях, устьях рек, впадающих в Северный Ледовитый океан, в прибрежных районах и на островах Северного Ледовитого океана. Плавморнин учредил биологическое, гидрологическое, метеорологическое и геолого-минералогическое отделения. Так родилась арктическая наука [3, с. 79].

Плавморнин. В 1923 году Плавучий морской научно-исследовательский институт начал работу по гидрологической географии и научным исследованиям в морях и на островах, окружающих Северный Ледовитый океан. До 1926 года Плавморнин выполнил океанографическую съемку огромного морского района от острова Медвежьего до острова Белого, создал несколько научно-исследовательских станций, завершил океанографическую съемку Печоры и районов рыболовства Канинского полуострова, определил распределение и количество рыбных ресурсов в вышеупомянутых морских районах, уточнил пути миграции крупных морских обитателей, таких как морские звери. Исследования, проведенные Плавморнином на островах в северных морях, достигли замечательных результатов.

С 1924 по 1928 г. полярные исследователи Г. А. Ушаков и Б. В. Давыдов руководили экспедицией на острове Врангеля, в северных водах Чукотского полуострова, на островах Северная Земля и в их прибрежных водах. Они измерили площадь острова Врангеля, дали полное представление о топографии острова, а также о его животных и растительных ресурсах [4]. На Северных островах и в окружающих их водах исследователи завершили исследование, измерение и съемку острова Коммунистического союза молодежи, острова Октябрьской революции, острова большевиков и четко определили очертания, особенности ледников и геологические особенности Северных островов. В то же время полярные исследователи провели гидрографическое и географическое картирование в северных водах Баренцева моря и Земли Франца-Иосифа. В конце 1920-х годов в Северном Ледовитом океане было еще около 6 миллионов квадратных километров моря, покрытых льдом. Чтобы всесторонне изучить ледяные поля в Северном Ледовитом океане, в 1929 г. известный полярный исследователь В. Вайзер предложил создать первую арктическую научную дрейфующую станцию. В 1937 г. дрейфующая станция была официально использована для изучения ледяных полей в Северном Ледовитом океане [6, с. 38].

Создание радиостанции Маточкин Шар. В 1923 году Президиум Госплана СССР обсудил меры экономического развития северной части Советского Союза и предложил создать радиостанцию в районе пролива Маточкин Шар и на мысе Желания, организовать в губе Митюшихе научную базу легкого типа для изучения западного побережья, промыслов и природных ресурсов края. Госплан предложил Главному гидрографическому управлению снарядить исследовательские партии. Для строительства радиостанции Маточкин Шар Главное гидрографическое управление организовало гидрографическую экспедицию в составе 239 человек, во главе с секретарем Полярной комиссии АН СССР А. И. Толмачевым. 20 августа 1923 года экспедиция прибыла к месту назначения, приступив к выбору места для радиостанции и ее строительству. За полтора месяца напряженной самоотверженной работы на северном берегу Маточкина Шара была построена радиостанция. Кроме основного здания станции, также были построены домик для магнитных наблюдений, жилой дом из пятнадцати комнат, баня, две кладовые. В радиостанции разместились 10 человек персонала, среди которых были геофизик, метеоролог, геолог и биолог. На радиостанции имелись библиотека, пианино и другой культурный инвентарь. 6 октября 1923 г. радиостанция Маточкин Шар послала первые депеши. Позднее гидрографический отряд произвел съемку расположения станции, определил астрономический пункт, выполнил магнитные и метеорологические наблюдения.

Северная научно-промысловая экспедиция. В 1920-е годы ВСНХ создал подчиненную организацию – Северную научно-промысловую экспедицию (Севэкспедиция) для развития и эксплуатации северных производительных сил. В отличие от исследовательского направления Плавморнина, Северная научно-промысловая экспедиция в основном проводила научно-исследовательские работы в континентальном районе Арктики. В 1921 году Севэкспедиция организовала Мурманскую биологическую научную станцию для возобновления навигационных исследований по Кольскому меридиану.

Полярные исследования Академии наук СССР. В 1920-е годы под руководством Академии наук вели комплексные исследования две организации: Полярная комиссия АН СССР и Якутская комиссия ЯН СССР – свое внимание они сосредоточивали на северных районах Сибири, Якутии и северо-востока Сибири. Полярная комиссия сосредоточилась на изучении природы полуострова Таймыр, северной части Западной Сибири и Новой Земли. Члены ко-

манды изучали природную среду и экологические ресурсы полуострова Таймыр. В апреле 1924 г. Президиум Академии наук СССР создал Комиссию по изучению производительных сил Якутской автономной республики, то есть Якутскую комиссию АН СССР, для проведения в Якутии комплексных научных исследований по освоению природных ресурсов и содействию развитию производительных сил.

В 1925 году Якутско-Алданская экспедиция выехала из Ленинграда в бассейн реки Лены и в Якутии были официально начаты разведочные и исследовательские работы. Вместе с Якутско-Алданской экспедицией были созданы еще пять отдельных экспедиционных отрядов: Вилюйский, Ленский ихтиологический, Алданский гидрологический и Аэрологический [1, с. 21–22, 37–39.]. В 1925–1927 гг. экспедиционные отряды были распределены в южных и центральных районах Республики Якутии для научных исследований в области геологии, общей географии, зоологии, ихтиологии, гидрографических исследований, метеорологии и экономической этнологии. С лета 1927 г. Якутская комиссия исследовала северные реки Якутии, провела гидрографические и гидрологические исследования в бассейнах рек Яна, Индигирка и Колыма с целью развития каботажного плавания между устьями восточносибирских рек.

Геологическая разведка и поиск топливно-энергетических ресурсов. В плане ГОЭЛРО намечался целый комплекс изыскательских работ на Севере, в основном поиск местных топливно-энергетических ресурсов. С 1919 по 1921 г. геолог Н. Н. Урванцев руководил группой по проведению геологоразведочных работ и добыче полезных ископаемых в Норильском районе полуострова Таймыр, после разведки были подтверждены запасы высококачественного угля в этом районе. Запасы каменного угля в Норильском месторождении ориентировочно оценивали в 4 миллиарда пудов. На втором году экспедиция также обнаружила залежи графита и медно-никелевую руду возле угольной шахты. Комитет Северного морского пути принял немедленные меры для организации добычи угля и строительства железной дороги. В 1924 году экспедиция Урванцева произвела пробную добычу руды. Анализ опытной металлургической плавки показал, что Норильские руды богаты никелем и платиной. В 1925–1927 гг. экспедиция во главе с П. С. Алилуевым подтвердила промышленное значение месторождений.

В 1922–1923 гг. Северная научно-промысловая экспедиция также организовывала геологические изыскания в бассейне Печоры, в Вологодской и Олонецкой губерниях, на Кольском полуострове. В 1926 году в Хибинских горах Кольского полуострова экспедиция А. Е. Ферсмана открыла крупнейшее в мире месторождение апатита. В то же время в верхних районах Колымы и Индигирки экспедиция обнаружила месторождения драгоценных металлов, в том числе золота. С 1929 по 1930 гг. группа геофизической экспедиции Якутской комиссии АН СССР проводила геологоразведочные работы в Колымском крае. Экспедиция создала 17 астрономических станций и 29 геомагнитных наблюдательных пунктов, собрала 2500 кг геологических образцов и детально изучила геологические и горные формы бассейна реки Коремы.

Исследование высоких широт Арктики. В 1928 году, в ходе спасения экипажа дирижабля «Италия», ледокол «Красин» совершил свой первый высокоширотный рейс на остров Шпицберген. Во время рейса экспедиция на ледоколе «Красин» провела гидрометеорологические наблюдения в водах вокруг архипелага Шпицберген, и подтвердила существование большого водного пространства между данным архипелагом и Землей Франца-Иосифа.

Экспедиция Плавморнина открыла острова Известий ЦИКа и группу небольших Краснофлотских островов [4]. В северных водах Карского моря участники экспедиции обнаружили острова Визе, Исальченко, Воронина и Шедова. Ученые обнаружили обширное мелководье на морском дне в центральных водах Карского моря и назвали это мелководье центральным нагорьем Кары (глубина – менее 50 метров). В 1923–1933 гг. Плавморнин создал 19 радиометеорологических полярных станций на суше и на островах Северного Ледовитого океана для метеорологического и гидрологического мониторинга.

Комплексные исследования, проводимые Плавморнином, соответствовали принципам научного развития в Советском Союзе и существенно дополнили такие разделы научных знаний об Арктике, как метеорология, гидрогеография, гидрология, гидрохимия, геология, биология и ихтиология. Работа Плавморнина увенчалась выпуском крупных научных трудов, среди которых наибольшей известностью пользуются книги «Морские воды и морские льды» (Н. Зубов), «Геология моря» (М. Кленовая), «Фауна морей СССР» (Л. Зенкевич), «Химия моря» (С. Буревич), «Физика моря» (В. Шулейкин). Кроме того, персонал Плавморнина обнаружил скопления рыбы у о. Колгуева, к северу и востоку от него, а также на восточных склонах

Шпицбергенского мелководья, выявил сроки и степень концентрации промысловых рыб. Плавморнин внес важный вклад в развитие рыболовецкого промысла в вышеуказанных морях. Научные исследования Плавморнина в северных морях имели важное теоретическое и практическое значение.

Создание радиостанции Маточкин Шар явилось крупным событием в научных исследованиях северного региона. Радиостанция Маточкин Шар стала важным узлом, соединяющим североевропейский регион с сибирским регионом. В 1924 году Полярное радио Маточкин Шар было преобразовано в Полярную геофизическую метеорологическую обсерваторию и стало самой северной метеорологической обсерваторией на Земле. В этой высокоширотной обсерватории советские ученые завершили первое изучение природных условий, полярных сияний и геомагнетизма арктических островов. Кроме того, Академия наук СССР и ее Ботанический музей ежегодно отправляли исследователей в обсерваторию для проведения исследований в области биологии Арктики. Метеорологическая станция Маточкин Шар постепенно завоевала признание мировых исследователей, и в 1928 году участники Международной конференции «Арктическая авиация» выразили свое одобрение научно-исследовательской функцией метеостанции.

Некоторые достижения были сделаны в области разведки и разработки полезных ископаемых. В первой половине 1920-х годов исследователи провели результативную разведку полезных ископаемых в Норильском районе, заложив основу для промышленного строительства Норильска в течение первой пятилетки. В начале 1930-х годов с развитием промышленности в Норильском районе были построены первые угольные шахты, а по обе стороны реки Норилки появилось много поселений. Вскоре Норильск превратился в один из важнейших промышленных центров Советского Союза.

Наряду с развитием научных исследований в Якутии было опубликовано большое количество книг и сборников, таких как «Введение в изучение растительности Якутии», «Материалы по климатологии современного побережья Азии», «Гидрологический очерк моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря». В 1920-е годы исследовательская работа, проводимая Якутской комиссией, играла активную роль в социалистических преобразованиях в Республике Якутии, особенно в области промышленности, сельского хозяйства, рыболовства и промыслов. Гидрологические исследования, проведенные в северных реках Якутии, достигли замечательных результатов. В 1927 году были восстановлены две гидрологические станции на реке Яне, открыты три метеорологические станции, построены навигационные знаки на реке Индигирке [2, с. 265]. Ученые собрали богатый материал по геологии, астрономии, зоологии, этнографии, осуществили наблюдения за земным магнетизмом, создали геофизическую станцию на острове Большом Ляховском на самой южной оконечности Новосибирских островов в октябре 1928 года, ставшей форпостом советской арктической науки. В то же время Якутская комиссия АН СССР заложила основу для последующих исследований и содействовала активизации работы местных научно-исследовательских организаций и научных учреждений в Якутии.

В 1920-х годах основное внимание в научных исследованиях в Советской Арктике уделялось европейскому Северу СССР, Белому, Баренцевому и Карскому морям, а научные исследования на Дальнем Востоке были сосредоточены в Республике Якутии. При изучении островов в северных морях основное внимание уделялось островам Новая Земля. Новая Земля является важной зоной между морями европейского севера и Сибири. Проливы Маточкин Шар и Карские ворота являются важными проходами, связывающими Баренцево и Карское моря. Изучение островов Новая Земля имело важное значение не только для освоения Северного морского пути, но и для развития коммерческого мореходства. Навигация имела важное экономическое значение и большое политическое значение для укрепления статуса и силы Советского Союза в Арктике. Исследования, проведенные советскими учеными на северном побережье, в морях и на островах, также обеспечили необходимые условия и основу для арктической навигации.

Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, научно-исследовательские работы в Арктике способствовали экономическому развитию северного региона и освоению Северного морского пути. В 1920-х годах некоторые участки Северного морского пути уже достигли систематической навигации. С другой стороны, навигация по Северному морскому пути и экономическое развитие на Севере СССР в свою очередь способствовали научным исследованиям в Арктике, наиболее типичным примером являются Карские морские товарообменные экспе-

диции. В 1921–1928 гг. Карские морские товарообменные экспедиции способствовали доставке необходимых импортных товаров для экономического развития Сибири и жизни людей в устьях рек Оби и Енисея, вывозке хлеба и других товаров из Сибири, внесли важный вклад в содействие экономическому развитию в сибирском регионе и восстановлению народного хозяйства.

Карские морские товарообменные экспедиции также способствовали развитию научных исследований в Арктике. С одной стороны, в ходе Карских морских товарообменных экспедиций велось систематическое наблюдение и изучение метеорологической информации об Арктике и состоянии морского льда, был накоплен богатый опыт в прогнозировании погоды, состояния морского льда и ледовых условий, все это способствовало развитию арктической науки. С другой стороны, морское судоходство требует тесного сотрудничества и совместных действий различных ведомств, от чего увеличилось количество штурманов, судоводителей, гидрографов, грузовых моряков, исследователей арктических станций, гидрологов, радистов и т. д. Они обладали опытом и навыками, стали основной силой в развитии Арктики и в проведении научных исследований.

Долгосрочное развитие научных исследований в арктическом регионе являлось важной частью экономического развития арктического региона. В 1928 году в Советском Союзе была принята первая пятилетка развития народного хозяйства, охватывавшая все отрасли, включая план развития арктических научных исследований. В 1930-х годах, основываясь на достижениях научных исследований в Арктике в 1920-х годах, Советский Союз продолжил изучение в высокоширотных районах Арктики, продолжились Карские морские товарообменные экспедиции (1933–1939), продолжались более глубокие исследования в области гидрологии, морского льда, морской воды и морского дна в Баренцевом и Карском морях, в море Лаптевых, в Восточно-Сибирском и Чукотском морях.

Исследования Арктики являлись важной частью советского плана научно-исследовательских работ и играли решающую роль в развитии Северного региона и Северного морского пути, что было важно для укрепления позиций Советского государства на островах и побережье Северного Ледовитого океана. В 1920-е годы такие научно-исследовательские структурные подразделения, как Плавморнин, Полярная комиссия АН СССР и Якутская комиссия АН СССР, играли ведущую роль в арктических научных исследованиях и достигли ряда важных результатов.

Список литературы

1. *Виттенбург П. В.* Якутская Комиссия Академии наук // Материалы по изучению Якутской АССР. Вып. 1. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1925. 157 с.
2. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т. Т. 3. Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. / под ред. Я. Я. Гаккеля, М. Б. Черненко. М.: Морской транспорт, 1959. 510 с.
3. Морской энциклопедический словарь. Т. 1. Л.: Судостроение, 1991. 506 с.
4. Освоение Северного морского пути. URL: http://stud.wiki/geography/2c0a65625b2bd78a5d53b89521306d27_0.html (дата обращения: 05.04.2019).
5. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 71–113.
6. *Серикова У. С.* История освоения Арктики // История науки и техники. 2016. № 4. С. 35–40.
7. *Тимошенко А. И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. 287 с.

Soviet exploration of the Arctic in the 1920-ies

E Yanhua

Doctor of history, associate professor of Institute of history, Heilongjiang University.
China, Harbin. E-mail: yeyanhua1973@163.com

Abstract. The article is devoted to Soviet research of the Arctic in the 1920s. It is noted that in pre-revolutionary Russia only individual researchers and groups of enthusiasts on the initiative took part in the Arctic research and this work was not planned and not coordinated at the state level. It is emphasized that Soviet Russia began to study the Arctic since 1919, i.e. before the end of the civil war. The Soviet government initiat-

ed the deployment of complex scientific research on the vast land of Northern territory from the Kola Peninsula to the Kamchatka Peninsula, in the waters and ice of the Arctic ocean, on the Northern Islands. To conduct researches the decisions of the Soviet government was an establishment of a special structural unit: Floating Marine Research Institute, the Northern scientific-commercial expedition, the Polar Commission of the Academy of Sciences of the USSR, the Yakut Commission of the Academy of Sciences of the USSR. Soviet scientists that were part of these research units, conducted in-depth fundamental and applied research, which determined the Northern land and sea areas as a source of fuel and energy resources and minerals, and the Arctic ocean as a possible transport artery, the Northern sea route.

Keywords: USSR, Arctic, Arctic development, scientific research, Northern sea route.

References

1. Wittenburg P. V. *Yakutskaya Komissiya Akademii nauk* [Yakut Commission of the Academy of Sciences] // *Materialy po izucheniyu Yakutskoj ASSR* – Materials on the study of the Yakut ASSR. Issue 1. L. Publ. of Acad. of Sciences of the USSR. 1925. 157 p.
2. *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti: v 4 t. T. 3.* – History of discovery and development of the Northern sea route: 4 vol. Vol. 3. Belov M. I. *Sovetskoe arkticheskoe moreplavanie 1917–1932 gg.* [The Soviet Arctic navigation 1917–1932], ed. by Ya. Ya. Gakkel, M. B. Chernenko. M. Sea transport. 1959. 510 pp.
3. *Morskoy enciklopedicheskij slovar'* – Marine encyclopedic dictionary. Vol. 1. L. Shipbuilding. 1991. 506 pp.
4. *Osvoenie Severnogo morskogo puti* – Development of the Northern sea route. Available at: http://stud.wiki/geography/2c0a65625b2bd78a5d53b89521306d27_0.html (date accessed: 05.04.2019).
5. *Programma Rossijskoj kommunisticheskoy partii (bol'shevikov)* – The program of the Russian Communist party (Bolsheviks) // *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK* – CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Ed. 9th, ext. and rev. Vol. 2. Moscow : Politizdat, 1983. Pp. 71–113.
6. Serikova U. S. *Istoriya osvoeniya Arktiki* [History of Arctic exploration] // *Istoriya nauki i tekhniki* – History of science and technology. 2016. No. 4. Pp. 35–40.
7. Timoshenko A. I. *Proekty social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v XX v.: koncepcii i resheniya* [Projects of social and economic development of Siberia in XX: concepts and solutions]. Novosibirsk. Sib. scient. publ. 2007. 287 pp.

УДК 947(092)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.053

Абрам Столяр: политическая биография эпохи «Большого террора»

П. А. Чемоданов

кандидат исторических наук, начальник отдела использования архивных документов КПСС и общественных организаций, Центральный государственный архив Кировской области.
Россия, г. Киров. E-mail: Pavelche1492@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена политической биографии Абрама Столяра – известного советского партийного деятеля межвоенного периода. Автор прослеживает этапы его политической карьеры: от простого большевистского агитатора на Дальнем Востоке до руководителя крупных сельскохозяйственных и промышленных регионов Поволжья и Урала. В статье подчеркивается, что А. Я. Столяр, как и многие советские руководители того времени, был активным проводником сталинской политики «Большого террора», но сам впоследствии стал ее жертвой.

Особый акцент делается на периоде работы А. Я. Столяра в Кировской области (1934–1937 гг.). Будучи вторым секретарем Горьковского краевого комитета ВКП(б), он был назначен в декабре 1934 г. руководителем вновь созданного региона – Кировского края. Получив обширный по территории и населению, но слаборазвитый в экономическом отношении, регион СССР А. Я. Столяр и его команда развернули активную деятельность по развитию вверенных им территорий и, согласно автору, преуспели в этом деле. Впоследствии эта деятельность была продолжена им на посту руководителя Свердловской области – крупнейшего промышленного региона Урала. Последующий арест А. Я. Столяра и показания, данные им на Лубянке в 1938 г., не могут, как полагает автор статьи, перечеркнуть реально-го положительного вклада А. Я. Столяра в экономическое и культурное развитие Европейской России.

Ключевые слова: Кировский край, Свердловская область, Абрам Столяр, сталинизм, Коммунистическая партия, номенклатура, органы управления, политические репрессии, советская провинция, политическая элита, бюрократия, административно-территориальное деление, индустриализация, сельское хозяйство, экономическое развитие, Лубянка.

В конце 1934 г. произошли существенные изменения на административно-территориальной карте СССР. Так, 7 декабря 1934 г. Президиум ВЦИК принял постановление о разукрупнении ряда регионов страны, в числе которых оказались Горьковский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Средне-Волжский края. При этом первый из перечисленных регионов был разделен на собственно Горьковский и Кировский края. На это решение прямое влияние оказало убийство 1 декабря того же года С. М. Кирова и переименование г. Вятки в г. Киров, произведенное еще 5 декабря [13, с. 339–340].

Первым секретарем Кировского крайкома ВКП(б), т. е. фактическим руководителем нового региона, сразу же после этого был назначен Абрам Яковлевич Столяр (1901–1938). Именно он управлял Вятской землей в сложнейший исторический период 1935–1937 гг. Несмотря на историческую значимость фигуры А. Я. Столяра для Вятского края, подробностей его биографии известно немного. Автор этих строк надеется хотя бы частично восполнить обозначенный пробел на основе ранее не изученных материалов двух государственных архивов – Центрального государственного архива Кировской области и Центра документации общественных организаций Свердловской области, а также других доступных источников: воспоминаний и периодики тех лет.

Основные факты жизни Абрама Яковлевича Столяра можно почерпнуть из его автобиографии [11, л. 9–10]. Он родился в апреле 1901 г. в селе Олов Читинского уезда Забайкальской области Российской империи в семье крестьянина еврейского происхождения. В конце 1900-х гг. немалая к тому времени семья Столяров (8 детей) переехала в г. Нерчинск, где глава семьи постепенно начал свое дело. Первоначально он на верблюдах возил мясо на Нерчинские золотые прииски, где торговал им, затем сам стал владельцем одного из приисков. Однако разбогатеть Якову Столяру не удалось, и перед началом Первой мировой войны он разорился, попав за долги в заключение сроком на два года. Старшим детям в семье пришлось в тот период наняться на работу. Пользуясь заработками старших братьев и сестер, юный Абрам смог учиться в Нерчинском реальном училище и окончить его в 1917 г.

Сам А. Я. Столяр впоследствии следующим образом описывал этот непростой отрезок своей жизни: «Время разорения отца было чрезвычайно революционизирующим моментом для всей семьи, так как от обеспеченной жизни пришлось впасть в крайне бедственное положение с сопровождающим его изменением отношения всех окружающих» [11, л. 9].

Именно в таком положении семью Столяров застала Февральская революция. В апреле того же года в Нерчинске членом Сибирского бюро ЦК РСДРП(б) Прямоным была создана партийная организация большевистской партии, куда вступил и выпускник Нерчинского реального училища Абрам Столяр. Он же стал одним из создателей коммунистической молодежной организации, «стоящей на платформе признания советской власти», которая со временем влилась в комсомол.

В период между Февралем и Октябрем 1917 г. А. Я. Столяр в числе других активистов вел агитацию против войны с Германией и за передачу всей полноты власти советам в среде крестьян, рабочих-кожевников и казаков. Затем будущий руководитель Кировского края непосредственно участвовал в становлении советской власти на Дальнем Востоке: был комиссаром почты и телеграфа, секретарем Нерчинского совета рабочих и солдатских депутатов, членом комиссии по сбору контрибуции (по итогам Брестского мира), участвовал в «усмирении казаков» и т. д. После образования РККА, будучи председателем военного отдела Совета РСД, принимал участие в организации армейских частей. С первым образованным красноармейским отрядом ушел на Забайкальский фронт в качестве комиссара.

Дальнейшая биография А. Я. Столяра была не менее насыщенной. На фронте он являлся представителем военно-полевого суда над «семеновцами» (т. е. пленными бойцами и командирами белой армии атамана Г. М. Семенова). В сентябре 1918 г., в связи с начавшейся иностранной интервенцией на Дальний Восток и последовавшим за ней падением советской власти, в составе конного партизанского отряда отступил на Амур. Затем (уже нелегально) Абрам Столяр с несколькими товарищами пытался через КВЖД перебраться в Сибирь, однако группа задержалась в «полосе отчуждения» КВЖД (имеется в виду территория, оккупированная войсками китайского военачальника Чжан Цзолиня).

В период нахождения в Маньчжурии А. Я. Столяр вел нелегальную политическую деятельность против бывшего царского управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата. Лишь к маю 1920 г. он получил возможность вернуться на советскую территорию и обосновался в г. Верхнеудинске (совр. Улан-Удэ), который являлся в тот момент столицей Дальневосточной республики. С этого момента и до ноября того же года служил в политическом отделе Народно-Революционной армии ДВР. С ноября 1920 г. Абрам Яковлевич работал заместителем начальника Центральной партийной школы флота и армии ДВР. В конце 1920–1921 г. продолжал службу в нарревармии Дальневосточной республики, параллельно с этим вел массовую политическую работу, являясь членом дальневосточного бюро ЦК РКП(б).

В октябре 1921 г. А. Я. Столяр был командирован в г. Екатеринбург для учебы в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, где параллельно работал членом бюро ячейки лекторской группы и секретарем дискуссионного клуба. В 1924 г. успешно завершил обучение в университете. После этого, в связи с «Ленинским призывом» в партию был направлен на работу в Нижегородский губком РКП(б) (с 1925 г. – ВКП(б)); позже – в Канавинский райком г. Нижнего Новгорода, где работал сначала лектором и редактором газеты «Нижегородская коммуна», а после был назначен первым секретарем указанного райкома партии.

С этого момента партийная карьера А. Я. Столяра пошла в гору. В 1929 г. он перешел на работу в Нижегородский крайком ВКП(б), где стал быстро подниматься по служебной лестнице, сменив должности заведующего агитмассовым отделом, 3-го секретаря крайкома и, наконец, 2-го секретаря Горьковского крайкома ВКП(б). В декабре 1934 г. был утвержден в должности первого секретаря новообразованного Кировского крайкома ВКП(б) [10, л. 2]. Он руководил Кировским краем (с декабря 1936 г. – Кировской областью) до июня 1937 г., пока не был переведен на должность первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б). За период своей партийной деятельности, начавшейся еще в 1917 г., избирался делегатом VII, VIII Всесоюзных, XII Всероссийского съездов Советов, XVI и XVII съездов ВКП(б), членом ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва (1937) [6, с. 41–42].

Итоги развития Вятского края под руководством А. Я. Столяра были подведены уже после его перевода в Свердловск, на I Кировской областной партийной конференции, состоявшейся в июне 1937 г. В материалах к отчету Кировского обкома ВКП(б), изданных к ее началу, приводились следующие показатели. Так, основные фонды промышленности территорий,

вошедших в конце 1936 г. в состав Кировской области, выросли на 41%, а валовая продукция всей промышленности в начале 1937 г. составляла 170% к уровню 1934 года. Увеличилась численность рабочего класса региона: с 35 тыс. чел. до 43 тыс. (государственная промышленность за вычетом Удмуртии). Согласно официальной версии, более 40% из них было охвачено стахановским движением, начавшимся на территории края в сентябре 1935 г.

Значительный прогресс наблюдался и в механизации сельского хозяйства: в начале 1937 г. в области было 78 машинно-тракторных станций с 5366 тракторами вместо 48 МТС с 1053 тракторами в конце 1934 г. [3, с. 3]. Серьезный толчок был дан и развитию культуры. Показательно, что именно после назначения А. Я. Столяра первым секретарем Кировского крайкома ВКП(б) в регионе появилось собственное государственное книжное издательство [5, с. 90].

За годы руководства А. Я. Столяра начал преобразовываться и сам региональный центр. В г. Кирове в 1935–1937 гг. было начато возведение широко известных ныне зданий центральной гостиницы, драматического театра, Дома Советов, «дома чекистов» и двух «домов облисполкома» (на набережной р. Вятки). Был также пущен в строй один из двух существовавших тогда в Советском Союзе Комбинат учебно-технического школьного оборудования, где на 1 января 1937 г. работало около 4 тыс. рабочих [3, с. 14].

О личных качествах Абрама Яковлевича невозможно судить по сухим архивным документам. Однако сохранились любопытные воспоминания известного передовика Омутнинского металлургического завода, сталевара Ф. К. Виловатых о встрече с ним на I краевом совещании стахановцев (г. Киров, 2 декабря 1935 г.). Стахановец вспоминал: «В Кирове я встретился с тов. Столяр. Он сказал мне, что на некоторых заводах выплавляют на квадратный метр [стали] в два-три раза больше, чем Омутнинские заводы. Я ответил на это тов. Столяр: «Шесть с половиной тонн я, пожалуй, дам, Абрам Яковлевич!» «Когда дашь шесть с половиной тонн, напиши мне», – сказал, пожимая мне руку, товарищ Столяр. – «Филипп Кузьмич, я на тебя надеюсь...» [7, с. 37]. Из приведенного отрывка можно заключить, что первый секретарь Кировского крайкома ВКП(б) был прост в общении даже с простыми рабочими.

Это подтверждается также воспоминаниями ветерана Кировского педагогического института им. В. И. Ленина П. З. Мосунова о личном общении с А. Я. Столяром. Он вспоминал: «Однажды Столяр пришел в институт на партийное собрание и сел в зале. Послушав, попросил слово для выступления. Председателем собрания был заведующий военной кафедрой Ф. Д. Пестов. И когда Абрам Яковлевич проговорил 10 минут, то Пестов сказал:

– Ваше время вышло.

– Вы знаете, что я секретарь обкома? – ответил Столяр.

– Знаю, но на партийном собрании все пользуются одинаковыми правами.

Поставили вопрос на голосование. И решили: пусть секретарь выступает, сколько ему надо. А после он зашел в партийный комитет института. Говорили о нуждах, о питании студентов» [1, с. 3]. В приведенном отрывке бросается в глаза демократичность А. Я. Столяра как руководителя, что, впрочем, было характерной чертой эпохи.

Перевод в индустриальный Свердловск стал для Абрама Яковлевича серьезным повышением и показателем доверия Москвы, однако кадровая политика новоиспеченного первого секретаря Свердловского обкома партии сразу несла на себе отпечаток «кумовства». Вот что пишет об этом современный екатеринбургский исследователь А. В. Сушков: «В Свердловск новый хозяин области прибыл в сопровождении целой свиты, куда входили руководящие работники, помощники и даже шоферы. В общей сложности Абрам Яковлевич перетащил за собой из Кирова более десятка человек. Самые высокие посты получили Борис Захарович Берман (*бывший 1-й секретарь Удмуртского рескома ВКП(б) – П. Ч.*), занявший кресло третьего секретаря обкома, и Алексей Петрович Грачев (*бывший 1-й секретарь Кировского горкома ВКП(б) – П. Ч.*), который вначале был назначен заведующим промышленным отделом обкома, а позже, в октябре 1937-го – председателем облисполкома. Учитывая, что второго секретаря в обкоме не было почти на всем протяжении столяровского правления, эта тройка стала заправлять всеми (или почти всеми, так как к тому времени значительно возросла роль начальника областного УНКВД) делами в бюро обкома» [8, с. 134].

Судьба самого А. Я. Столяра и многих его выдвиженцев после перевода сложилась трагично. Проработав в Свердловске около десяти месяцев, решением ЦК ВКП(б) от 31 марта 1938 г. он был снят с должности и в этот же день арестован. По некоторым свидетельствам, это случилось в Москве. В конце марта А. Я. Столяра вызвали в столицу в ЦК ВКП(б). Приехав в

Москву, он заселился в гостиницу и позвонил в Центральный комитет, доложив о своем прибытии. В ответ поступило указание оставаться на месте и ждать дальнейших распоряжений. Спустя некоторое время к нему приехали сотрудники НКВД, которые увезли его на Лубянку [4, с. 9].

Уже 6 апреля в г. Свердловске состоялся IV внеочередной пленум обкома ВКП(б), где присутствовал секретарь ЦК партии А. А. Андреев, который выступил с разъяснением решения Москвы в отношении А. Я. Столяра. В резолюции пленума Абрам Яковлевич был обвинен в сокрытии вредительства и развале всех отраслей экономики региона. В документе значились следующие обвинения в адрес бывшего первого секретаря: «Обком ВКП(б) [под его руководством] не выполнил прямых директив ЦК и лично т. Сталина по борьбе с вредительством... Не закончено распределение доходов по трудодням в 1937 г., имеет место незаконное исключение крестьян из колхозов, недопустимые размеры принял падеж скота. Урожай 1937 г. со 100 000 га на 1 апреля оставался необмолоченным..., за 1-й квартал 1938 г. план по чугуну по заводам Востокстали выполнен лишь на 52%, по стали – [на] 66%, план погрузки на ж/д им. Кагановича в I квартале выполнен лишь на 75%...» и т. д. [12, л. 185].

В сводке важнейших показаний арестованных НКВД, поданной И. В. Сталину 3 апреля 1938 г., фигурировали в т. ч. и показания А. Я. Столяра. В документе говорилось: «В поданном заявлении на имя наркома Столяр А. Я. сознался в том, что он с конца 1933 г. являлся участником существовавшей в г. Горьком контрреволюционной организации правых, в которую был вовлечен [бывшим первым секретарем Горьковского крайкома / обкома ВКП(б)] Прамнэком и Погребинским. Организация расставляла на важнейшие посты свои кадры, вела борьбу на идеологическом фронте, проводила вредительство в промышленности и сельском хозяйстве, организовала повстанческую работу и террор против руководителей партии и правительства... Столяр показал, что он, как участник организации правых, проводил вредительскую работу, направленную на срыв льноводства, севооборотов и дезорганизацию планирования сельского хозяйства, в особенности в северо-восточных районах [Свердловской] области...

Столяр также показал, что после избрания его первым секретарем Кировского обкома он, связавшись с участниками организации правых в г. Кирове Ивановым (зав. облЗУ) и Дубинским (зав. Сельхозотделом обкома) продолжал проводить вредительскую работу в области сельского хозяйства в Кировской области. По показаниям Столяра, участниками организации правых в Кировской области являются также: Берман – быв. секретарь обкома ВКП(б) в Удмуртии, работавший последнее время 3 секретарем Свердловского обкома ВКП(б), Абугов, Козленко – быв. секретарь Воткинской парторганизации, Вязанкин – быв. зав. отделом печати обкома. По приезде в Свердловск Столяр проводил ту же линию на сохранение вражеских кадров на местах, продолжая вредительскую линию [бывшего первого секретаря Свердловского обкома] Кабакова в партийной работе. Работая в Свердловской области, Столяр проводил вредительство в сельском хозяйстве, в результате чего привел его в тяжелое положение» [2, с. 263–264].

Разумеется, приведенные показания не могут объективно характеризовать реальную деятельность А. Я. Столяра и его личные качества, поскольку в трагическую эпоху «Большого террора» они, как правило, давались под давлением следствия.

Уже 3 июля 1938 г. А. Я. Столяр был исключен из членов ВКП(б) как «враг народа». 27 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58 п. 7, 58 п. 8, 58 п. 11 УК РСФСР приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение. Точное место гибели А. Я. Столяра до сих пор неизвестно. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 апреля 1956 г. приговор отменен «за отсутствием состава преступления». Постановлением бюро Свердловского обкома КПСС от 16 октября 1956 г. постановление бюро Ленинского райкома ВКП(б) от 3 июля 1938 г. в отношении А. Я. Столяра отменено. Постановлением бюро Свердловского обкома КПСС от 24 января 1989 г. он был восстановлен членом партии с 1917 г. (посмертно) [9, с. 49].

Как видно из приведенных фактов биографии А. Я. Столяра, его жизнь оказалась насыщена самыми разнообразными историческими событиями первой половины XX века. Известные вехи его биографии и профессиональной деятельности говорят о том, что он был активным и талантливым руководителем, прошедшим путь от самых низов. Показания, данные им на Лубянке в 1938 г., носят явные черты самооговора и никоим образом не могут перечеркнуть реального положительного вклада Абрама Яковлевича в развитие Кировской области и других регионов нашей страны, о котором необходимо помнить.

Список литературы

1. Горев Н. Секретарь обкома партии // Кировская правда. 1989. № 82 (7 апреля).
2. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии / сост. В. Н. Хаустов. М. : МФД, 2011. 528 с.
3. Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б) первой областной конференции. Киров : Кировское областное издательство, 1937. 150 с.
4. Ожегин П. Триумф и трагедия // Выбор. 1993. № 24.
5. Полвека в пути. Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. 1918–1968. Киров : [б.и.], 1970. 440 с.
6. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник / сост. В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских. Киров, 2009. 730 с.
7. Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров : Изд-во «Кировской правды», 1936. 95 с.
8. Сушков А. В. Десять месяцев Абрама Столяра: свердловское руководство в политических водоворотах 1937–1938 годов // Россия XXI. 2017. № 1. С. 130–157.
9. Сушков А. В. Руководители г. Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б) – КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950) : историко-биографический справочник. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 168 с.
10. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 6.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 22. Д. 3392.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12.
13. Чемоданов П. А. Из истории создания и развития Кировского края (1934–1936) // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2019 год : информационно-статистический сборник. Киров : Лобань, 2018. С. 339–346.

Abram Stolyar: political biography of the era of “Great terror”

P. A. Chemodanov

PhD of historical sciences, head of the Department of the use of archival documents of the CPSU and public organizations, the Central State Archive of the Kirov region.
Russia, Kirov. E-mail: Pavelche1492@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the political biography of Abram Stolyar – a famous Soviet party figure of the interwar period. The author traces the stages of his political career: from a simple Bolshevik agitator in the Far East to the head of large agricultural and industrial regions of the Volga region and the Urals. The article emphasizes that A. Y. Stolyar, like many Soviet leaders of that time, was an active conductor of Stalin's policy of “Great terror”, but he later became its victim.

Special emphasis is placed on the period of work of A. Y. Stolyar in the Kirov region (1934–1937). Being the second Secretary of the Gorky regional Committee of the CPSU(b), he was appointed in December 1934 the head of the newly created region – the Kirov region. Having a vast territory and population, but underdeveloped in economic terms the USSR region, A. Y. Stolyar and his team launched an active work for the development of the territories entrusted to them and, according to the author, succeeded in this matter. Subsequently, this activity was continued by him as the head of the Sverdlovsk region – the largest industrial region of the Urals. The subsequent arrest of A. Y. Stolyar and the testimony given by him in Lubyanka in 1938, can not, as the author believes, cross out the real positive contribution of A. Y. Stolyar to the economic and cultural development of European Russia.

Keywords: Kirov region, Sverdlovsk region, Abram Stolyar, Stalinism, Communist party, nomenclature, governing bodies, political repressions, Soviet province, political elite, bureaucracy, administrative-territorial division, industrialization, agriculture, economic development, Lubyanka.

References

1. Gorev N. Sekretar' obkoma partii [Secretary of the regional party Committee] // *Kirovskaya pravda* – Kirov Truth. 1989, № 82 (7 April).
2. Lubyanka. Sovetskaya elita na stalinskoj golgofe. 1937–1938. Arhiv Stalina: Dokumenty i kommentarii – Lubyanka. The Soviet elite in the Stalinist Calvary. 1937–1938. Stalin's archive: Documents and comments / comp. V. N. Khaustov. M. MFD. 2011. 528 p.
3. Materialy k otchetu Kirovskogo obkoma VKP(b) pervoj oblastnoj konferencii – Materials to the report of the Kirov regional Committee of the CPSU(b) of the first regional conference. Kirov. Kirov regional publishing house. 1937. 150 p.

4. Ozhegin P. *Triumfi i tragediya* [Triumph and tragedy] // *Vybor – Choice*. 1993, No. 24.
5. *Polveka v puti. Kirovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut imeni V. I. Lenina. 1918–1968 – Half a century on the road*. Kirov State Pedagogical Institute named after Lenin. 1918–1968. K. [without publ.], 1970. 440 pp.
6. *Politicheskie lidery Vyatskogo kraja. Biograficheskij spravocnik* – Political leaders of the Vyatka region. A biographical dictionary / comp. V. S. Garvin, E. N. Chudinovskikh. Kirov. 2009. 730 pp.
7. *Rabotat' po-stahanovski. Stahanovcy Kirovskogo kraja* – To work in a Stakhanov way. Workers of the Kirov region. Publishing house of the "Kirov truth". 1936. 95 pp.
8. Sushkov A. V. *Desyat' mesyacev Abrama Stolyara: sverdlovskoe rukovodstvo v politicheskikh vodovorotah 1937–1938 godov* [Ten months Abram Joiner: Sverdlovsk leadership in the political whirlpools of 1937–1938] // *Rossiya XXI – Russia XXI*. 2017, No. 1, pp. 130–157.
9. Sushkov A. V. *Rukovoditeli g. Sverdlovsk: pervye sekretari gorkoma VKP(b) – KPSS (1932–1991), vtorые sekretari gorkoma VKP(b) (1937–1950): istoriko-biograficheskij spravocnik* [Leaders of Sverdlovsk: the first secretaries of the city Committee of the CPSU(b) – CPSU (1932–1991), the second secretaries of the city Committee of the CPSU(b) (1937–1950): historical and biographical guide]. Ekaterinburg. Bank of cultural information. 2007. 168 pp.
10. Central state archive of the Kirov region (CSAKR). F. P-1255. Inv. 2. File 6.
11. The center of documentation of public organizations of Sverdlovsk region (CDPOSR). F. 4. Inv. 22. File 3392.
12. CDPOSR. F. 4. Inv. 33. File 12.
13. Chemodanov P. A. *Iz istorii sozdaniya i razvitiya Kirovskogo kraja (1934–1936)* [From the history of creation and development of the Kirov region (1934–1936)] // *Pamyatnaya knizhka Kirovskoj oblasti i kalendar' na 2019 god: informacionno-statisticheskij sbornik* – Memorial book of the Kirov region and the calendar for 2019: information and statistical collection. Kirov. Loban. 2018. Pp. 339–346.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 940.54

doi: 10.25730/VSU.2070.18.054

Соединенные Штаты, ЮНРРА и проблема экономического восстановления Чехословакии в 1945–1947 гг.*

А. В. Зорин

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-3238-9036. E-mail: arzor@list.ru

Аннотация. Одной из проблем, с которыми столкнулись страны Европы после окончания Второй мировой войны, была необходимость экономического восстановления. Главную роль в ее решении в первые послевоенные годы сыграла Администрация Объединенных Наций по оказанию помощи и реабилитации (UNRRA – ЮНРРА), внесшая большой вклад в восстановление многих государств, включая Чехословацкую республику. Однако в условиях зарождавшейся холодной войны ее экономическая деятельность оказалась тесно переплетенной с политическими отношениями. Поскольку главным спонсором организации являлись США, а Чехословакия постепенно входила в сферу влияния СССР, безвозмездная помощь со стороны ЮНРРА вызывала серьезные нарекания и опасения американских дипломатов в Праге.

Посол США в ЧСР Л. Штейнгардт полагал, что чехословацкое отделение ЮНРРА во главе с гражданином СССР П. Алексеевым способствовало не столько восстановлению чехословацкой экономики, сколько усилению влияния левых сил и проведению социалистических преобразований. Штейнгардт воспринимал работу организации прежде всего в политическом ключе, как одно из проявлений борьбы между просоветскими и прозападными силами. Масштабы оказываемой ЮНРРА помощи и ее освещение в прессе встречали серьезное недовольство американцев. Таким образом, экономические цели данной организации приходили в противоречие с политическими интересами США. Несмотря на настойчивые и категоричные заявления со стороны Штейнгардта, чехословацкое отделение ЮНРРА сохраняло независимость до окончания работы организации, оказав значительную помощь в восстановлении экономики данной страны. Однако противоречивый характер ее деятельности привел к прекращению финансирования данной программы со стороны Вашингтона и переходу в 1947 г. к Плану Маршалла.

Ключевые слова: история Чехословакии (1945–1948), американско-чехословацкие отношения, ЮНРРА.

Чехословацкая республика (ЧСР) прекратила свое существование в марте 1939 г., еще до официального начала Второй мировой войны. Созданное вскоре после этого в Лондоне чехословацкое правительство в изгнании под руководством президента Э. Бенеша претендовало на международное представительство своей страны. Однако оно не сразу смогло получить признание и помощь со стороны главных союзных держав Антигитлеровской коалиции. Первым государством, предоставившим ему финансовую поддержку, стала Великобритания, выделившая за годы войны три кредита общим объемом в 17,5 млн фунтов стерлингов на содержание государственного аппарата и вооруженных сил [28]. После признания чехословацкого эмигрантского правительства Москвой в июле 1941 г. СССР стал оказывать финансовую поддержку в оснащении сформировавшихся на его территории чехословацких вооруженных сил [1, с. 63–64].

США не спешили с оказанием аналогичной помощи. После официального признания правительства Бенеша, в июне 1942 г. было подписано чехословацко-американское соглаше-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501)
© Зорин А. В., 2018

ние о ленд-лизе [19, р. 38]. Однако поставки по этой программе начались лишь летом 1945 г. Главную роль в оказании помощи при восстановлении экономики Чехословакии сыграла Администрация Объединенных Наций по оказанию помощи и реабилитации (UNRRA – ЮНРРА).

Историография деятельности ЮНРРА представлена достаточно широко. Однако ее деятельность в ЧСР исследовалась лишь в нескольких работах. Первым, кто обратился к этому вопросу, был бывший сотрудник экономического отдела посольства США в Праге, а затем чехословацкого отделения ЮНРРА У. Даймонд. В своей работе, опубликованной в 1947 г., он описал основные направления работы организации в ЧСР и объем полученной Прагой экономической помощи. Однако его выводы носили предварительный характер. Даймонд избегал давать политические оценки деятельности, акцентируя внимание лишь на экономической составляющей [4].

Подробное исследование работы ЮНРРА в Чехословакии было предпринято лишь в 1993 г. К. Соммером, детально осветившим фактологическую сторону деятельности организации в ЧСР [35]. С. Михалец в вышедшей в 1995 г. книге по истории американско-чехословацких экономических отношений также уделил внимание данному вопросу [19]. Однако в обеих указанных работах был слабо исследован политический аспект данной проблемы. Было обойдено вниманием отношение к деятельности организации в ЧСР со стороны официальных представителей США, которые внесли главный вклад в финансирование ЮНРРА.

Финансово-экономические аспекты политики США в отношении Чехословакии, в том числе в связи с работой ЮНРРА, упоминались и в ряде работ по истории политических взаимоотношений этих стран [2; 3; 7; 37]. Но в них деятельность организации рассматривалась лишь в общем контексте американской финансово-экономической политики первых послевоенных лет.

Неопубликованные документы из фондов Национального архива США и Библиотеки конгресса США (архив посла США в ЧСР Лоуренса Штейнгардта) позволяют более детально исследовать поставленную проблему и осветить ряд ранее слабо изученных вопросов [8; 20].

ЮНРРА была официально учреждена в 1943 г. по инициативе президента США Ф. Д. Рузвельта. Она представляла собой новое воплощение действовавшей после Первой мировой войны Американской администрации помощи. Но, в отличие от нее, создавалась как международная структура. Среди представителей государств-учредителей организации, подписавших договор о ее создании 9 ноября 1943 г. в Атлантик-Сити, были чехословацкие делегаты Я. Масарик и Ф. Немец. Задачей ЮНРРА было объявлено планирование, координация и организация мер по оказанию помощи пострадавшим от войны странам [3, р. 78; 19, р. 40–41; 38, р. 23].

Спонсорами ЮНРРА должны были стать не только США, но все ее участники. Получая необходимую помощь, они должны были поставлять и собственные товары другим нуждающимся странам в зависимости от своих экономических возможностей. Крупнейшим донатором выступили Соединенные Штаты, обеспечившие в 1945 г. 73% фондов организации (1,8 млрд долл.). Великобритания предоставила 17% (320 млн), Канада – 4% (69 млн). Чехословакия за все время работы ЮНРРА выделила ей продукции на 4,9 млн долл. [3, р. 91–93; 35, р. 11].

Задача ЮНРРА состояла в поставках необходимых ресурсов для предотвращения голода, эпидемий, восстановления промышленного производства и коммуникаций. Нуждавшиеся страны могли получить необходимое сырье, продовольствие, одежду, медикаменты, транспортные средства, топливо и т. д. Аппарат организации должен был контролировать распределение предоставляемой продукции, взаимодействуя с властями государств-получателей [3, р. 80–81].

На первом этапе работы ЮНРРА с ноября 1943 по август 1945 г. были согласованы основы требований для европейских стран, разработана политика закупок необходимых товаров. На втором этапе организация занималась собственно поставками сырья и необходимой продукции для восстановления пострадавших отраслей экономики [3, р. 97].

Чехословацкое правительство представило ЮНРРА список необходимых для восстановления страны товаров в августе 1944 г. 26 февраля 1945 г. чехословацким правительством был подписан договор с организацией, регулировавший правила предоставления помощи [38, р. 23].

Штаб-квартира ЮНРРА располагалась в Вашингтоне, ее главный европейский офис – в Лондоне. Со стороны правительства США взаимодействие с организацией шло через созданное в 1943 г. Управление операций по оказанию помощи и реабилитации, которое затем было объединено с Управлением ленд-лиза и Управлением экономической войны во Внешнеэко-

номическое управление. В октябре 1945 г. работа с ЮНППА была передана в Государственный департамент. Генеральным директором ЮНППА стал бывший губернатор Нью-Йорка Г. Леман [3, р. 79]. В 1945 г. его сменил бывший мэр Нью-Йорка Ф. Ла Гуардия. С 1947 г. до окончания ее работы во главе организации находился генерал-майор Л. Рукс [36, р. 3].

В странах-реципиентах размещались 29 территориальных отделений и 16 миссий, которые выступали в качестве связующего звена между принимающим правительством и руководством ЮНППА [3, р. 101]. Правительства принимавших государств должны были информировать штаб-квартиру организации о своих нуждах, планах, средствах и результатах распределения получаемых материалов. Каждая страна обязалась предоставить ЮНППА местную валюту для покрытия операционных расходов [3, р. 99].

Главой чехословацкого отделения был назначен советский гражданин П. И. Алексеев (сотрудник Наркомата внешней торговли и бывший торговый представитель СССР в Тегеране). Он прибыл в Прагу 23 мая 1945 года [35, р. 14; 38, р. 30].

До окончания войны чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне поддерживало прямые контакты с организацией через своего постоянного представителя Немеца. В июне 1945 г. он стал главой созданного при Министерстве продовольствия ЧСР отделения ЮНППА. 10 августа 1945 г. оно было переименовано в Чехословацкое управление экономической помощи и восстановления. В августе 1946 г. Немеца сменил на посту руководителя М. Кернер, а его заместителем стал Е. Лебл. В штаб-квартире ЮНППА в Вашингтоне с 26 мая 1945 г. Чехословакию представлял доктор В. Шлезингер [35, р. 15–16; 38, р. 28].

Первая партия товаров ЮНППА для Чехословакии прибыла морским путем в румынский порт Констанца 8 апреля 1945 г. Она состояла из продовольствия, одежды, обуви, медикаментов, грузовых автомобилей. 2 мая 1945 г. на территорию ЧСР пришел первый железнодорожный состав из Румынии с доставленными материалами. В течение следующих шести месяцев Констанца была единственным портом, через который Чехословакия могла получать поставки от ЮНППА [35, р. 21; 38, р. 29]. Всего в него прибыло 40 судов с товарами для Чехословакии общим весом 168 тыс. т, которые были доставлены в ЧСР на 347 составах и 12 тыс. вагонах. В основном это были продукты питания, обувь, текстиль, автомобили, металлы, лекарства [19, р. 40].

С октября 1945 г. стали осуществляться поставки через территорию Германии из портов Гамбурга, Бремена и Роттердама железнодорожными или речными путями. В связи с нехваткой подвижного состава был создан механизм обмена вагонами и система временного хранения. В обмен на каждый предоставленный оккупационными властями вагон Чехословакия возвращала свой собственный на пограничную станцию в течение 24 часов. Это повлекло необходимость создания временных хранилищ для поставок ЮНППА в западной части республики. Объемы перевозок воздушным транспортом были незначительны: 83 т товаров было доставлено 80 авиарейсами [38, р. 38].

Кроме того, из портов Франции и Бельгии прибывавший из Америки автотранспорт доставлялся в ЧСР своим ходом. Перегонкой автомобилей занимались специальные армейские подразделения, а конечной точкой стала штаб-квартира американской армии в ЧСР – г. Пльзень. Оттуда автомобили распределялись, помимо Чехословакии, в другие страны. Таким образом в Чехословакию было доставлено 3,2 тыс. автомобилей канадского производства из Бельгии, 4 тыс. – из Франции, 2,7 тыс. – из Великобритании. Каждый из них содержал бензин для поездки и 100 галлонов (450 литров) для использования в Чехословакии [3, р. 116–120; 35, р. 22–23]. Всего ЧСР получила 10 тыс. автомобилей и 6 тыс. прицепов, 2 тыс. вагонов, 75 локомотивов, 112 тыс. тонн топлива. Грузовые автомобили, поставленные ЮНППА, составили треть от их общего числа в республике, а их доля в грузоперевозках достигала 60% [4, р. 77; 19, р. 42; 38, р. 36].

За 1945 г. в Чехословакию было поставлено 293 тыс. т товаров. С января 1946 г. в ежемесячно доставлялось по 150 тыс. т. К концу марта 1947 г. поставки достигли 1,6 млн т. Около половины всех поставленных товаров составляло продовольствие, четверть – машины и оборудование [4, р. 67; 35, р. 22, 97].

Получаемые товары распределялись чехословацкими властями между нуждающимися предприятиями и учреждениями либо поступали для продажи на внутреннем рынке по установленным ценам. Их уровень был не всегда доступен для широких слоев населения вследствие политики правительства, направленной на сокращение наличной денежной массы.

В 1946 г. выручка от продажи товаров ЮНППА на внутреннем рынке составила 45% от чрезвычайных (внеплановых) и 17% от общих доходов чехословацкого бюджета [4, р. 67]. По-

лучаемая от продажи прибыль шла на финансирование программ экономического восстановления и социальные нужды: здравоохранение, образование, жилищно-коммунальную сферу [3, p. 108–112].

Чехословакия стала шестым по объемам полученной от ЮНРРА помощи государством после Китая (490 млн), Польши (470 млн), Италии (417 млн), Югославии (407 млн) и Греции (346 млн). Общая стоимость поставок ЮНРРА для ЧСР составила 273 млн долл. (13,7 млрд чешских крон), а с учетом транспортных расходов – 335 млн (16,8 млрд крон) [35, p. 15]. Хотя выделение помощи прекратилось в 1947 г., последняя партия товаров прибыла в Чехословакию в апреле 1949 г.

Несмотря на огромные объемы материальной помощи и успешные результаты работы ЮНРРА, ее деятельность не была лишена проблем. Прежде всего, они были вызваны нарастающим столкновением политических интересов. Задуманная и созданная на сугубо экономической международной основе, ЮНРРА должна была оставаться вне политических противоречий. Однако в условиях постепенно нарастающей и обострявшейся после окончания войны борьбы между прозападными и просоветскими силами деятельность организации не могла не стать предметом серьезного столкновения интересов.

Эта проблема хорошо прослеживается и на примере Чехословакии. Несмотря на учрежденный весной 1945 г. коалиционный Национальный фронт, в республике происходила борьба между составлявшими его умеренными демократическими и левыми радикальными партиями. За постепенным дрейфом влево стояли чешские и словацкие коммунисты, открыто ориентировавшиеся на укрепление связей с СССР и воплощение в жизнь советской модели социально-экономического развития. Иные политические силы также принимали необходимость социалистических изменений, но лишь в умеренной форме и ограниченных масштабах. Поддерживая частичную национализацию производства, развитие государственного сектора экономики, укрепление экономических связей с СССР, они выступали за сохранение сильного частного сектора и тесные торгово-экономические связи с западными странами.

В условиях стремительно ухудшавшихся после войны советско-американских отношений, когда реализовывалась программа помощи ЮНРРА, даже умеренные социалистические реформы не могли не вызвать серьезных опасений с американской стороны, выступавшей основным спонсором организации. Особенно ярко они выражались со стороны посла США в Чехословакии Л. Штейнгардта. Прибыв в Прагу в июле 1945 г., первоначально он позитивно отнесся к оказанию помощи в восстановлении пострадавшей от войны экономики страны. Однако вскоре его отношение кардинально изменилось.

Информацию о деятельности ЮНРРА американский дипломат регулярно получал прежде всего из обзоров местной прессы, от американских сотрудников организации и членов чехословацкого правительства. Уже летом 1945 г. он стал обращать пристальное внимание на недостаточное и искаженное освещение в пражских СМИ роли США в финансировании организации и восстановлении чехословацкой экономики. На фоне усиления активности коммунистов, представитель которых в том числе получил пост министра информации в правительстве, Штейнгардт трактовал данную ситуацию сугубо в политическом ключе. Посла серьезно беспокоило то, что левая пресса преподносила поставки ЮНРРА как безвозмездную помощь со стороны СССР, замалчивая роль США. Отчасти это объяснялось тем, что первоначально все поставки шли с востока, из Констанцы. Лишь в начале сентября 1945 г. в связи с приездом в Прагу делегации американского Конгресса пражские газеты впервые отметили ведущую роль Соединенных Штатов в финансировании ЮНРРА, упомянув, что именно они выделяли 72% фондов организации [34].

Уже в августе 1945 г., когда были предоставлены сведения об участии в помощи ЧСР американских негосударственных организаций («Американская помощь для Чехословакии», Американский красный крест), Штейнгардт рекомендовал направить их средства на финансирование более важных с точки зрения пропаганды проектов: восстановления пражской ратуши, замены разрушенной немцами статуи В. Вильсона, возведения статуи Ф. Д. Рузвельта. Посол предлагал этим организациям действовать напрямую, в обход ЮНРРА [29].

Сообщив о сложившейся ситуации в Вашингтон, Штейнгардт получил из госдепартамента рекомендацию обратиться к соответствующим чехословацким властям с просьбой исправить положение. Госдепартамент также поставил перед послом вопрос о возможности замены Алексея на посту главы чехословацкого отделения ЮНРРА. Штейнгардт не поддержал последнего предложения, связав антиамериканскую пропаганду прежде всего с деятельно-

стью коммунистов. Он обратился к самому Алексееву, который в ответ назначил двух граждан США в состав руководства: Р. Брауна своим заместителем, ответственным за распределение поставок в ЧСР, Й. Хичкока – ответственным за связи с общественностью [37, р. 36]. Браун возглавлял отделение ЮНРРА в Чехословакии во время поездки Алексеева в Вашингтоне в конце 1945 г. В феврале 1946 г. его сменил еще один американец, М. Уинн, бывший нью-йоркский адвокат, ранее служивший со Штейнгардтом в Турции. В апреле 1946 г. в ЮНРРА перешел экономический аналитик американского посольства У. Даймонд [11]. Они стали главными информаторами Штейнгардта внутри чехословацкого отделения.

Действия Алексеева, однако, не удовлетворили американского посла и не сняли всех проблем. Помимо освещения в прессе, существовали проблемы с распределением получаемой от ЮНРРА продукции. Широкую огласку в правой печати получил инцидент в г. Брно, где местные коммунистические власти передали часть полученного продовольствия Красной армии. На разразившуюся критику коммунисты заявили, что советская армия в ответ передала чехословацким властям равное количество другого продовольствия для нужд гражданского населения [37, р. 36].

В конце октября 1945 г. Штейнгардт поднял вопрос о распределении выделяемой ЮНРРА помощи перед президентом Бенешем. Последний фактически признал, что совершил ошибку, передав общее руководство взаимодействием с ЮНРРА в министерство продовольствия, поскольку его глава Вацлав Майер (член умеренной Национально-социалистической партии) из-за высокой занятости переложил всю ответственность за распределение на коммуниста Е. Лебла. Бенеш намеревался подыскать другую кандидатуру на эту должность [5, р. 503]. Однако это так и было выполнено.

Среди проблем, привлечших внимание американского посла, было и недовольство высоким уровнем розничных цен, по которым получаемые от ЮНРРА товары продавались населению. В марте 1946 г. внимание Штейнгардта к этой проблеме привлек Уинн, с явной тревогой отметивший в своем письме послу, что чехословацкая общественность была склонна возлагать ответственность за высокие цены на США (многие товары имели американские маркировки). Уинн сообщал: его «хорошо информированные и образованные» собеседники жаловались на то, что американцы таким образом грабили чехословацкий народ. Он предлагал послу провести пресс-конференцию для разъяснения, что все получаемые товары передавались безвозмездно чехословацкому правительству, которое само назначало цены и получало прибыль от продажи [14].

В защиту организации выступил министр иностранных дел ЧСР Ян Масарик, опубликовавший 7 апреля 1946 г. открытое письмо в независимой газете «Svobodne Noviny». Он призвал не критиковать, а благодарить ЮНРРА за бесплатную помощь [21]. Неизвестно, было ли это заявление сделано по просьбе Штейнгардта, но оно не рассеяло увеличивавшееся недовольство с американской стороны.

Следующим поводом для этого стала появившаяся в начале апреля 1946 г. в коммунистической газете «Rudé právo» статья Лебла, в которой автор ставил под сомнение бесплатный характер выделяемой помощи и, как посчитали американцы, намеренно искажал информацию. Статья была опубликована в преддверии назначенных на май первых парламентских выборов, когда Лебл находился в Москве в составе правительственной делегации. Для Уинна и Штейнгардта это выглядело как стремление левых принизить значимость работы ЮНРРА и роль США в восстановлении Чехословакии. Уинн информировал посла о том, что он обратил внимание на статью чехословацкого премьер-министра, министров продовольствия и иностранных дел. Заявление вызвало критику и со стороны некоммунистических политиков, призвавших к увольнению Лебла с занимаемой должности. С опровержением его высказываний выступил министр Майер. Но Алексей высказался против отставки или перевода Лебла на другую работу [18; 22].

21 мая новой статье в «Rudé právo» Лебл попытался смягчить тон своего прежнего высказывания. Признавая важность поставок ЮНРРА для экономики ЧСР, он в то же время указывал, что платой за них был вклад чехословацкого народа в общую борьбу с фашизмом. Следовательно, получаемая помощь не была безвозмездной. Он призывал воспринимать ЮНРРА не как сугубо благотворительную организацию, а как международное объединение, в котором ЧСР должна была иметь равный статус [23].

Итогом этого скандала стало то, что Леблу временно запретили посещать чехословацкое отделение ЮНРРА, оставив на прежней должности. Но в августе его полномочия были

полностью восстановлены и он был назначен главой чехословацкой делегации на совещании организации в Женеве. Штейнгардт воспринял это как оскорбление, а предшествующее временное отстранение Лебла – как притворное, предпринятое исключительно для устранения недовольства американцев [12].

В преддверии майских выборов 1946 г. Штейнгардт стал обращать больше внимания на освещение вклада США в экономическое восстановление Чехословакии. Посол выражал активное недовольство тем, что местная пресса представляла поставки ЮНРРА прежде всего как подарки Советского Союза [13].

Штейнгардт в своих посланиях в госдепартамент и в личных письмах одному из руководителей Центрально-европейского отдела госдепартамента Ф. Уильямсону последовательно проводил мысль, что выделяемые Праге объемы помощи были избыточными, поскольку она пострадала от войны меньше, чем соседние страны, а из-за начавшейся в 1945 г. депортации немцев ЧСР должна была избавиться от 3 млн нуждавшихся [13].

В одном из посланий Штейнгардт отмечал, что помимо поставок ЮНРРА в 1946 г. Чехословакия получила значительную помощь от американских благотворительных организаций: 2 млн долл. от Американского Красного Креста, 2 млн – от организации «Американская помощь Чехословакии», 1 млн – от Национального католического благотворительного фонда. Совокупная стоимость предоставленной помощи, по оценкам посла, была равна стоимости чехословацкого импорта в США за 7 лет. Общую сумму поставок Штейнгардт оценивал в 275 млн долл. [11; 6, р. 185–188].

Посол также замечал, что огромные экономические вливания прежде всего были выгодны коммунистам, проводившим курс на социализацию экономики. Контролируя процесс распределения, коммунистические члены правительства направляли необходимые ресурсы прежде всего национализированным предприятиям, тем самым создавая впечатление их успешного развития. Это укрепляло популярность левых сил и ослабляло умеренные прозападные партии. При этом в прессе коммунисты открыто критиковали капиталистический строй и американскую финансово-экономическую политику [13].

Бенефициаром этой политики оказывались не только чехословацкие левые, но и СССР. Штейнгардт отмечал, что пражская пресса ежедневно источала «бесконечный поток похвалы» в адрес Москвы, искажая реальные факты. «Если бы мы перечислили все то, что, согласно прессе, сделал Советский Союз для Чехословакии только в экономической области в течение последних восьми или девяти месяцев, и могли бы точно выяснить, что из этого списка было действительно сделано, я уверен, что было бы установлено, что около 75% не было выполнено. Короче говоря, общественность постепенно все более убеждается, что именно Советский Союз восстанавливает и помогает Чехословакии экономически, тогда как на самом деле большая часть помощи до сих пор поступает из западных стран», – замечал посол [13].

Штейнгардт считал, что во многом это было результатом деятельности Алексева. Уинн и Даймонд доводили до сведения посла, что тот полностью контролировал каналы связи с штаб-квартирой ЮНРРА. В результате, «ни одно слово не уходит отсюда относительно реальных условий, кроме непрекращающихся просьб Алексева о том, чтобы получить от ЮНРРА как можно больше, чтобы Чехословакия стала хорошей и сильной для удовлетворения потребностей Советского Союза», – замечал посол в своем письме Уильямсону. В ноябре 1946 г. Штейнгардт жаловался в Вашингтон, что ЮНРРА в Праге «полностью находится в руках Алексева, а немногие сотрудники-американцы не осмеливались противоречить ему, чтобы не потерять работу» [15].

Посол предлагал госдепартаменту добиваться сокращения объемов безвозмездной и безоговорочной помощи, чтобы не играть на руку коммунистам, заставив их осознать негативные последствия своих «экономических экспериментов» [13]. Хотя Уильямсон высказывался в поддержку позиции Штейнгардта, окончательные решения принимались в штаб-квартире организации в Вашингтоне, которая получала информацию прежде всего из своего пражского отделения. Поэтому, когда летом 1946 г. стало известно о предстоящем визите в Европу генерального директора ЮНРРА Ла Гуардии (на август была намечена конференция организации в Женеве), Штейнгардт отправил ему личное приглашение посетить Прагу, чтобы на месте ознакомить с реальным положением дел [13].

В письме Ла Гуардии Штейнгардт подробно изложил свои взгляды относительно Чехословакии, высказав ряд замечаний и соображений. Прежде всего посол с явным упреком указал, что, хотя 75% предоставляемой ЮНРРА помощи направлялось из США, организация не

консультировалась с американским посольством относительно реальных потребностей ЧСР. Он прямо назвал ошибкой назначение главой миссии в Чехословакии Алексева, который, по его словам, сознательно допускал к отправке в штаб-квартиру организации лишь отчеты, «отражающие его личные взгляды или желания». «Существует достаточно доказательств того, что по указанию из Москвы Алексеев стремится получить как можно больше помощи от ЮНРРА без малейшего учета потребностей Чехословакии. Я убежден, что полное и справедливое расследование выявит, что выделенные 275 млн долл. почти вдвое превышают необходимую сумму. Я также убежден в том, что многие статистические данные и обоснования, представленные ЮНРРА Алексеевым и, разумеется, чешскими властями, мягко говоря, являются неточными», – утверждал посол [10].

В доказательство своей точки зрения Штейнгардт сослался на подготовленный Даймондом анализ продовольственной ситуации, согласно которому «население Чехословакии сегодня потребляет на душу населения столько же, сколько до войны, за исключением мяса и жиров». А судя по личным впечатлениям Штейнгардта от поездки по стране, «каждый получает почти столько еды, сколько ему требуется... страна находится на пороге [экономического] бума, в значительной степени вызванного неуклонным наращиванием поставок ЮНРРА». Столь благоприятной ситуации способствовало изгнание 15% населения и отличный урожай. Штейнгардт призывал не продолжать реализацию программы в прежних объемах за счет американских налогоплательщиков, которых вводили в заблуждение чехословацкие чиновники, «стремившиеся получить даром так много, сколько будет возможно», и действовавший по указке Москвы Алексеев. Штейнгардт предлагал направить в ЧСР независимых американских и британских экспертов. Лишь в заключение посол объяснял реальную причину своего беспокойства – опасения, что сложившаяся ситуация укрепляла политические позиции коммунистов [10].

Послание Штейнгардта не осталось без ответа. 10 августа 1946 г. Ла Гуардия прибыл с 2-дневным визитом в Чехословакию. Он был принят президентом Бенешем и членами правительства, ответственными за работу с ЮНРРА [9]. Через два дня Уильямсон известил Штейнгардта, что под влиянием его сообщений и по инициативе американского делегата на совещании ЮНРРА в Женеве было решено сократить объемы помощи Чехословакии, перераспределив ее в пользу Австрии. Решение было принято несмотря на активные протесты советского представителя. Правда, Уильямсон не мог утверждать, что это было результатом прямого вмешательства Ла Гуардии [16]. Штейнгардт полагал, что смог убедить его в ошибочности прежнего курса.

На конференции в Женеве американская делегация заявила о нежелании далее поддерживать программы ЮНРРА, роль которой следовало передать Международному банку. В итоге было принято решение о прекращении финансирования поставок в 1947 г. [19, p. 42–45].

В письме Уильямсону от 29 августа Штейнгардт попытался подвести итог деятельности ЮНРРА в Чехословакии. По его оценкам, ЧСР получила помощь на сумму 270 долл. Из них 120 млн он считал излишними. Однако фактическая стоимость полученной Прагой прибыли составляла около 350 млн. Подобный разрыв образовался благодаря завышенным ценам на реализацию получаемой продукции на внутреннем рынке. Учитывая, что население страны сократилось до 12 млн человек, площадь «не превышала территории какого-нибудь из наших небольших штатов», а распределением занималась главным образом «господствующая политическая партия», одним из главных результатов этой политики было укрепление положения коммунистов и подрыв позиций США. «Если бы завтра проходили выборы, мы увидели бы еще больше голосов, поданных за коммунистов, чем было в мае, за что нам следовало бы благодарить чрезмерную помощь ЮНРРА», – замечал посол. Штейнгардт полагал, что Ла Гуардия был впечатлен увиденным в Чехословакии реальным положением дел. Но он уже не мог изменить размеры выделяемой помощи [12].

Ситуация стала меняться лишь осенью 1946 г. В августе госсекретарь Д. Бирнс, находясь в Париже на заседании мирной конференции, стал свидетелем поразившей его крайне неприятной сцены: чехословацкая делегация открыто поддерживала аплодисментами выступление заместителя министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского, обвинившего США в стремлении экономического порабощения Европы. Результатом этого стало распоряжение госсекретаря пересмотреть общую финансово-экономическую политику в отношении Европы. «Я убежден, что настало время, когда мы должны стремиться всеми справедливыми способами помогать нашим друзьям в Западной Европе и Италии <...>, а не продолжать оказывать мате-

риальную помощь странам Восточной Европы, которые в настоящее время участвуют в кампании нападков на Соединенные Штаты и искажения наших мотивов и политики. Любой другой путь, я уверен, не будет понят американским народом», – написал Бирнс своему заместителю У. Клейтону [6, р. 216].

Содержание телеграммы было передано и Штейнгардту, который в ответном послании выразил свое полное согласие с точкой зрения госсекретаря. Посол не упустил возможности напомнить, что и сам неоднократно выступал с подобной точкой зрения [32]. 18 сентября в очередном сообщении в госдепартамент Штейнгардт подтвердил правильность точки зрения Бирнса, приведя краткое содержание последней речи чехословацкого премьер-министра коммуниста К. Готтвальда. Тот, по словам посла, упоминая об успешном экономическом развитии страны, всячески избегал признавать в этом какие-либо заслуги ЮНРРА [24].

13 сентября 1946 г. в ответ на запрос госдепартамент о необходимости дальнейших поставок со стороны негосударственной «Американской помощи для Чехословакии» Штейнгардт твердо заявил, что подобная необходимость отсутствовала. С политической точки зрения ЧСР более не нуждалась в помощи американских благотворительных организаций, поскольку это прежде всего привело бы к поддержке компартии. Штейнгардт повторил эти аргументы в послании 23 сентября [30; 31].

Однако надежды посла Штейнгардта на прямое вмешательство Ла Гуардии не оправдались. Осенью 1946 г. Уинн отправился в США. В письме Штейнгардту от 10 октября он сообщил о встрече с главой ЮНРРА. Тот согласился со многими высказываниями Уинна, но было заметно, что директора более интересовали другие проблемы – скорое окончание срока его полномочий. Но Уинн также отметил, что в Вашингтоне явно отсутствовало желание продолжать «прежние эксперименты» [17].

В ответном письме Уинну Штейнгардт выразил как свое удовлетворение изменением настроений, так и разочарование отказом Ла Гуардии произвести «чистку» организации. Посол объяснял это политическими соображениями – нежеланием портить отношения с «левыми, попутчиками и розовыми» в преддверии его скорой отставки. Поскольку в 1947 г. финансирование организации должно было прекратиться, Штейнгардт мог лишь «следить за ходом представления», «сообщать правду департаменту» и надеяться, что в будущем конгресс проведет официальное расследование деятельности организации [15].

Подводя итог, У. Даймонд в вышедшей в 1947 г. книге о Чехословакии выражал полную уверенность в том, что именно поставки ЮНРРА предотвратили ухудшение состояния чехословацкой экономики, создав стимул для возрождения сельскохозяйственного и промышленного производства. Он выделил основные моменты в критике организации: оказание существенной помощи государствам, оказавшимся в советской сфере влияния; нарушения при ценообразовании и распределении продукции; выделение товаров, в которых отсутствовала необходимость. Даймонд считал, что в основном причиной этого были «административная бесхозяйственность или небрежность», а не политические мотивы. Кроме того, ответственность за распределение лежала не на организации, а на правительствах стран-получателей помощи, которые могли использовать ее по своему усмотрению [4, р. 68–69].

Все исследователи, обращавшиеся к деятельности ЮНРРА в ЧСР, отмечают значительный вклад предоставленной ею помощи в восстановлении и развитии экономики страны в первые послевоенные годы. Правительство США не получило всех ожидавшихся дивидендов. Хотя в экономическом отношении программа помощи оказалась успешной (она помогла избавиться от излишков скопившейся за время войны продукции), ее политическое значение оказалось небольшим, особенно в Восточной Европе. Однако изначально ЮНРРА и не должна была преследовать какие-либо политические цели.

Американское руководство достаточно быстро поняло недостаток подобной политики. Столкнувшись с данной ситуацией на месте, американский посол в Чехословакии Штейнгардт выступил ярким пропагандистом приоритета политических соображений над экономикой и благотворительностью. В 1947 г. правительство США перешло на другую форму оказания помощи. Предложенный летом 1947 г. План Маршалла предполагал оказание уже адресной поддержки на более четкой договорной основе. Как известно, правительство ЧСР под советским давлением отказалось от его принятия. Прекращение поставок ЮНРРА совпало с ухудшением отношений Чехословакии с западными странами, особенно усилившимся после прихода к власти коммунистов в феврале 1948 г. Следствием этого стало включение ЧСР в экономическое пространство СССР.

Список литературы

1. *Марьина В. В.* Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Книга 2. 1941–1945 гг. М., 2009.
2. *Blankenship C. W.* Nationalization of industry in Czechoslovakia in 1945: impact on the United States, Britain, France and the Soviet Union. A PhD dissertation. Lexington (Kentucky), 2002.
3. *Clements C. W.* American Policy toward Czechoslovakia, 1938–1948. A PhD dissertation. Oxford (Ohio), 2004.
4. *Diamond W.* Czechoslovakia between east and west. London, 1947.
5. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. IV. Europe. Washington, 1968.
6. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946. Vol. VI. Eastern Europe, the Soviet Union. Washington, 1969.
7. *Lukes I.* On the edge of the Cold War: American diplomats and spies in postwar Prague. New York, 2012.
8. L. A. Steinhardt papers, 1929–1950. Library of Congress, Washington, D. C.
9. L. A. Steinhardt papers. Box 49: Steinhardt to La Guardia. Aug. 10, 1946.
10. L. A. Steinhardt papers. Box 49: Steinhardt to La Guardia. Undated.
11. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Williamson. March 13, 1946.
12. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Williamson. Aug. 29, 1946.
13. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Williamson. July 29, 1946.
14. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Winn. March 8, 1946.
15. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Winn. Nov. 27, 1946.
16. L. A. Steinhardt papers. Box 50: Williamson to Steinhardt. Aug. 12, 1946.
17. L. A. Steinhardt papers. Box 50: Winn to Steinhardt. Oct. 10, 1946.
18. L. A. Steinhardt papers. Box 50: Winn to Steinhardt. Undated.
19. *Michálek S.* Nádeje a vytriezvenia (Československo-americké hospodárske vzťahy v rokoch 1945–1951). Bratislava : Veda, 1995.
20. NARA – US National Archives and Records Administration, Archives-II, College Park, MD. Record Group 59. Central Decimal File, 1945–1949.
21. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6570. File 860F.00/4-1946: Steinhardt to the Secretary of State. Apr. 19, 1946.
22. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6570. File 860F.00/4-2646: Steinhardt to the Secretary of State. Apr. 26, 1946.
23. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6570. File 860F.00/6-646: Bruins to the Secretary of State. June 6, 1946.
24. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6570. File 860F.00/9-1846: Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 18, 1946.
25. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6579. File 860F.24/1-1347: Byrnes to Praha. Jan. 13, 1947.
26. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6579. File 860F.24/12-1745: Czechoslovak Embassy to the Acting Secretary of State. Dec. 17, 1945.
27. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6579. File 860F.24/6-2145: Memorandum of Conversation. June 21, 1945.
28. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6581. File 860F.48/2-245: Coe to the Secretary of State. Feb. 2, 1945.
29. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6581. File 860F.48/8-2145: Steinhardt to the Secretary of State. Aug 21, 1945.
30. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6581. File 860F.48/9-1346: Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 13, 1946.
31. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6581. File 860F.48/9-2346: Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 23. 1946.
32. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6585. File 860F.51/9-1746: Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 17, 1946.
33. NARA. RG 59. CDF 1945–49. Box 6586. File 860F.515/6-1147: Ness to Steinhardt. June 11, 1947.
34. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6590. File 860F.9111/10-445: Steinhardt to the Secretary of State. Oct. 4, 1945.
35. *Sommer K.* UNRRA a Československo. Opava, 1993.
36. The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration. Ed. G. Woodbridge. Volume III. New York, 1950.
37. *Ullmann W.* The United States in Prague, 1945-1948. N. Y., 1978.
38. UNRRA in Czechoslovakia. Praha, 1947.

The United States, the UNRRA and the problem of economic recovery of Czechoslovakia in 1945–1947

A. V. Zorin

PhD of historical sciences, associate professor of history and political sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-3238-9036. E-mail: arzor@list.ru

Abstract. One of the challenges that Europe faced after the end of the Second World War was the need for economic recovery. The United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA) played a major role in its decision in the first post-war years, making a great contribution to the reconstruction of many states, including the Czechoslovak Republic. However, in the context of the emerging cold war, its economic activities were closely intertwined with political relations. Since the United States were the main sponsor of the organization, and while Czechoslovakia was gradually entering the sphere of the Soviet influence, gratuitous assistance from the UNRRA caused serious criticism of American diplomats in Prague.

The US ambassador to ČSR, L. Steinhardt, believed that the UNRRA mission in Praha, headed by USSR citizen P. Alekseev contributed not so much to the restoration of the Czechoslovak economy, how to strengthen the influence of the left forces and the socialist reforms. Steinhardt perceived the work of the organization primarily in a political way, as one of the manifestations of the struggle between Pro-Soviet and Pro-Western forces. The scale of the assistance provided by the UNRRA and its press coverage met with serious discontent among Americans. Thus, the economic goals of this organization came into conflict with the political interests of the United States. Despite strong and categorical statements by Steinhardt, the UNRRA mission in ČSR maintained its independence until the end of the organization's work, providing significant assistance in the economic recovery of the country. However, the contradictory nature of its activities led to the termination of funding for this program by Washington and the transition in 1947 to the Marshall Plan.

Keywords: history of Czechoslovakia (1945–1948), the American-Czechoslovak relations, UNRRA.

References

1. Maryina V. V. *Sovetskij Soyuz i chekhoslovackij vopros vo vremya Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945 gg.* [The Soviet Union and the Czechoslovak question during the Second World War. 1939–1945]. Book 2. 1941–1945. M. 2009.
2. Blankenship C. W. *Nationalization of industry in Czechoslovakia in 1945: impact on the United States, Britain, France and the Soviet Union.* A PhD dissertation. Lexington (Kentucky), 2002.
3. Clements C. W. *American Policy toward Czechoslovakia, 1938–1948.* A PhD dissertation. Oxford (Ohio), 2004.
4. Diamond W. *Czechoslovakia between east and west.* London, 1947.
5. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. IV. Europe.* Washington, 1968.
6. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946. Vol. VI. Eastern Europe, the Soviet Union.* Washington, 1969.
7. Lukes I. *On the edge of the Cold War: American diplomats and spies in postwar Prague.* New York, 2012.
8. L. A. Steinhardt papers, 1929–1950. Library of Congress, Washington, D. C.
9. L. A. Steinhardt papers. Box 49: Steinhardt to La Guardia. Aug. 10, 1946.
10. L. A. Steinhardt papers. Box 49: Steinhardt to La Guardia. Undated.
11. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Williamson. March 13, 1946.
12. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Williamson. Aug. 29, 1946.
13. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Williamson. July 29, 1946.
14. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Winn. March 8, 1946.
15. L. A. Steinhardt papers. Box 95: Steinhardt to Winn. Nov. 27, 1946.
16. L. A. Steinhardt papers. Box 50: Williamson to Steinhardt. Aug. 12, 1946.
17. L. A. Steinhardt papers. Box 50: Winn to Steinhardt. Oct. 10, 1946.
18. L. A. Steinhardt papers. Box 50: Winn to Steinhardt. Undated.
19. Michálek S. *Nádejeavytriezvenia (československo-americké hospodárske vzťahy rokov 1945–1951).* Bratislava: Veda, 1995.
20. NARA – US National Archives and Records Administration, Archives-II, College Park, MD. Record Group 59. Central Decimal File, 1945–1949.
21. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6570. File 860F.00/4–1946: Steinhardt to the Secretary of State. Apr. 19, 1946.
22. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6570. File 860F.00/4-2646: Steinhardt to the Secretary of State. Apr. 26, 1946.
23. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6570. File 860F.00/6-646: Bruins to the Secretary of State. June 6, 1946.
24. NARA. RG 59.CDF 1945–49. Box 6570. File 860F.00/9–1846: Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 18, 1946.

25. NARA. RG 59. CDF 1945-49. Box 6579. File 860F.24/1-1347: Byrnes to Praha. Jan. 13, 1947.
26. NARA. RG 59.CDF 1945-49. Box 6579. File 860F.24/12-1745: Czechoslovak Embassy to the Acting Secretary of State. Dec. 17, 1945.
27. NARA. RG 59.CDF 1945-49. Box 6579. File 860F.24/6-2145: Memorandum of Conversation. June 21, 1945.
28. NARA. RG 59. CDF 1945-49. Box 6581. File 860F.48/2-245: Coe to the Secretary of State. Feb. 2, 1945.
29. NARA. RG 59.CDF 1945-49. Box 6581. File 860F.48/8-2145: Steinhardt to the Secretary of State. Aug 21, 1945.
30. NARA. RG 59.CDF 1945-49. Box 6581. File 860F.48/9-1346: Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 13, 1946.
31. NARA. RG 59.CDF 1945-49. Box 6581. File 860F.48/9-2346: Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 23, 1946.
32. NARA. RG 59. CDF 1945-49. Box 6585. File 860F.51/9-1746: Steinhardt to the Secretary of State. Sept. 17, 1946.
33. NARA. RG 59. CDF 1945-49. Box 6586. File 860F.515/6-1147: Ness to Steinhardt. June 11, 1947.
34. NARA. RG 59.CDF 1945-49. Box 6590. File 860F.9111/10-445: Steinhardt to the Secretary of State. Oct. 4, 1945.
35. *Sommer K.* UNRRA a Československo. Opava, 1993.
36. *The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration.* Ed.G. Woodbridge. Volume III. New York, 1950.
37. *Ullmann W.* The United States in Prague, 1945-1948. N. Y., 1978.
38. UNRRA in Czechoslovakia. Praha, 1947.

УДК 940.5

doi: 10.25730/VSU.2070.18.055

Наследие империи: Советская Россия на Международной Генуэзской конференции 1922 г.

Н. Е. Быстрова

доктор исторических наук, ученый секретарь, Институт российской истории РАН.
Россия, г. Москва. E-mail: iriran@mail.ru

Аннотация. В статье на новом архивном материале показаны малоизвестные аспекты дипломатической предыстории и истории Генуэзской конференции 1922 г., которая стала первой серьезной попыткой нормализации политических и экономических отношений между Советской Россией и странами Запада после мировой войны. Урок и опыт Генуи не потеряли своей актуальности, выходя аналогиями на современность; остается актуальным и в XXI веке стремление к преодолению идей конфронтации и созданию нового мирового порядка.

В статье показана подготовительная работа по выработке тактики российской делегации, ее программы, в частности поиск границ возможных уступок со стороны Советской России требованиям европейских держав в качестве условий оказания ей финансовой помощи; передана суть тактических разногласий западных держав в оценке «русского вопроса». Российская империя в 1917 г. распалась, но остались ее долги. Автор освещает конфиденциальные переговоры советских делегатов на конференции по вопросу о долгах царского и Временного правительств России с главами Великобритании, Франции, Италии и Бельгии на вилле Альбертис, а также советско-германский Рапальский договор – первый серьезный прорыв в торгово-экономической блокаде Советской России, получившей в наследство долги исчезнувшей Империи.

Решить русскую проблему – урегулирование экономических вопросов, связанных с государственными долгами бывшей Российской империи и Временного правительства, – в Генуе не удалось. В статье показано, что признание долгов довоенного и военного времени делегация Советской России ставила в зависимости от предоставления ей кредитов; в вопросе о национализированном иностранном имуществе она не шла ни на какие уступки. В течение всех переговоров советская сторона настаивала на взаимности и равноправии, но заранее заявляла протест против вмешательства во внутренние дела России. В Генуе взяла верх неуступчивая франко-бельгийская позиция в отношении российских долгов над компромиссной линией Великобритании. Основной вопрос советского правительства на этой конференции – о предоставлении займов – западные страны обсуждать отказались. Для Советской России путь развития экономических отношений за счет принципиальных экономических и политических уступок, на которых настаивал Запад, был неприемлем. Однако Генуэзская конференция для Новой России не была бесплодной: страна впервые после революции, преодолев блокаду, возвратилась в ряды субъектов мировой политики.

Ключевые слова: Русский вопрос, долги, контрпретензии, Рапалло, мирное сосуществование.

Международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, проходившая с 10 апреля по 19 мая 1922 г. в Генуе (Италия), стала важным событием в истории международных отношений и российской дипломатии первой четверти XX в. Россия впервые громко заявила о своих принципах взаимоотношений с Западом: о стремлении развивать взаимовыгодные торгово-экономические отношения со всеми странами независимо от их социально-экономического и политического строя и о готовности противостоять любому экономическому, политическому и военному давлению. Конференция стала первой серьезной попыткой нормализации политических и экономических отношений между Советской Россией и странами Запада.

10 апреля 1922 г. в Генуе под сводами палатцо Сан-Джорджо открылась конференция по вопросам экономического восстановления Центральной и Восточной Европы, в которой участвовали представители 28 европейских стран, Японии и 5 британских доминионов – Австралии, Индии, Канады, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза. Это была первая послевоенная общеевропейская конференция, в которой приняли участие как победившие, так и побежденные государства, а также Советская Россия. «Русский вопрос» был одним из основных на конференции. Дипломатическая предыстория этого форума, суть тактических разногласий великих держав в оценке «русского вопроса» – все это по-прежнему представляет интерес для ис-

следователей, а труды предшественников и новейшая литература [21; 17; 11; 20; 1; 14; 5; 15; 22; 7; 8], а также документальные публикации и архивные материалы из фондов Архива внешней политики РФ и Научного архива Института российской истории РАН, часть которых впервые вводится в научный оборот, помогают по-новому раскрыть подготовительную работу по определению задач российской делегации, выработке ее тактики; экономической программы, в частности, поиску границ возможных уступок со стороны России на требования европейских держав в качестве условий оказания ей финансово-экономической помощи.

В конце 1921 г. под воздействием больших экономических трудностей, связанных с охватившими страну засухой и голодом, которые грозили перерасти в национальную катастрофу, с учетом необходимости урегулировать взаимоотношения с ведущими капиталистическими государствами, добиться их признания и получения займов (экономика остро нуждалась в иностранных инвестициях) советские руководители начали трансформировать свою позицию по ряду важных международных проблем. На заседании Политбюро РКП(б) 27 октября 1921 г. после обсуждения вопроса о довоенных долгах царской России было принято решение о возможности признания обязательств России по долгам, определенным государствам, за исключением военных долгов, но только при условии признания советских претензий, возмещения причиненного ущерба в период интервенции и блокады, предоставления кредитов Советской России и юридического признания Советского правительства [9, с. 557]. Данный вопрос обсуждался в связи с тем, что на проходившей в начале октября 1921 г. Брюссельской конференции стран Соглашения признание долгов было выдвинуто основным условием организации помощи голодающим в России. Предоставление финансовых и торговых кредитов, экспорт товаров в Советскую Россию в целях борьбы с голодом ставились странами Запада в зависимость от создания экономических условий, которые гарантировали бы внутри России «нормальное производство и правильный обмен всякого рода товаров», завоевания доверия западных деловых кругов [20, с. 248].

28 октября 1921 г. правительство РСФСР направило правительствам Англии, Франции, Италии, Японии и США ноту, в которой подчеркивалось, что политика делового сотрудничества с другими странами является одной из основных целей советской дипломатии и выразилось согласие обсудить вопрос о признании довоенных долгов царского правительства Российской империи на условиях прекращения всяких действий, угрожающих безопасности советских республик, гарантии неприкосновенности их границ, рассмотрения взаимных претензий и заключения окончательного мирного договора. Для обсуждения этих вопросов Советское правительство предлагало созвать международную конференцию [2, с. 445–447]. Таким образом, первоначальный толчок к подготовке Генуэзской конференции был дан Советской Россией.

Ответ на советское предложение от западных стран поступил далеко не сразу: лишь после серии дипломатических переговоров и консультаций 6 января 1922 г. на заседании в Каннах Верховный совет Антанты принял решение созвать международную экономическую и финансовую конференцию с участием всех европейских держав, включая Советскую Россию. В своем приглашении державы Соглашения выразили необходимость личного присутствия на мероприятии Ленина¹. От России требовали безоговорочного признания всех довоенных долгов бывшей Российской империи. Несмотря на то что это требование не соответствовало ее национальным интересам, Россия согласилась участвовать в этой конференции и принять каннские условия, в особенности пункт о невмешательстве одних государств во внутренние дела других государств [3, с. 58–59].

7 января 1922 г. по поручению Верховного совета Антанты итальянское правительство передало в Москву через российскую торговую делегацию в Риме председателю Совета народных комиссаров В. И. Ленину и народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину телеграмму: «Вследствие принятого на днях Верховным Советом решения, в Италии в марте созывается экономическо-финансовая конференция, в которой примут участие все европейские государства. Итальянское правительство, в согласии с правительством Великобритании, считает, что личное участие в этой конференции Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом равновесии Европы»². Королевское министерство иностранных дел просило российскую торговую делегацию «самым срочным образом» сообщить в Москву о желании правительства, чтобы Ленин принял участие в конференции.

¹ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 2. П. 8. Л. 1.

² Научный архив ИРИ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 26 (Д-3). Л. 71.

Советское руководство не замедлило с ответом. 8 января Чичерин направил ответную телеграмму Министерству иностранных дел Италии, в которой отмечалось, что Российское правительство с удовлетворением принимает приглашение на европейскую конференцию, созываемую в марте. «Выбору российской делегации будет предшествовать чрезвычайная сессия ВЦИК, – сообщалось в телеграмме, – которая снабдит ее самыми широкими полномочиями. Даже в том случае, если бы председатель СНК Ленин, вследствие перегруженности работой, в особенности в связи с голодом, был лишен возможности покинуть Россию, тем не менее состав делегации, равно как и размеры предоставленных ей полномочий, придадут ей такой же авторитет, какой она имела бы, если бы в ней участвовал Ленин. Таким образом, ни в коем случае со стороны России не будет каких-либо препятствий к быстрому ходу работ конференции» [3, с. 47]. Чичерин отметил также, что Верховный Совет предложил Геную для созыва европейской конференции, но Российское правительство считало этот город слишком отдаленным и лишенным достаточных средств для отношений с Россией и предлагало в качестве места проведения конференции Лондон.

В январе-феврале 1922 г. произошла смена правительств в ряде европейских стран: Франции, Италии, Польше, Австрии и Греции. Большие трудности испытывал кабинет Д. Ллойд Джорджа в Великобритании. Это в значительной степени привело к переносу сроков проведения Генуэзской конференции на более поздний период – 10 апреля.

15 марта 1922 г. Чичерин отправил правительствам стран Антанты ноту, в которой указывалось, что правительство РСФСР с удовлетворением приняло созыв Генуэзской конференции, усматривая в этом факте доказательство того, что великие державы поняли, наконец, до какой степени политическая и экономическая блокада России бесполезна и вредна, и убедились в необходимости восстановления нормальных отношений с ней в интересах всеобщего мира и создания фундамента для хозяйственного развития всех стран³. Чичерин свое понимание экономического сотрудничества со странами Антанты выразил формулой: сделка, но не кабала.

Важной вехой на пути к Генуе стало лондонское совещание экономических и финансовых экспертов 20–28 марта 1922 г. по выработке общего пакета требований к Советской России. Подготовленные проекты резолюций по разным вопросам были сведены в общий документ, который на Генуэзской конференции фигурировал как Лондонский меморандум [3, с. 245–259]. Меморандум включал 61 статью, которые были сгруппированы в две части. Часть 1 – «Восстановление России» – содержала несколько разделов. Раздел первый – «Вступление». Второй раздел – «Условия, при которых иностранные предприятия и иностранный капитал могут быть привлечены к делу восстановления России»; раздел третий – «Меры, которые обеспечили бы быстрое восстановление России». Часть 2 – «Восстановление Европы» (разделы: финансы, экономические вопросы, транспорт). «Хозяйственное восстановление России в значительной мере зависит от поддержки, которую Россия получит от иностранных предприятий и иностранного капитала», – сообщалось в меморандуме [3, с. 245]. Иностранный капитал в России должен был получить надежную защиту со стороны государства и иметь необходимую свободу операций, в том числе операций по вводу и вывозу товаров. До начала конференции этот документ не только не был доведен до сведения советского правительства, но даже сам факт его подготовки держался в секрете.

Условия стран Запада к России можно разделить на две большие группы. Первая – условия, связанные с ликвидацией последствий прошлого, вторая группа – условия, необходимые для будущего. Если коротко, то условия по ликвидации последствий прошлого сводились к погашению Россией перед иностранцами тех обязательств, которые возникли как при царском и Временном правительствах, так и при советской власти. Для оценки величины обязательств Советской России перед иностранцами и определения порядка их погашения Лондонский меморандум предусматривал создание Комиссии русского долга. Предполагалось, что в Комиссии будет представитель РСФСР, другими же ее членами должны быть иностранцы. Ее председателя назначала Лига наций, членом которой РСФСР не был. В дополнение к Комиссии предлагалось создать смешанные третейские суды, которые также должны были заниматься урегулированием долгов России; контроль в судах был за иностранными представителями. Требование отмены государственной монополии внешней торговли было вторым по важности условием западных стран после требования признания Советской Россией внешних долгов царского и Временного правительств.

³ Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 20-в (Д -3). Л. 41.

Своим участием в конференции Россия прежде всего желала добиться признания страны западными странами. Признание должно было облегчить торговлю и получение кредитов, и если не уничтожить, то, по крайней мере, ослабить торгово-экономическую блокаду. Европейская дипломатия прибыла в Геную для обсуждения вопросов о мирном урегулировании политических и хозяйственных отношений с Советской Россией. Не случайно из четырех созданных экспертных комиссий первой была политическая, или «русская» (другие – финансовая, экономическая и транспортная).

27 января 1922 г. на чрезвычайной сессии ВЦИК РСФСР был утвержден состав советской делегации на Генуэзскую конференцию. Председателем был утвержден В. И. Ленин, его заместителем был назначен нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. В состав делегации входили М. М. Литвинов, Л. Б. Красин, В. В. Воровский, А. А. Иоффе, Я. Э., Рудзутак, Х. Г. Раковский, Н. Н. Нариманов, А. Г. Шляпников, Б. Е. Штейн и другие. Всего в составе делегации был 31 человек⁴. В связи с ухудшившимся состоянием здоровья Ленина и по соображениям безопасности он в Геную не приехал, полномочия главы делегации были в конечном счете переданы Чичерину [3, с. 67].

Выделяя основную задачу советской делегации, Ленин отмечал: «Мы с самого начала заявляли, что Геную приветствуем и на нее идем; мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами, безусловно, необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия для торговли и только» [10, с. 2]. «Но всякий купец в известной степени учитывает политику⁵», – говорил он.

Главные инструкции и директивы для российской делегации были выработаны и сформулированы В. И. Лениным и в основном одобрены Политбюро ЦК: выступать за установление и расширение деловых связей с капиталистическими государствами, не принимая при этом никаких условий и требований, ущемляющих суверенитет Советского государства, не делать принципиальных уступок, связанных с завоеваниями революции; при известных условиях идти на переговоры с западными странами относительно уплаты довоенных долгов; при первой же возможности постараться расколоть единый фронт капиталистических государств, противопоставляя ему единство советских республик; с учетом стремления народных масс всех стран к всеобщему миру, использовать трибуну конференции для обновления широкой миролюбивой программы, предлагаемой советской стороной, поддерживая при этом пацифистское крыло зарубежной общественности [14, с. 125].

Формально, в Геную была приглашена делегация РСФСР. Между тем решения, которые должны были приниматься на конференции, могли затрагивать интересы соседних стран, не успевших еще объединиться в единое союзное государство – СССР. 22 февраля 1922 г. 8 советских и народных республик: Азербайджан, Армения, Грузия, Белоруссия, Украина, Хорезмская, Бухарская, Дальневосточная – заключили с РСФСР соглашения, согласно которым российскому правительству поручалось представлять и защищать на конференции их права, подписывать от их имени договоры и соглашения с иностранными государствами⁶. Таким образом были расширены полномочия делегации Советской России.

Подготовка к конференции велась по нескольким направлениям: 1) оценка сумм долгов, которые возникли в результате получения кредитов и займов в период до начала Первой мировой войны (царские долги) и в период Первой мировой войны (военные долги); 2) оценка сумм имущества, принадлежавшего иностранцам в России (акционерный капитал, неакционерные формы собственности) до прихода к власти большевиков; 3) оценка ущерба, который был причинен России в результате интервенции и торгово-экономической блокады со стороны стран Антанты; 4) оценка потребностей Советской России в новых кредитах и займах, подготовка концессионных предложений; 5) прочие экономические вопросы (в том числе предложения по формированию послевоенной международной валютно-финансовой системы); 6) политические вопросы (мирный договор, статус Лиги наций, предложения о всеобщем разоружении и др.) [9, с. 382–384; 6, с. 58].

Главными инициаторами кампании давления на Россию с целью признания ею долгов царского и Временного правительств были Франция и Великобритания, бывшие ее союзники

⁴ АВП РФ. Ф. 0418. О. 1. П. 2. Д. 25. Л. 60; ДВП СССР. Т. 5. С. 66-67

⁵ Известия. 8 марта 1922 г.

⁶ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 8. Д. 9. Л. 28-29

по Антанте. Францию больше волновали довоенные долги, Великобританию – долги по военным кредитам. Общая сумма внешних долговых обязательств России перед странами Антанты на начало 1922 г. по оценкам, которые представила на конференции советская делегация, составила 18,5 млрд золотых рублей [3]. Денежная оценка ущерба от интервенции и блокады Советской России в 1918–1922 гг. составила (по подсчетам советских экспертов) 39 млрд рублей [3, с. 295, 739]. Сумма претензий Советской России была определена в результате более чем двухлетней работы государственных и научно-исследовательских организаций. В начале мая в Генуе советской делегацией был распространен документ «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду» [3, с. 293–359].

Для экспертов и всего вспомогательного персонала российской делегации на заседании комиссии по подготовке Генуэзской конференции 22 марта 1922 г. была принята инструкция, в которой указывалось, что при враждебности буржуазных кругов к советской власти каждый неудачный шаг любого советского работника ложится клеймом на советскую власть; учитывая это, всем едущим за границу советским работникам предписывалось быть осторожными во всех своих действиях и поступках, даже в частной жизни, и избегать всего, что могло бы быть использовано во вред рабоче-крестьянской власти. В связи с этим, в целях успешного прохождения работ делегации и во избежание всяких нежелательных инцидентов со стороны враждебных элементов во время пребывания российской делегации за границей, устанавливались обязательные для экспертов и всего вспомогательного персонала правила. В частности, в случае остановки в каком-либо иностранном городе отлучки в город допускались не иначе, как с ведома старшего секретаря делегации; во время пребывания делегации за границей экспертам и всему без исключения вспомогательному персоналу запрещались публичные выступления (статьи в прессе о работах делегации, интервью, лекции и прочее). Исключения допускались только с особого разрешения председателя (зампредседателя) делегации или члена делегации, уполномоченного на это председателем делегации. Запрещалось без ведома генерального секретаря или старшего секретаря делегации посещение каких-либо правительственных или общественных учреждений, а также организаций (политических, партийных, профессиональных, научных, спортивных и др.); посещение публичных митингов и собраний, а также публичное на них выступление; прием у себя и посещение кого бы то ни было; посещение театров, концертов, ресторанов, кафе и т. п. мест; посылка в Россию статей и телеграмм для прессы; упоминание в частных письмах чего-либо о Генуэзской конференции; запрещалась передача или раздача где бы то ни было и кому бы то ни было литературы агитационного содержания⁷.

Среди делегаций западных стран ведущую роль играли представители Великобритании во главе с премьер-министром Ллойд Джорджем, Франции – во главе с министром юстиции и одновременно министром по делам Лотарингии и Эльзаса Луи Барту, Италии (как принимавшей стороны), Бельгии, Японии. США формально в работе конференции не участвовали, но послали на нее своего наблюдателя.

Первый день работы конференции 10 апреля 1922 г. проходил в режиме пленарного заседания. Открыл его председатель – премьер-министр Италии Л. Факта. Он говорил об экономическом кризисе, переживаемом Европой, о необходимости братского единения между народами. «Имеются страны в Центральной и Восточной Европе, – сказал Факта, – которые, к несчастью для них и для нас, вышли из экономической жизни Европы, и в первую очередь Россия, которая всегда имела и должна иметь в будущем важнейшие функции в европейской хозяйственной жизни. Для прекращения такого ненормального положения нужно рассмотреть все необходимые средства»⁸. После него выступил Ллойд Джордж. В своей речи он тоже говорил о необходимости восстановления экономики Европы. Выступавший от имени Франции Жан-Луи Барту отметил в своей речи: Франция понимает, что необходимо предпринять совместные шаги для спасения Европы, что она «не воодушевлена национальным эгоизмом и не претендует ни на какую гегемонию»⁹. Однако он предостерег участников конференции от обсуждения существовавших договоров, опасаясь, видимо, перекройки Версальского мирного договора.

Г. В. Чичерин выступал седьмым, но его выступление оказалось в центре внимания участников пленарного заседания. В декларации советской делегации, прочитанной им сна-

⁷ АВР РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 26. П. 2. Л. 156-157.

⁸ Международная жизнь НКВД № 6. 1922 // Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д -3). Л. 51.

⁹ Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д -3). Л. 51.

чала на французском, а затем на английском языке, говорилось о том, что российская делегация, которая представляет правительство, всегда поддерживающее дело мира, с особым удовлетворением приветствует заявление предыдущих ораторов о необходимости мира и присоединяется к заявлению премьер-министра Италии о том, что здесь нет ни победителей, ни побежденных, и премьер-министра Великобритании, что все находятся здесь на основе полного равенства. Делегация считает нужным прежде всего заявить, что явилась сюда в интересах мира и всеобщего восстановления хозяйственной жизни Европы, разрушенной долголетней войной и послевоенной политикой [3, с. 191]. Оставаясь на позиции принципов коммунизма, Российская делегация признавала, что в период, когда возможно параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представлявшими две системы собственности, повелительно необходимо для всеобщего экономического восстановления. Именно поэтому российское правительство придавало важное значение первому пункту Каннской резолюции о взаимном признании различных систем собственности и разных политических и экономических формах, существовавших в разных странах [3, с. 192].

Чичерин изложил советскую программу мирного сосуществования двух социальных систем на основе делового сотрудничества между ними. Он подчеркнул, что «российская делегация явилась сюда не для того, чтобы пропагандировать свои собственные теоретические воззрения, а ради вступления в деловые отношения с правительствами и торгово-промышленными кругами всех стран на основе взаимности, равноправия и полного безоговорочного признания» [3, с. 192]. Как отметил Г. Киссинджер, Чичерин провозгласил «мирное сосуществование» в таких выражениях, которые ставили практическое сотрудничество превыше идеологических требований [7, с. 234]. Нарком говорил о том, что экономическое восстановление России, самой крупной из европейских стран, располагающей богатейшими природными ресурсами, является неперенным условием всеобщего экономического восстановления и что Советская Россия со своей стороны заявляет о готовности содействовать разрешению стоящей перед конференцией задачи всеми находящимися в ее распоряжении не малыми средствами. В частности, российское правительство выразило готовность открыть границы для мировых транзитных путей, предоставить под обработку миллионы десятин плодороднейшей земли, богатейшие лесные, каменноугольные, рудные и иные концессии на всей территории РСФСР, особенно в Сибири, а также наметило такое сотрудничество европейской промышленности с сельским хозяйством и промышленностью России и Сибири, которое бы расширило сырьевую, хлебную и топливную базу европейской промышленности далеко за пределы ее довоенных размеров¹⁰.

Одновременно с призывом о сотрудничестве Чичерин предложил до того всеобъемлющую повестку дня конференции, что «ее нельзя было ни практически претворить в жизнь, ни проигнорировать со стороны демократических правительств» [7, с. 234]: она включала в себя ликвидацию оружия массового уничтожения, созыв международной экономической конференции и введение международного контроля на водных путях. Глава российской делегации отметил, что экономические вопросы неотделимы от политических проблем, поэтому всякие усилия, направленные на восстановление мирового хозяйства, будут тщетны до тех пор, пока над Европой и над миром будет висеть дамоклов меч угрозы новых войн¹¹. Россия выразила готовность способствовать упрочению мира, предложив программу установления всеобщего мира – сокращение вооружений и вооруженных сил, а также полное запрещение наиболее варварских форм ведения войны: ядовитых газов, воздушной вооруженной борьбы и т. д., особенно применения разрушительных средств против мирного населения. Чичерин, внося предложение о проведении общего сокращения вооружений и армий всех государств, высказал готовность самой России провести сокращение вооружений при условии полной взаимности и создания для нее необходимых гарантий от нападений и вмешательства во внутренние дела.

Приветствуя первую всеевропейскую конференцию и предложение Ллойд Джорджа о периодических созывах таких конференций в будущем, Чичерин указал на необходимость расширения их базы за счет включения в число участников всех народов. Установление же всеобщего мира, по его мнению, должно было проводиться Всемирным конгрессом на основе полного равенства народов и признания за всеми угнетенными народами права на самоопре-

¹⁰ Международная жизнь НКВД № 6. 1922 // Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 51

¹¹ Международная жизнь НКВД № 6. 1922 // Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 52.

деление. Причем систему представительства на таких конференциях следовало, по мнению российской делегации, изменить: к участию предлагалось привлечь рабочие организации. Советская декларация содержала требование пересмотра устава Лиги наций «с целью превращения ее в настоящий союз народов, без господства одних над другими» [3, с. 194].

Программа, с которой советская делегация прибыла в Геную, носила комплексный характер. С одной стороны, Россия была заинтересована в получении кредитов и развитии торговли с Западом, а с другой – требовалось убедить общественное мнение европейских стран в серьезности намерений Москвы строить отношения на принципе мирного сосуществования¹². Это должно было вывести Россию из международной изоляции. Чичериным были изложены следующие положения: 1) на Генуэзской конференции и на всех последующих многосторонних встречах должны быть представлены все страны: победившие и побежденные (в Первой мировой войне), сильные и слабые, большие и малые, капиталистические и социалистические; 2) Лига наций должна руководствоваться принципом политического равенства государств; 3) на страны, участвующие в международных конференциях и комиссиях, не должно оказываться никакого давления; 4) сотрудничество между «сильными» и «слабыми» государствами должно осуществляться на основе доброй воли, без применения силы и санкций; 5) альтернативой насильственным методам должны быть дипломатические методы и моральный авторитет; 6) сильные и богатые государства должны помочь слабым странам, еще не создавшим современного индустриального хозяйства; 7) необходимо разоружение всех стран в качестве предпосылки избежания новой войны [16, с. 66].

Выступление Чичерина вызвало отрицательную реакцию делегации Франции, протестовавшей против предложений о всеобщем разоружении. Луи Барту резко выступил против включения этого вопроса в повестку дня конференции. Чтобы не провоцировать осложнений и провала конференции, учитывая, что позицию Барту относительно разоружения разделяли руководители всех стран Антанты, Чичерин не настаивал на немедленном обсуждении вопроса о всеобщем разоружении [3, с. 199–202]. Российская делегация и не надеялась на возможность включения этого вопроса в повестку дня конференции, предвидя позицию делегаций западных стран. Так, после заседания 10 апреля Чичерин писал в НКВД, что вследствие нежелания другой стороны обсуждать советскую пацифистскую программу «мы теперь поступаем так, как предполагалось с самого начала, будем просто вести переговоры о соглашении» [3, с. 207].

После торжественного открытия работа конференции была перенесена в комиссии: политическую, занимавшуюся «русским вопросом», финансовую, экономическую и транспортную. Комиссии были образованы в следующем составе: по два представителя от приглашающих держав и по одному от России, Германии и других государств. Но и в таком составе (более чем по 30 человек в каждой) комиссии оказались слишком громоздкими, из них были выделены подкомиссии по специальным вопросам. В первой комиссии была создана подкомиссия, которая, в свою очередь, создала комитет экспертов по «русскому вопросу». Финансовая комиссия образовала три подкомиссии: денежного обращения, кредитную и валютную. Экономическая комиссия выделила две подкомиссии по разным статьям доклада лондонского комитета экспертов; три подкомиссии (организационная, железнодорожная и водных путей) работали в транспортной комиссии [3, с. 730].

Работа форума в целом проходила на трех пленарных заседаниях и заседаниях этих комиссий и подкомиссий под знаком дискуссий по экономическим вопросам. Особое внимание привлекала к себе подкомиссия политической комиссии, в которую вошли по одному представителю от пяти приглашающих государств (Франции, Великобритании, Италии, Японии и Бельгии), от Германии, от России, Польши, Румынии, Швеции и Швейцарии. Эти 11 человек, по представлению Ллойд Джорджа, должны были играть роль своеобразного высшего руководящего органа конференции, нечто вроде преобразованного (привлечением побежденных и нейтральных стран) Верховного совета. Председателем подкомиссии был избран министр иностранных дел Италии К. Шанцер. По поводу представителей Румынии и Японии в подкомиссии Чичерин выразил протест против их «анормального» участия в связи с оккупацией Румынией Бессарабии, а Японией – союзной России Дальневосточной Республики [3, с. 208].

11 апреля 1922 г. состоялось первое заседание политической подкомиссии, главной задачей которой было рассмотрение «русского вопроса». За основу его обсуждения Ллойд Джордж предложил доклад, выработанный в Лондоне союзными экспертами. Именно тогда

¹² АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 8. Д. 19. Л. 11-8

Лондонский меморандум был впервые вручен советской делегации. От правительства России в нем требовалось взять на себя все финансовые обязательства царского и Временного правительств и вообще всех «бывших донине» властей, признать материальную ответственность за все убытки, понесенные иностранцами от действий советского правительства и его предшественников, и возратить национализированные предприятия. В меморандуме сохранилось и требование отмены монополии внешней торговли, и установление для иностранцев исключительного режима, и контроль держав Согласия над советскими финансами. В лондонском документе говорилось, что «русский вопрос» рассматривается как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения условий, необходимых для восстановления России [3, с. 245]. Чичерин потребовал время для его изучения советским правительством.

Западные эксперты в Генуе не рассматривали ни вопрос о характере документа, посредством которого эти условия могли бы быть проведены в жизнь, ни вопрос о связанных с ним постановлениях, ни вопрос о связи меморандума с существовавшими торговыми соглашениями с Россией. Эти вопросы, как и некоторые другие, были оставлены в стороне, как политические.

Второе заседание подкомиссии состоялось через 10 дней – 21 апреля. Между тем время, которое потребовалось советской делегации для ответа, и сделанные ею публичные заявления о неприемлемости для России принципов, установленных в Лондоне, побудили Ллойд Джорджа прибегнуть к методу предварительных частных переговоров с русскими делегатами. Дальнейшее развитие событий показало, что центр обсуждения и принятия решений по «русскому вопросу» переместился из политической комиссии в частные совещания.

Поняв, что ситуация развивается не по сценарию стран Согласия, глава британской делегации сменил формат общения и пригласил российскую делегацию в свою резиденцию на виллу Альбертис для неофициальной встречи. 14 апреля 1922 г. Чичерин, Литвинов и Красин прибыли на виллу британского премьер-министра, где Ллойд Джордж, Л. Барту, а также представители Бельгии и Италии (К. Шанцер и А. Жаспар) потребовали от них принять все условия Лондонского меморандума. В ответ на ультиматум Антанты признать долг в 18,5 млрд зол. рублей российские представители выдвинули контрпретензии, предложив странам Антанты возместить России потери, связанные с интервенцией и экономической блокадой в размере 39 млрд золотых рублей [3, с. 295, 732]. Советская сторона категорически отвергла требования бывших союзников о возвращении военных долгов, справедливо заявив, что Россия оплатила их на полях сражений кровью миллионов своих солдат, и победа Антанты без ее участия в войне была бы невозможна. Предложение ввести в Советской России долговую комиссию и третейские суды рассматривалось как покушение на ее суверенную власть; сумма процентов, которые она должна была бы уплатить, равнялась всей сумме довоенного экспорта России – без малого полтора миллиарда рублей золотом; категорические возражения вызывала и реституция национализированной собственности [4, с. 174–175].

На вилле Альбертис фигурировала сумма российских претензий даже не 39, а 50 млрд золотых рублей [3, с. 732]¹³. Помимо суммы в 39 млрд зол. рублей, имелся ущерб, не поддававшийся точному учету, вместе с которым общая сумма советских контрпретензий и достигала не менее 50 млрд зол. рублей. Видимо, эта величина включала требования России от ущерба, причиненного за годы Первой мировой войны, которые должны были бы покрываться немецкими репарациями, в итоговую сумму была включена и денежная оценка некоторых ее территориальных потерь. Западные делегаты сочли советские претензии чрезвычайно завышенными. Озвученная М. Литвиновым сумма в 50 млрд золотых рублей была «совершенно непостижимой». Для заявки такой суммы, как сказал Ллойд Джордж, не стоило ехать в Геную [11, с. 53]. При обсуждении военных долгов он предлагал определить круглую сумму, подлежащую уплате за причиненные России убытки. Его предложение сводилось к тому, чтобы претензии частных лиц не противопоставлять государственным контрпретензиям; за советские контрпретензии списать военные долги; согласиться на сдачу промышленных предприятий прежним владельцам в долгосрочную аренду вместо реституции [4, с. 175].

Советскую делегацию такая сделка не удовлетворяла: сумма советских контрпретензий была значительно больше военных долгов, к тому же Россия считала себя свободной от обязательства по военным долгам из-за отказа от германских репараций. Совещание это выявило резкое расхождение во взглядах на уплату долгов и на возмещение убытков иностран-

¹³ Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д -3). Л. 69

цев в России между советской делегацией и представителями Антанты. Решено было на следующий день, 15 апреля, провести встречу русских экспертов с экспертами Антанты, после которой предстояло сформулировать ответ российской стороны. Ллойд Джордж и Шанцер подчеркнули, что его содержание решит судьбу конференции, а в случае непримиримости русских возможен разрыв¹⁴.

Во время перерыва советские делегаты были приглашены Ллойд Джорджем на завтрак. Барту, Шанцер и Жаспар от присутствия на завтраке уклонились. «Преследуя все ту же цель – ничем не уклониться в нашем поведении от проявления готовности к соглашению и дружеской любви, – писал Чичерин в Коллегию НКВД, – мы остались завтракать вместе с Ллойд Джорджем. Во время кофе, после завтрака, Ллойд Джордж предложил, чтобы английский министр торговли сэр Сидней Чапман и кто-нибудь от нас попытались выработать согласительную формулу»¹⁵. Российская делегация направила на переговоры М. Литвинова.

Заседания возобновились после долгого ожидания Чапмана и Литвинова, которым, однако, не удалось достичь соглашения. Дальнейшую дискуссию Чичерин назвал довольно бесвязной, причем Ллойд Джордж хотел ультимативно поставить вопрос о немедленном принятии требования союзников. По его мнению, претензиям частных лиц не могли быть противопоставлены государственные претензии, то есть, писал Чичерин, «мы должны уплачивать иностранным частным лицам – кредиторам и иностранным частным лицам – владельцам национализированной собственности, независимо от каких-либо обязательств между правительствами, и что, следовательно, наши контрпретензии не могут покрывать наших обязательств перед частными лицами-иностранцами»¹⁶. Как оказалось, Чапман и Литвинов разошлись во мнениях не в этом вопросе, а в вопросе о том, что именно передать комиссии, созданной для разработки «русского вопроса». Заседание вновь было прервано для того, чтобы переговорщики в очередной раз попытались договориться или, по крайней мере, четко сформулировали объект разногласий. В результате, по выражению Чичерина, они приняли «ничего не значащую бумажку, которая включала в себя решение созвать на следующий день маленькую комиссию экспертов с обеих сторон без составления общего плана взаимных претензий»¹⁷. 15 апреля встреча прошла при участии экспертов, которые и должны были выработать «согласительную формулу». На этом совещании Литвинов, в ответ на предъявленные России требования, изложил контрпретензии, сводившиеся к требованию возмещения России убытков в сумме около 35 миллиардов золотых рублей за разрушение и потери, произведенные союзнической интервенцией и блокадой, и в сумме около 15 миллиардов золотых рублей за отторжение Бессарабии¹⁸. На вечернем заседании российские представители заявили, что сумма эта может быть сокращена; на повторный вопрос союзников, принимает ли Россия Лондонский меморандум, ответили отрицательно. В результате русской делегации была дана новая отсрочка до получения дополнительных инструкций из Москвы.

Если к соглашению прийти не удастся, констатировал Ллойд Джордж, то союзники «сообщат конференции, что им не удалось договориться и что нет смысла дальше заниматься русским вопросом» [4, с. 177]. В заключение английский премьер-министр внес следующие, согласованные с другими западными представителями, предложения: 1. «Союзные государства-кредиторы, представленные в Генуе, не могут принять на себя никаких обязательств относительно претензий, заявленных Советским правительством». 2. «Ввиду <...> тяжелого положения России государства-кредиторы готовы сократить военный долг России <...> (в размере определенного процента, который должен быть установлен впоследствии)». Страны также «готовы рассмотреть <...> вопрос об отсрочке выплаты процентов по финансовым требованиям <...> и об аннулировании части просроченных или отсроченных процентов». 3. «Советскому правительству не может быть сделано никаких скидок в отношении: а) как долгов и финансовых обязательств, право требования по которым принадлежит иностранным гражданам, б) так и прав этих граждан на возвращение им их имущества и компенсацию за ущерб, нанесенный этому имуществу, или его утрату» [3, с. 260–261].

Такой вариант соглашения советскую делегацию не устраивал. Барту и Ллойд Джордж, в свою очередь, неоднократно заявляли на вилле, что встречные требования делегации Рос-

¹⁴ Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23(Д-3). Л. 69

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 144

¹⁶ Там же. Л. 145

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 145

¹⁸ Международная жизнь НКВД № 7. 1922 // Научный архив ИРИ РАН Ф. 22. Оп. 1. Д. 23 (Д-3). Л. 69

сии обрекают конференцию на провал. Однако, благодаря достаточно гибкой позиции советской делегации, до прекращения работы Генуэзской конференции дело не дошло, но и встречные претензии ими не были сняты. Чичерин считал, что союзники действительно не могли согласиться на признание российских претензий за интервенцию, так как это значило бы признать себя побежденными или виновными¹⁹. Примечательно, что советская делегация во время переговоров не настаивала на «монетизации» своих встречных требований к бывшим союзникам, предлагая суммы своих претензий конвертировать в выплаты зарубежным частным кредиторам из бюджетов союзных государств.

Главный водораздел, по которому проявилась несовместимость позиций советской делегации, с одной стороны, и ее оппонентов, с другой, был таким: западные партнеры ультимативно требовали от России признать и компенсировать все зарубежные долги царского и Временного правительств, принять на себя ответственность за все убытки иностранных граждан от действий или упущений советского или предшествующих ему правительств или местных властей (сумма российских долгов по этим категориям оценивалась ими в 18,5 млрд золотых рублей) [3, с. 241; 16, с. 67]; возратить иностранным владельцам все национализированные в России предприятия; создать международную комиссию для рассмотрения вопросов о порядке и способах возмещения российских долгов; отменить монополию внешней торговли в РСФСР и установить в России для иностранных подданных режим, не подконтрольный со стороны советской власти; не допускать со стороны Москвы никакой «антисобственнической пропаганды» [3, с. 245–253].

Отвергая большинство из выдвинутых ей требований, делегация РСФСР 20 апреля 1922 г. выступила с меморандумом, в котором заявлялось, что предпосылкой нормальных экономических связей России со странами Запада должно стать признание советского правительства де-юре и отказ от попыток навязать Москве «систему капитуляций». Вместе с тем советская сторона изъявляла готовность «признать за пострадавшими гражданами право на возмещение убытков, однако при неперемennom соблюдении условий взаимности» [3, с. 239–240]²⁰. Вопрос о признании Советской Россией государственных и частных долгов не следовало увязывать с вопросом о дальнейшем торгово-экономическом сотрудничестве. Само по себе признание или непризнание долгов, возникших до прихода к власти большевиков, не могло повлиять на приток капиталов в Советскую Россию. Он зависел исключительно от гарантий советского правительства. Российская делегация считала, что надо заключать торговые и кредитные соглашения со странами Запада, а вопрос о взаимных требованиях прошлых лет следует решать параллельно.

В результате встреч на вилле Альбертис Г. В. Чичерин 20 апреля направил Ллойд Джорджу письмо по поводу предложений союзных правительств, сделанных ими 15 апреля [3, с. 259–260]. В письме было подчеркнуто, что советское правительство «не сможет взять на себя никаких обязательств в отношении долгов своих предшественников, пока оно не будет признано де-юре заинтересованными державами» [3, с. 260]. Между тем Чичерин писал, что российская делегация готова сделать еще один шаг для урегулирования разногласий и принять пункты 1, 2 и 3а предложений стран Согласия при условии аннулирования военных долгов и просроченных или отсроченных процентов по всем долгам, а также оказании финансовой помощи России.

Перед вторым заседанием подкомиссии первой комиссии утром 21 апреля письмо Чичерина было обсуждено на совещании всех ее членов за исключением представителей Советской России и Германии. Собравшаяся в тот же день на заседание в полном составе подкомиссия учредила по предложению Шанцера комитет экспертов по «русскому вопросу». Создан он был, в первую очередь, для рассмотрения письма Чичерина. В комитет вошло по одному представителю от каждой приглашающей страны, от Советской России и два представителя от нейтральных государств (делегат Голландии) и от государств Малой Антанты (делегат Чехословакии) [3, с. 731–732]. Российская делегация с созданием комитета экспертов согласилась. Однако делегация Великобритании совместно с представителями других западных стран не только не стремилась найти практическое решение выдвинутых в письме Чичерина вопросов, но даже отступила от достигнутой ранее договоренности принять письмо в качестве основы дальнейших переговоров, настаивая на обсуждении Лондонского меморандума. Они

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 145

²⁰ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 39. Л. 1-10; Там же. Д. 40. Л. 1-9.

упорно уклонялись от обсуждения вопроса о предоставлении России финансовой помощи, не приняв предложения советской делегации о создании с этой целью подкомиссии, которая могла бы работать параллельно с комитетом экспертов.

Дальнейший ход дискуссии на Генуэзской конференции, а также неофициальные встречи и беседы между делегатами по главной проблеме – возмещения «на основе взаимности» убытков, понесенных иностранными гражданами, и, в свою очередь, убытков, понесенных Советской Россией, – были безрезультатны.

Представитель Италии Юнг в разговоре с главой советской делегации Чичериным охарактеризовал ход конференции как «гомеопатическое лечение»²¹. Действительно, сначала «русский вопрос» был отправлен в первую политическую комиссию, затем в политическую подкомиссию, где по предложению Ллойд Джорджа в качестве базиса для дискуссий был роздан меморандум лондонских экспертов. Причем, как следует из сообщения Чичерина в Коллегию НКВД 15 апреля 1922 г., представители великих держав оговорили неофициальный характер меморандума, заявив, что меморандум их не связывает и является лишь частным мнением экспертов, но что, к сожалению, нет другого базиса для переговоров²². Из неофициальных разговоров с Уайзом (близким к Ллойд Джорджу) и Юнгом (близким к К. Шанцеру) выяснилось, как писал далее Чичерин, «как далеко отстают наши максимально возможные уступки от самых минимальных требований Антанты»²³.

После неудачной попытки Запада навязать Советской России условия Лондонского меморандума был подготовлен в тайне от российской делегации и представлен Чичерину меморандум союзных держав от 2 мая 1922 г. (ответ на советский меморандум 20 апреля), которому предшествовало два проекта документа: более компромиссный английский и жесткий, ультимативный по отношению к Советскому государству – французский. Меморандум от 2 мая предъявлял России ряд условий для ее восстановления, содержащихся в 13 статьях [3, с. 373–378]. Так, статья 1 обязывала Советское правительство не вмешиваться во внутренние дела других стран, не нарушать политический и территориальный статус-кво в других государствах, не оказывать там помощь революционным движениям. Согласно 2-й статье меморандума, Советское правительство должно было признать все долги и государственные обязательства императорского или Временного правительств, или его самого по отношению к иностранным державам. В статье подчеркивалось, что союзники лишены возможности признать ответственность, возлагаемую на них Российским правительством за убытки и ущерб, понесенные в России за время революции после войны [3, с. 375]. Все долги Советского правительства или его предшественников иностранным гражданам были отнесены к категории частных долгов. Статья 4-я требовала выполнения Советским правительством всех финансовых обязательств его и его предшественников по отношению к иностранцам. Однако после трудных согласований единого варианта меморандум так и не был подписан французами. В кулуарах конференции шли разговоры о распаде Антанты, о том, что Франция может покинуть форум досрочно, а Великобритания пойти на сепаратные договоренности с Россией. С большим трудом американскому послу в Италии, присутствовавшему на конференции в качестве наблюдателя, Чайлду удалось примирить англичан и французов – главных держателей внешнего долга России.

После изучения меморандума от 2 мая, не содержащего справедливого решения русской проблемы, советская делегация, в свою очередь, представила меморандум 11 мая, в котором отмечалось, что решение «русского вопроса» не продвинется ни на шаг, пока собравшиеся в Генуе державы не проникнутся идеей, что жертвы, которые они требуют от России, должны, в свою очередь, вызвать подобные же жертвы и с их стороны [3, с. 364]. Однако обмен меморандумами не привел к компромиссному решению сторон. Советские представители не настаивали в ультимативной форме на выполнении своих контрпретензий, предложив «нулевой вариант» – взаимный отказ от любых претензий. В тех случаях, когда «нулевых вариантов» достичь не удастся, было бы целесообразно, по их мнению, введение моратория на погашение страной-должником сальдо взаимных требований на время восстановления ее своей экономики.

При определенных условиях Советская Россия готова была пойти на признание части военных долгов, разбив их на две категории: *первая* – долги, образованные кредитами, которые

²¹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 151

²² Там же. Л. 143

²³ Там же.

Российская империя брала исключительно на государственно-административные цели. Их РСФСР отказывалась признавать по политическим и идеологическим причинам (например, долги по кредитам, которые использовались для подавления революционного движения в 1905–1907 гг.). *Вторая категория* – долги по кредитам, которые прямо или косвенно способствовали экономическому развитию России (кредит на железнодорожное строительство, выкуп государством частных железных дорог и др.). По таким кредитам Советская Россия готова была признать свои обязательства. Но главными условиями для этого были предоставление России длительной отсрочки в обслуживании и погашении довоенных долгов и предоставление западными странами новых долгосрочных кредитов на льготных условиях (по процентной ставке и срокам погашения) на восстановление разрушенного хозяйства страны.

От долгов военного времени Советская Россия отказалась. Решение это обосновывалось ее отказом от своих прав на репарации от Германии согласно статье 116 Версальского мирного договора. Советская делегация на Генуэзской конференции отмечала, что значительная часть бюджетов победивших стран покрывалась за счет репарационных платежей (особенно бюджета Франции, опасавшейся, что Советская Россия поднимет вопрос о своих правах на репарации). Делегация РСФСР еще раз подтвердила, что отказывается от своих прав на репарации [3, с. 240]. Отказ от погашения военных долгов российской делегация аргументировала и тем, что русский народ принес в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе, он понес огромный имущественный ущерб и в результате войны потерял крупные и важные для его государственного развития территории. И после того как остальные союзники получили по мирным договорам громадные приращения территорий, крупные контрибуции, с русского народа хотят взыскать издержки по операции, оказавшейся столь прибыльной для других держав. Российская делегация призвала всех членов конференции оценить всю непоследовательность и необоснованность подобного требования. Советская делегация на конференции достаточно уверенно отстаивала свое право не платить долги по военным кредитам, поскольку на тот момент в Европе мало кто это делал.

Советская Россия проявила готовность идти на компромисс и в вопросе по национализированному имуществу иностранных собственников. Отвергнув предложения, которые содержались в Лондонском меморандуме экспертов (реституция, т. е. восстановление имущественных прав иностранцев на предприятия, недвижимость и иные национализированные советской властью активы, возмещение убытков иностранным владельцам в случае нежелания Советского правительства осуществлять реституцию или по причине физической утраты имущественных объектов), советская делегация выдвинула предложение по передаче в аренду (концессию) прежним собственниками тех имущественных объектов, которые принадлежали им до национализации.

На Генуэзской конференции также рассматривался вопрос стабилизации денежных систем и восстановления международной валютно-финансовой системы. Однако никаких международных договоров и соглашений в сфере валютно-финансовых отношений заключено не было [5, с. 160]. Предметом дискуссий был также вопрос о восстановлении «золотого стандарта» на уровне отдельных стран и в международных масштабах. РСФСР в 1922 г. еще не имела четкого понимания, как будет организована ее денежная система (денежная реформа в СССР начала проводиться в 1923 г.). Видимо, во время Генуэзской конференции идеальной денежной системой советской делегации виделась система «золотого стандарта». А для этого нужно было золото, которого у России почти не было [6, с. 48–162].

От общих принципов восстановления послевоенной экономики делегация РСФСР переходила к конкретным просьбам о предоставлении Советской России кредитов и займов как для восстановления денежного хозяйства, так и для развития промышленности и сельского хозяйства. Выражалась прямая заинтересованность в золотых кредитах Государственному банку РСФСР [5, с. 103–104; 12, с. 378]. Предложения советской делегации были изложены в письме на имя председателя финансовой комиссии Генуэзской конференции от 3 мая 1922 г. В основе этих предложений был доклад об экономическом и финансовом положении России, представленный на заседании комиссии по кредитам 26 апреля. Согласно данным, приведенным в этом документе, общая сумма кредитов для нужд восстановления народного хозяйства советских республик ориентировочно определялась в размере 8797 млн руб. золотом. Полученные кредиты предполагалось вложить в течение 3–5 лет: в сельское хозяйство – 2797 млн руб. золотом; в промышленность – 1 млрд руб.; в транспорт – 5 млрд руб. [3, с. 740]. Сумма запрашиваемых кредитов была сопоставима с величиной долгов по кредитам царского и Вре-

менного правительств [5, с. 104]. В качестве гарантий кредиторам указывались общий доход и специальные статьи бюджета (таможенные доходы, производство платины, экспорт товаров), а также доля, причитавшаяся Советскому правительству от доходов концессий, которые оно могло бы предоставить иностранному капиталу.

На Генуэзской конференции России не удалось добиться получения даже незначительных кредитов. Формула стран Запада по вопросам кредитов Советской России – сначала Россия признает свои долги, затем пройдет обсуждение вопроса о новых кредитах. Попытка Великобритании и Франции при незримой поддержке со стороны США организовать против советской делегации блокаду выразилась в негласном запрете на заключение каких-либо сепаратных соглашений с РСФСР во время проведения конференции. Принципиальная позиция, занятая советской делегацией, содействовала углублению противоречий в позициях делегаций Англии и Италии, с одной стороны, и Франции, Бельгии и Японии, с другой, по вопросам о долгах свергнутых правительств, возврате предприятий и о кредитах. Это позволило расколоть западный блок.

Проведенные в Рапалло переговоры между наркомом Г. В. Чичериным и министром иностранных дел Германии В. Ратенау привели к заключению двустороннего договора между РСФСР и Германией 16 апреля 1922 г., после того, как зашли в тупик переговоры на вилле Альбертис. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между обоими государствами [3, с. 223–224]²⁴, взаимный отказ от возмещения военных расходов и убытков, затрат по содержанию военнопленных; германская сторона отказалась от претензий в связи с аннулированием старых долгов и национализацией иностранной, включая германскую, собственности в Советской России; обе стороны соглашались применять принцип наибольшего благоприятствования при урегулировании взаимных торговых и хозяйственных отношений.

Что же побудило руководство Наркоминдела и Политбюро сделать ставку на соглашение с Германией, находившейся в весьма трудном экономическом положении? Российский исследователь С. З. Случ справедливо отмечает, что это, «во-первых, осознание невозможности прорвать фронт держав-победительниц и прийти к соглашению с Англией, оценивавшейся, хотя и не единодушно, в качестве “главного фактора” – ориентира европейской и даже мировой политики России. Во-вторых, с помощью Германии было легче прорвать капиталистическое окружение, поскольку она уже противостояла державам Антанты. В-третьих, только Германию в отличие от других европейских держав можно было заинтересовать сотрудничеством в военно-технической области» [18, с. 46].

Рапалльский договор не содержал никаких секретных статей по военному сотрудничеству. Первое из соглашений в этой области было заключено в конце ноября 1922 г. между фирмой «Юнкерс» и советским правительством [18, с. 48]. Однако возможности использования этого зарождавшегося вида сотрудничества в качестве фактора политического давления на немецкое правительство советские руководители осознали еще до Рапалло. Члены российской делегации по дороге на Генуэзскую конференцию встречались в Германии с рядом немецких политиков и дипломатов. Но тогда замысел Москвы – «нанести превентивный удар по фронту капиталистических держав до открытия Генуэзской конференции, заключив очередное сепаратное соглашение с Германией», – сорвался [18, с. 49]. И хотя сближение позиций по оставшимся спорным пунктам будущего соглашения произошло, Чичерин имел все основания для вывода: «У нас в Германии ничего не вышло» [3, с. 205]. Произошло это в значительной степени из-за разного отношения руководителей обоих государств к Генуэзской конференции. Для Германии важнейшей была проблема репараций, и решить ее можно было только путем соглашения, а не конфронтации с западными державами. Поэтому немецкие политические деятели не торопились заключать соглашение с Советской Россией, не желая конфликтовать с Западом. Москве же, считает Случ (и с ним можно согласиться), судьба Генуэзской конференции была не столь важна. Так, 7 февраля 1922 г. в письме Чичерину о директивах для советской делегации на конференцию Ленин писал: «Ни капли нам не страшен срыв: завтра мы получим еще лучшую конференцию. Изоляцией и блокадой нас теперь не запугаешь, интервенцией тоже» [9, с. 385]. Единственное, что волновало членов советской делегации, чтобы в случае срыва конференции это произошло «не на русском вопросе, а на каком-нибудь конфликте буржуазных государств между собой»²⁵.

²⁴ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 52. Л. 11-12.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 97

После Рапалло конференция продолжалась в обстановке подозрительности в отношении и Германии, и России. Ходили слухи о коммунистическом заговоре Советской России и III Интернационала, в котором Германии большевики отводили роль «базы в оперативных действиях против западных держав», о военных приготовлениях Москвы к мировой революции [19, с. 237]. Подписывая договор в Рапалло, Германия официально демонстрировала, что она признает Советскую Россию не только де-факто, но и де-юре. При этом сторонами была достигнута устная договоренность о проведении в будущем переговоров о расширении сферы действия договора, наряду с РСФСР, на другие советские республики. 5 ноября 1922 г. в Берлине был подписан соответствующий советско-германский договор, а в нотах, которыми обменялись 5–10 ноября германский канцлер и советский полпред в Германии, подтверждалось, что подписание договора от 5 ноября означает признание германским правительством де-юре правительств указанных союзных республик [3, с. 658–663]. Подписание Рапалльского договора, подчеркивалось в отчете НКВД, «ознаменовало собой поворотный пункт как во взаимоотношениях Германии и РСФСР, так и во вступлении последней на твердую почву полных дипломатических договоров с державами Запада» [13, с. 30]. 16 мая 1922 г. Рапалльский договор был ратифицирован Советской Россией, 4 июля 1922 г. – Германией.

Советско-германский договор обострил отношения между Англией и Италией – с одной стороны, и Францией – с другой. Чичерин писал 23 апреля 1922 г. в письме К. Радеку, что «Франция за последние дни держится более вызывающей тактики и хватается за мелочи, вроде нашего меморандума, чтобы устраивать скандалы. Ллойд Джордж заявил, что, если так будет продолжаться, он уедет и обратится ко всем народам Европы с декларацией, что восстановлению Европы мешает Франция»²⁶. Однако при личных встречах с членами российской делегации и в неофициальных разговорах Барту, по их рассказам, был демонстративно предупредителен и любезен. Чичерину он говорил, что всегда был сторонником соглашения с РСФСР и продолжает быть таковым, но ему мешают в Париже. В отличие от Барту, Ллойд Джордж, наоборот, подчеркивал единство фронта Антанты и на заседаниях на вилле Альбертис, в частности, демонстративно занимал более твердую позицию по отношению к русским. Но «это не мешает тому, что в общем ходе переговоров именно он посредничает между нами и Францией и играет роль арбитра», – писал нарком²⁷. Самым болезненным вопросом была компенсация частных собственников, позиции обеих сторон в этом вопросе были непримиримы. Чичерин считал, что настал момент для широкой агитации на эту тему и необходимо всеми доступными путями, «не от нашей делегации, а помимо нас, подчеркивать, что примирению мешают те акулы, которые требуют возвращения своей частной собственности или полной уплаты за нее»²⁸.

Российской делегации на конференции часто приходилось вести свою работу в условиях исходившего из Москвы «директивного прессинга». Политбюро ЦК неоднократно телеграфировало Чичерину и всем советским делегатам в Геную, предписывая им занимать исключительно твердую позицию и не идти ни на какие уступки западным странам, какими бы «привлекательными» иногда не казались их контрпредложения. Так, по проблеме погашения долгов российским делегатам предписывалось идти на переговоры только в том случае, если до этого представители европейских стран согласятся на фиксацию твердой договоренности о предоставлении Советской России крупных финансовых займов на льготных условиях для восстановления экономики [14, с. 135]. Однако западные представители соглашались вступать в такие переговоры только после согласия российской стороны гарантировать погашение довоенных и военных долгов России. Тем не менее в целом, по мнению М. Литвинова, в Генуе создалась обстановка гораздо более благоприятная, чем ожидалось. «Союзники готовы на далеко идущие уступки, – писал он 20 апреля 1922 г. в Коллегию НКВД, – но предел этих уступок весьма еще далек от нашего предела и шансы на соглашение также невелики...»²⁹

Делегация России заявляла, что не может принимать любые обязательства по долгам царского и Временного правительств, то есть те обязательства, которые она заведомо не сможет выполнять по экономическим причинам. Отказываясь от полного или частичного погашения внешних обязательств, возникших до октября 1917 г., советская делегация апелли-

²⁶ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 154

²⁷ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 154

²⁸ Там же. Л. 155

²⁹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 5. П. 1. Л. 12

рвала к исторической и юридической стороне вопроса. Она напоминала о том основном принципе права, что революции, составляющие насильственный разрыв с прошлым, несут с собой новые правовые условия внутренних и внешних отношений государств. Правительства и режимы, вышедшие из революции, не обязаны соблюдать обязательства свергнутых правительств. Апеллировала советская делегация и к юридическому понятию «форс-мажор», снимающему частично или полностью ответственность сторон договоров за выполнение своих обязательств [3, с. 367]. Советская делегация напомнила и о таком принципе, как равные права зарубежных держателей долговых и иных требований перед отечественными гражданами. Признав свои обязательства перед иностранцами, советскому государству пришлось бы признавать аналогичные обязательства перед своими физическими и юридическими лицами, а их было значительно больше.

19 мая 1922 г. состоялось последнее пленарное заседание Генуэзской конференции, на котором были обсуждены доклады и приняты резолюции экономической и первой – политической комиссий. В докладе экономической комиссии рассматривались вопросы таможенной политики, торговых договоров и конвенций; вопросы защиты промышленной, литературной и художественной собственности; вопросы сельского хозяйства и вопросы труда [12, с. 399–413]. По докладу политической комиссии было принято, в том числе и российской делегацией, постановление, состоявшее из 6 пунктов: 1) создать комиссию, которая рассмотрит существовавшие между Советским Российским правительством и правительствами других стран разногласия, а также вступит в контакт с Русской комиссией, имевшей такие же полномочия; 2) не позднее 20 июня правительству России сообщить о назначении державами, представленными в Нерусской комиссии, имен членов комиссии, и на началах взаимности имена членов Русской комиссии сообщить другим правительствам; 3) определить круг вопросов, подлежащих обсуждению этими комиссиями: долги, частная собственность и кредиты; 4) обязать членов обеих комиссий быть в Гааге к 26 июня 1922 г.; 5) обеим комиссиям приложить усилия для достижения согласованных предложений по вопросам о долгах, частной собственности и кредитах; 6) для спокойной работы комиссий и восстановления взаимного доверия между Российским правительством и союзными с ним правительствами, с одной стороны, и другими правительствами – с другой, заключить соглашения, обязывающие воздерживаться от актов нападения против территорий, взаимно им принадлежащих, и от всякой подрывной пропаганды [3, с. 408].

О месте будущего совещания Русской и Нерусской комиссий велись оживленные прения на заседании политической подкомиссии за два дня до закрытия конференции. Чичерин возражал против выбора Гааги, рассматривая как явное доказательство враждебности со стороны голландского правительства тот факт, что оно не установило никаких отношений с советским правительством [3, с. 394–395, 400]. Ллойд Джордж отметил, что Гаага была выбрана, как город, имевший международную традицию и представлявший удобство для большинства участников конференции³⁰. На выбор Гааги российская делегация согласилась после объяснения Шанцера, что приглашение голландским правительством Советской России означает его фактическое признание, и уверений голландского делегата о предоставлении российской делегации в Голландии обычных дипломатических прав и привилегий³¹. Таким образом, обсуждение поднятых в Генуе вопросов было решено продолжить на следующей многосторонней встрече в Гааге в июне 1922 г.³²

Организаторы конференции считали наилучшим средством для успешного экономического восстановления Европы прямые отношения между Россией и европейскими странами и устранение возможности вооруженных конфликтов между ними. Однако решить русскую проблему – урегулирование экономических вопросов, связанных с государственными долгами, в частности вопросы по правам бывшей Российской империи, не удалось: признание долгов довоенного и военного времени советская делегация ставила в зависимость от предоставления ей кредитов; в вопросе о национализированном иностранном имуществе она не шла ни на какие уступки. В течение всех переговоров она настаивала на взаимности и равноправии, но неизменно заявляла протест против всякого рода вмешательства во внутренние дела России.

³⁰ Научный архив ИРИ РАН. Ф. 22. Оп. 1 Д. 22 (Д -3). Л. 117.

³¹ Там же.

³² АВП РФ. Ф. 418. Оп. 1. П. 7. Д. 74. Л. 2-3.

В Генуе возобладали неуступчивая франко-бельгийская позиция в отношении российских долгов над компромиссной линией Великобритании. Самые скромные претензии к России были у Италии, делегация которой наиболее последовательно высказывалась за нормализацию отношений. Позитивное значение для Советской России имели проведенные Чичериным в Генуе переговоры с итальянскими представителями, завершившиеся подписанием 24 мая 1922 г. советско-итальянской торговой конвенции. Однако из-за отсутствия политических статей советское правительство ее не ратифицировало. Позднее, в 1924 г., советско-итальянские переговоры привели к взаимному юридическому признанию и заключению приемлемой для обеих стран конвенции о торговле и мореплавании. Там же, в Генуе, в результате встреч Чичерина с чехословацким премьер-министром Э. Бенешем было достигнуто согласие по основным спорным вопросам отношений между двумя государствами. Договоренность была закреплена в заключенном в Праге 5 июня 1922 г. временном договоре, поднявшем на новую ступень торгово-экономические отношения между РСФСР и Чехословакией [8, с. 441].

После Генуи интенсивнее устанавливались внешнеэкономические связи, налаживалось экономическое сотрудничество Советской России, заключение ею торговых соглашений с различными государствами; по умолчанию шло признание государственной монополии внешней торговли; формально не стало и кредитной блокады России, хотя долгосрочных банковских кредитов ей по-прежнему не давали; активизировалась концессионная деятельность с участием иностранных компаний; создавались смешанные общества, такие как Русско-германское торгово-транспортное общество «Рустрозит», Германо-русское химическое акционерное общество и др. В целом, несмотря на то что Генуя не принесла Москве каких-либо конкретных результатов, в СНК и НКВД превалировала оптимистичная оценка этого форума, т. к. он закрепил признание РСФСР европейцами де-факто. Анализируя итоги конференции, Л. Троцкий писал: «...в Генуе мы отстаивали и отстаивали право Советской России на социалистическое развитие»³³. Генуэзская конференция стала в определенном смысле переломным моментом в становлении советской дипломатии. Впервые на представительном международном форуме Республика Советов смогла изложить свое политическое кредо, представить внешнеполитическую программу. Для Советской России Генуя означала прорыв дипломатической и политической блокады: страна возвращалась в ряды субъектов мировой политики.

Список литературы

1. Ахтамзян А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М., 1974.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961.
4. История дипломатии. М.-Л., 1945. Т. 3.
5. Катасонов В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015.
6. Катасонов В. Ю. Золото в экономике и политике России. М., 2009.
7. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
8. Кutowой Е. Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.-СПб., 2016.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М., 1974.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970.
11. Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963.
12. Материалы Генуэзской конференции. М., 1922.
13. Международная политика РСФСР в 1922 г. М., 1923.
14. Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004.
15. О'Коннор Тимоти Э. Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.
16. Очерки истории Министерства иностранных дел. Т. 2. М., 2002.
17. Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М., 1953.
18. Случ С. З. Германия и СССР в 1918–1939 гг.: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995.
19. Станков Н. Н. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии, 1918–1924. Волгоград, 2007.
20. Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969.
21. Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. М., 1922.
22. Kennan G. F. Soviet foreign policy, 1917–1941. Prinseton, N. J., 1960; Genoa, Rapallo, and European reconstruction in 1922 / ed. by Carole Fink, Axel Frohn. Wash., N. Y., 1991.

³³ АВП РФ. Ф. 0419. Оп. 1. П. 1. Д. 16. Л. 17

Heritage of the Empire: Soviet Russia on the International Genoa conference of 1922

N. E. Bystrova

Doctor of historical sciences, scientific secretary, Institute of Russian history.
Russia, Moscow. E-mail: iriran@mail.ru

Abstract. The article on the new archival material shows little-known aspects of the diplomatic background and history of the Genoa conference of 1922, which was the first serious attempt to normalize political and economic relations between Soviet Russia and Western countries after the world war. The lesson and experience of Genoa have not lost their relevance, leaving analogies to the present; the desire to overcome the ideas of confrontation and the creation of a new world order also remains relevant in the XXI century.

The article shows the preparatory work on the development of tactics of the Russian delegation, its program, in particular, the search for the boundaries of possible concessions by Soviet Russia to the requirements of European powers as conditions for providing financial assistance to it; the essence of tactical disagreements of Western powers in the assessment of the "Russian question" is transferred. The Russian Empire collapsed in 1917, but its debts remained. The author highlights the confidential negotiations of the Soviet delegates at the conference on the debts of the tsarist and Provisional governments of Russia with the heads of Great Britain, France, Italy and Belgium at Villa Albertis, as well as the Soviet-German Rapallo Treaty – the first major breakthrough in the trade and economic blockade of Soviet Russia, inherited the debts of the disappeared Empire.

It was not possible in Genoa to solve the Russian problem – the settlement of economic issues related to the state debts of the former Russian Empire and the Provisional government. The article shows that the recognition of debts of pre-war and wartime delegation of Soviet Russia was dependent on the provision of loans to it; on the issue of nationalized foreign property, it did not make any concessions. During all the negotiations, the Soviet side insisted on reciprocity and equality, but in advance protested against interference in the internal Affairs of Russia. Genoa got the better of the unyielding French-Belgian position concerning the Russian debt over the compromise line in the UK. The main issue of the Soviet government at this conference – the provision of loans – Western countries refused to discuss. For Soviet Russia the way of development of economic relations at the expense of fundamental economic and political concessions, on which the West insisted, was unacceptable. However, the Genoese conference was not fruitless for the New Russia: the country for the first time after the revolution, having overcome the blockade, returned to the ranks of subjects of world politics.

Keywords: Russian question, debts, counter-claims, Rapallo, peaceful coexistence.

References

1. Ahtamzyan A. A. *Rapall'skaya politika. Sovetsko-germanskie diplomaticheskie otnosheniya v 1922–1932 godah* [Rapallo policy. The Soviet-German diplomatic relations in the years 1922–1932]. M. 1974.
2. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 4. M. 1960.
3. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 5. M. 1961.
4. *Istoriya diplomatii* – History of diplomacy. M.-L. 1945. Vol. 3.
5. *Katasonov V. Yu. Genuezskaya konferenciya v kontekste mirovoj i rossijskoj istorii* [Genoese conference in the context of world and Russian history]. M. 2015.
6. *Katasonov V. Yu. Zoloto v ekonomike i politike Rossii* [Gold in the economy and politics of Russia]. M. 2009.
7. *Kissinger G. Diplomatiya* [Diplomacy]. M. 1997.
8. *Kutovoj E. G. Mezhdunarodnye peregovory na perekrestkah civilizacij* [International negotiations at the crossroads of civilizations]. M.-SPb. 2016.
9. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Vol. 44. M. 1974.
10. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Vol. 45. M. 1970.
11. *Lyubimov N. N., Erlih A. N. Genuezskaya konferenciya (Vospominaniya uchastnikov)* [Genoa conference (Memories of the participants)]. M. 1963.
12. *Materialy Genuezskoj konferencii* – The materials of the Genoa conference. M. 1922.
13. *Mezhdunarodnaya politika RSFSR v 1922 g* – International policy of the RSFSR in 1922. M. 1923.
14. *Nezhinskij L. N. V interesah naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godah* [In the interests of the people or against them? Soviet international policy in the years 1917–1933]. M. 2004.
15. *O'Connor, Timothy E. Inzhener revolyucii. L. B. Krasin i bol'sheviki. 1870–1926* [Engineer of the revolution. L. B. Krasin and the Bolsheviks. 1870–1926]. M. 1993.
16. *Oчерки истории Ministerstva inostrannyh del* – Essays on the history of the Ministry of foreign Affairs. Vol. 2. M. 2002.
17. *Rubinstein N. L. Vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–1925 gg* [Foreign policy of the Soviet state in 1921–1925]. M. 1953.

18. Sluch S. Z. *Germaniya i SSSR v 1918–1939 gg.: Motivy i posledstviya vneshnepoliticheskikh reshenij* [Germany and the USSR in 1918–1939: Motives and consequences of foreign policy decisions] // *Rossiya i Germaniya v gody vojny i mira (1941–1995)* – Russia and Germany in the years of war and peace (1941–1995). M. 1995.
19. Stankov N. N. *Diplomaticheskie otnosheniya Veimarskoj respubliki i Chekhoslovakii, 1918–1924* [Diplomatic relations of the Weimar Republic and Czechoslovakia, 1918–1924]. Volgograd. 2007.
20. Shishkin V. A. *Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg. Ocherki istorii stanovleniya ekonomicheskikh otnoshenij* [Soviet state and Western countries in 1917–1923. Essays on the history of economic relations]. L. 1969.
21. Shtein B. E. *Genuezskaya konferenciya* [The Genoa conference]. M. 1922.
22. Kennan G. F. *Soviet foreign policy, 1917–1941*. Prinseton, N. J., 1960; Genoa, Rapallo, and European reconstruction in 1922 / ed. by Carole Fink, Axel Frohn. Wash., N. Y., 1991.

Перцептивный образ «типичного объекта» и языковые средства его создания

Л. В. Калинина¹, М. А. Трушков²

¹доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0003-2271-3995. E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru.

²преподаватель кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: Yoga-kirov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых средств, отражающих взаимодействие семантики типичности с понятийной категорией перцептивности. Актуальность изучения взаимодействия семантических областей типичности и перцептивности обусловлена тем, что именно «типичные объекты» лежат в основе формирования в сознании классификационных категорий. В связи с этим необходимо охарактеризовать те языковые средства, в которых перцептивно воспринимаемые признаки «типичных объектов» находят свое вербальное выражение. В настоящей работе с помощью методов структурной, функциональной и когнитивной лингвистики на материале Национального корпуса русского языка анализируются особенности семантики и функционирования в речи лексемы *типичный* и показываются пересечения семантики типичности со смысловой категорией перцептивности.

Исследование показало, что перцептивно (прежде всего зрительно) воспринимаемые признаки тех или иных объектов играют важную роль в формировании семантики типичности. Перцептивно воспринимаемые признаки обычно с большей или меньшей степенью детализации перечисляются в контексте. Благодаря этому создается языковой образ некоторого «типичного объекта», чаще всего – человека. Образ человека как «типичного представителя» какой-либо группы выстраивается как совокупность его непроцессуальных (качественных) и процессуальных (отражающих модель поведения) характеристик. Образ иного предмета или абстрактного понятия выстраивается по аналогии с образом человека. Перцептивная природа образа абстрактного объекта обычно скрыта под несколькими уровнями переносных значений, однако она может быть эксплицирована через последовательность шагов, ведущих от «метафорической оболочки» к определенному когнитивному примитиву, основанному на схеме того или иного перцептивного действия.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика типичности, перцептивность, лингвистика образа, языковые средства создания образа.

Вы категоризируете некоторый аспект видимого поля как дерево, потому что вы знаете, как выглядит дерево.

*Джордж Лакофф.
Женщины, огонь и опасные вещи*

Целью настоящей статьи является анализ языковых средств, отражающих взаимодействие семантики типичности с понятийной категорией перцептивности.

Актуальность изучения взаимосвязи типичности и перцептивности обусловлена тем, что именно «типичные объекты» являются основой формирования в сознании тех или иных классификационных категорий, что было неоднократно показано в работах когнитивных психологов и лингвистов, ср., напр. [5; 12]. В связи с этим важной задачей лингвокогнитивного анализа является экспликация и обоснование тех признаков и критериев, на основании которых тот или иной объект идентифицируется говорящими как «типичный представитель» определенного класса. Одним (но далеко не единственным) из таких критериев является способность

объекта быть воспринимаемым органами чувств, так как признаки, на основании которых осуществляется категоризация, должны быть очевидными, явно и ярко выраженными. Сказанное объясняет необходимость охарактеризовать те языковые средства, посредством которых перцептивно воспринимаемые признаки находят свое вербальное выражение.

В настоящей статье на материале Национального корпуса русского языка [16] (далее – НКРЯ) характеризуются особенности семантики и функционирования в речи лексемы *типичный* и показываются пересечения семантики типичности со смысловой категорией перцептивности.

В процессе исследования применялся комплекс методов структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: методы компонентного, дистрибутивного, контекстуального анализа, метод когнитивной интерпретации, а также количественные методы.

Под перцептивностью понимается связь чего-либо с чувственным восприятием. Ср.: «Перцепция – чувственное представление (сенсорный образ, ощущение), являющееся элементом предметного содержания сознания конкретного человека» [14, с. 180]. Ср. также: «Перцепция – психол. восприятие, непосредственное отражение объективной действительности органами чувств» [10, с. 586].

Как отмечают В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, восприятие характеризуется рядом свойств: отнесенностью к определенным предметам окружающей действительности (*предметность*); оформленностью воспринимаемых образов (*целостность*); связью конкретного восприятия с прошлым опытом и уже имеющимися знаниями субъекта о мире (*осмысленность*); восприятием предметов в их устойчивых связях и отношениях друг с другом (*структурность*); относительным постоянством воспринимаемой формы, отвлечением от несущественных изменений облика (*константность*); предпочтением одних объектов другим, обусловленным предыдущим опытом и потребностями субъекта (*избирательность*) [18, с. 280–281].

Перцептивность объекта, его доступность для чувственного восприятия дает возможность применять по отношению к нему перцептивные действия, то есть такие действия, которые «связаны с сознательным выделением той или иной стороны чувственно заданной ситуации, а также различного рода преобразованиями сенсорной информации, приводящего к созданию адекватного задачам деятельности и предметному миру образа» [17, с. 160].

В приведенных определениях перцепции и перцептивных действий не случайно фигурирует слово *образ*: «сенсорный образ», «оформленность образов», «образ мира». Именно образ, возникший на основе чувственно воспринимаемых признаков, является «представителем» объекта (как материального, так и нематериального) в сознании человека. О том, каким является этот образ, какими характеристиками он обладает, можно судить на основании вербализующих его языковых средств.

Образ как предмет лингвистического анализа может получать различные определения, ср., напр. [1; 2; 4; 7; 22; 25 и др.]. В настоящей статье мы вслед за С. В. Черновой понимаем под образом «совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных характеристик живых существ, а также неодушевленных предметов и явлений окружающего мира, формирующихся в сознании человека (группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах по аналогии с образом человека» [24, с. 191]. Аналогия образа любого предмета с образом человека в данном определении проводится неслучайно: как убедительно показывают исследования последних десятилетий, в центре языка и языковой картины мира стоит человек. Осознание этого факта в свое время привело к смене научной парадигмы в языкознании. Одним из ведущих принципов современной лингвистики является антропоцентризм, то есть такой подход к языку, при котором, как пишет Е. С. Кубрякова, «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [11, с. 212].

Наши собственные исследования семантики типичности также подтверждают антропоцентрическую ориентацию языка: по данным НКРЯ, наиболее частотными объектами характеристики лексем с семантикой типичности являются нарицательные конкретные существительные со значением лица. Ср., напр.: *типичный американец, армянин, аферист, британец, бухгалтер, генерал, голландец, дачник, иностранец, католик, консерватор, меланхолик, разбойник, романтик, чиновник, южанин; типичная домохозяйка, ирландка, испанка, кондукторша, купчиха, мать, потребительница, француженка* и др. В целом на сочетания форм *типичный* и *типичная* с названиями лиц мужского и женского пола приходится более 50% всех примеров. См. об этом подробнее [21].

Чтобы выявить, в какой степени семантика типичности предполагает экспликацию внешне проявленных (перцептивных) признаков, мы на определенном этапе исследования проанализировали весь объем примеров с родовыми словоформами лексемы *типичный* в НКРЯ (на тот момент этот объем составлял 2297 документов, 2980 вхождений). Было установлено, что внешние приметы типичности в среднем отражаются в 47% сочетаний модели «*типичный (ая, ое) + имя существительное*». Это значит, что перцептивно (обычно зрительно) воспринимаемые признаки оказываются важными для типизации и получают вербальное выражение почти в половине случаев.

Приведем и прокомментируем примеры из Национального корпуса русского языка. Источники языкового материала обозначены в соответствии с их описанием в НКРЯ.

Начнем с контекстов, где лексема *типичный* сочетается с номинациями лиц. Фрагменты текста, содержащие перцептивно воспринимаемые признаки лица, здесь и далее выделены подчеркиванием. Ср.:

(1) «Это был **типичный** **завсегдатай** **пивной**: **красномордый**, **высоченный**, **с толстой шеей** и **победоносным брюхом**...» (Д. Рубина. Медная шкатулка).

(2) «На **фотографиях** **Мясникова**... **виден типичный рабочий**, **густо-брюнетистого южного типа**, **чуть-чуть... одутловатый**, **с жесткими усами** и **взглядом**, **с прямым носом**, **прямой линией сдвинутых суровых бровей**, **с тяжелым лбом** и **решительным подбородком**, **с презрительно и победно**, **прямо по-наполеоновски**, **сложенными на широкой груди руками**» (А. Макушинский. Город в долине).

(3) «**Джеймс МакЭвой**, сыгравший **Тома**, – **типичный англичанин того времени**, **очень похож на мистера Дарси**, **которого сыграл Колин Ферт**, **а потом еще и Мэтью Макфейден**» (коллективный. Форум: Джейн Остин, 2007–2011).

(4) «**Типичный стилиста** **остался в массовом сознании**... **одетым в укороченные, сильно зауженные к низу брюки-дудочки**, **ширина которых понизу равнялась 21–22 см**, **но некоторые особо стильные доводили ее до 18 см**) и **яркие рубашки**» (С. Рафикова. «По проспекту, словно манекен...» // Родина, 2010).

(5) «В данном случае она – **типичная старая спортсменка**...: **крупные зубы**, **выскакивающие в улыбке**, **мужские носогубные складки** **вокруг решительного рта**, **ровная линия мужской стрижки** **над широким огнеупорным лбом**, **мужское рукопожатие**...» (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын).

(6) «**Инбаль**, **типичная израильтянка средних лет**, **львица с вечной сигаретой в зубах**, **с мощами**, **обтянутыми рейтузами**, **какие прилично носить лишь в спортивном зале**, **с вечной чашкой кофе в руке** и **абсолютной пустотой в голове**, **любое знакомство с новым человеком начинала со скандального выяснения отношений**» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Как можно заметить, в примерах (1)–(6) характеристика «типичных представителей» той или иной категории сводится прежде всего к описанию таких внешних признаков, как:

– лицо и его детали (**красномордый**; **густо-брюнетистый южный тип**; **одутловатый**; **жесткие усы**, **прямой нос**, **сдвинутые суровые брови**, **тяжелый лоб**, **решительный подбородок**; **крупные зубы**, **мужские носогубные складки**; **решительный рот**, **ровная линия мужской стрижки**, **широкой огнеупорный лоб**);

– рост, общие особенности фигуры и телосложения (**высоченный**, **толстая шея**, **победоносное брюхо**, **широкая грудь**; **мощи**, **обтянутые рейтузами**);

– характерные жесты и позы (**по-наполеоновски сложенные на широкой груди руки**; **мужское рукопожатие**);

– предметы одежды (**укороченные, сильно зауженные к низу брюки-дудочки**, **яркие рубашки**; **рейтузы**, **какие прилично носить лишь в спортивном зале**);

– характерные вещи и атрибуты (**вечная сигарета** **в зубах**, **вечная чашка кофе** **в руке**).

Внешность может образно описываться и через сходство с другим, хорошо известным адресату человеком, персонажем или существом, отсылая адреса к опыту предшествующего восприятия и уже имеющимся знаниям о мире, ср.: **по-наполеоновски сложенные на груди руки**; **очень похож на мистера Дарси**, **которого сыграл Колин Ферт**, **а потом еще и Мэтью Макфейден** **в уже названном мной фильме**; **львица с вечной сигаретой в зубах**).

Реже среди примет типичности упоминаются особенности поведения, ср.: **любое знакомство с новым человеком начинала со скандального выяснения отношений**. Косвенным образом на особенности поведения указывают и некоторые языковые средства, использованные для характеристики внешности: **решительный лоб**; **решительный подбородок**; **по-**

бедоносное брюхо; победно и презрительно сложенные на груди руки; зубы, выскакивающие в улыбке; мужское рукопожатие.

В связи с этим находит свое подтверждение определение, которое дает образу человека С. В. Чернова: образ человека представляет собой «совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроцессуальных и процессуальных характеристик человека, стихийно формирующихся в сознании другого лица (лиц, группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти, воображения и получающих отражение в языковых формах» [23, с. 13].

В примерах (1)–(6), описывающих образ человека как «типичного представителя» какой-либо группы, представлены как непроцессуальные (внешний вид, одежда и атрибуты и др.), так и процессуальные (модель поведения) характеристики.

Как было отмечено ранее, образ неодушевленных предметов и животных строится по аналогии с образом человека, то есть в нем тоже могут быть выявлены непроцессуальные и процессуальные характеристики. В связи с этим ср., напр. [8; 9]. Далее обратимся к примерам сочетания лексемы *типичный* с неличными существительными. Ср.:

(7) «В результате определился **типичный пейзаж промышленных центров – множество тянущихся к небу труб, застилающих дымом солнечный свет**» (А. Круглов. Сфера разума // Зеркало мира, 2012).

(8) «В Разгузе его штабу отвели квартиру в помещении бывшей духовной академии. **Типичное здание, предназначенное не для жизни. Высоченные облупленные потолки, странные арки между секциями коридора, узкие комнаты, похожие на кельи**» (С. Ястребов. Лунная соната)

(9) «**Типичное английское имение** обычно состоит из двух- или трехэтажного основного дома, коттеджа для прислуги или домика для гостей, обширного сада, бассейна, теннисного корта, конюшни, места для выгула лошадей, гаража и прочих сооружений для спорта и отдыха» (Англия: покупка поместья – DIY guide (2004) // Мир & Дом. City, 15.06.2004).

В примерах (7)–(9) приведены описания того или иного места, пространства. В качестве доказательства того, что это пространство является в каком-то отношении «типичным», приводятся его внешние приметы: для типичного промышленного центра характерны тянущиеся к небу дымящие трубы; для типичного здания, не предназначенного для жизни, – высоченные потолки, странные арки, узкие комнаты; для типичного английского имения – наличие двухэтажного основного дома, дома для прислуги, домика для гостей, бассейна, теннисного корта, конюшни и т. д. Перечисление этих внешних примет пространства соотносительно с перечислением непроцессуальных характеристик образа человека (особенностей внешнего вида). Внешние приметы объекта воспринимаются зрительно, а значит, обладают свойством перцептивности.

Но если для человека, для пространства, вообще для любого материального объекта, имеющего форму и объем, естественно быть изображаемым через перечисление внешних примет, то может ли быть «перцептивным» описание «типичного отрезка времени» или «типичных идей» – того, что само по себе нельзя увидеть, услышать, потрогать? Языковой материал показывает, что может, хотя механизм описания образа «типичного объекта» в этом случае несколько сложнее. Перцептивность в таких случаях выражается неявно, имплицитно, опосредованно. Ср., напр.:

(10) «**Стояло типичное арктическое лето: температура колебалась около пяти градусов тепла, часто шел дождь, иногда перемежавшийся мокрым снегом, с ледника дул пронизывающий холодный ветер, временами достигавший ураганной силы; в тихую погоду с моря наползал туман, скрывая от глаз однообразные окрестности**» (В. Губарев, В. Котляков. Академик Владимир Котляков: «Когда от любви тают льды...» // Наука и жизнь, 2008).

Данный пример демонстрирует следующие перцептивные признаки «типичного арктического лета»:

- воспринимаемые зрительно (*туман скрывает от глаз окрестности* = ‘плохая видимость’, ‘белая или серая пелена вокруг’);
- воспринимаемые осязательно (*температура около пяти градусов тепла, снег, пронизывающий ветер с ледника* = ‘холодно’; *дождь, мокрый снег* = ‘мокро’; *пронизывающий ветер... ураганной силы* = ‘ощущается движение потока воздуха’);
- воспринимаемые на слух (*пронизывающий ветер, ураган, дождь* сопровождаются характерными звуками).

Далее рассмотрим примеры характеристики типичных «вербальных объектов», то есть тех или иных текстов, высказываний, суждений.

(11) *«Типичный текст, обращенный любящей женщиной к любимому мужчине: “Милый, давай уедем куда-нибудь на недельку, ну хоть на три дня, но чтобы никого вокруг, чтобы только я и ты, ты и я!”»* (А. Инин. Женщина и любовь).

(12) *«У каждой эпохи свой стиль, и недопустимо, чтобы в повести, относящейся, скажем, к тридцатым годам прошлого века, встречались такие **типичные слова декадентских девяностых годов**, как настроения, переживания, искания, сверхчеловек»* (К. Чуковский. Высокое искусство);

(13) *«Типичное сообщение выглядело так: сообщение о самом ДТП, затем рассуждение о том, как плохо водят шоферы маршруток и в каком они плохом состоянии, и затем вывод – это все из-за конструкции “Газелей”»* (А. Паршев. «Газель» как зеркало российской экономики // Однако, 2009).

(14) *«Увы, доклад есть, анализа нет. **Типичный канцелярский отчет: грантов роздано, фестивалей проведено, юбилеев отпраздновано**»* (А. Привалов. О благопотребном многоглаголании // «Эксперт», 2014).

В приведенных примерах, на первый взгляд, перцептивно воспринимаемых признаков нет, есть лишь перечисление некоторых компонентов содержания, фрагментов информации. Тем не менее мы понимаем, что данные признаки «типичного текста любящей женщины», «типичных слов декадентских годов», «типичного сообщения» или «типичного канцелярского отчета» закрепились в сознании говорящего из опыта неоднократного восприятия подобных текстов, слов, сообщений и отчетов, зрительного (при прочтении) или слухового (при заслушивании). Именно неоднократное зрительное или слуховое восприятие множества аналогичных вербальных объектов сформировали в сознании и опыте говорящего стереотипное представление о них.

В примерах (7)–(14) признаки «типичных» неодушевленных объектов строятся подобно тому, как в примерах (1)–(6) выделяются перцептивно воспринимаемые детали внешности и иные непроцессуальные характеристики при описании образа человека. Как деталями внешности человека могут быть «прямой нос», «решительный рот», «широкий лоб», так перцептивно воспринимаемыми приметами дома могут быть «высоченные потолки», «странные арки», «узкие комнаты»; приметами времени года – «температура около пяти градусов тепла», «дождь», «холодный ветер», «туман»; приметами текста – визуально или аудиально воспринимаемые в нем слова («настроения», «переживания», «искания», «сверхчеловек») и структурные части («сообщение», «рассуждение», «вывод») и т. д.

Однако чем абстрактнее объект характеристики, тем более опосредованно, непрямо выражаются у него «внешние признаки», тем больше шагов необходимо сделать, чтобы прийти до той «изначальной перцепции», с которой однажды началось абстрагирование. О том, что в основе всякого абстрактного представления, всякого «когнитивного примитива» и всякой метафоры лежат именно чувственные, «телесно обусловленные» восприятия, убедительно пишет George Lakoff [26].

В свете сказанного рассмотрим пример:

(15) *«“За деньги все позволено!” – вот типичная философия толстосумов. Звон стаканов, звук льющейся жидкости»* (Н. Богословский. Заметки на полях шляпы).

В данном случае автор высказывания пытается типизировать отвлеченное понятие *философия*, которое здесь означает «систему жизненных принципов, сложившихся убеждений» [19, с. 570]. Это отвлеченное понятие конкретизируется через уточнение субъекта данного типа философии (*философия толстосумов*) и передается через ряд перцептивно воспринимаемых характеристик, по которым говорящий предлагает идентифицировать «типичную философию толстосумов».

Одной из таких характеристик являются слова, в которых заключается суть данного типа философии. По мнению говорящего, любой «типичный толстосум» произносит или мог бы произнести фразу *«За деньги все позволено!»*. Это значит, что опыт предшествующего речевого общения с «толстосумами» дает говорящему основания приписывать им произнесение этой фразы: говорящий ранее неоднократно слышал подобные высказывания от «толстосумов», и накопившийся перцептивный опыт восприятия таких людей отражается на формировании образа их типичного представителя.

Далее в примере (15) приводятся такие перцептивные характеристики «типичных толстосумов», как *«звон стаканов, звук льющейся жидкости»*. Приводя эти аудиально воспринимаемые признаки, говорящий имеет в виду модель поведения «типичных толстосумов»: им

свойственно проводить время в ресторанах и произносить тосты за собственный успех. Прямо об этом не говорится, но носителю русской лингвокультуры по перечисленным признакам становится ясно, какая именно ситуация угадывается по перцептивным признакам «звон стаканов» и «звук льющейся жидкости», сопровождающим фразу «за деньги все позволено». Как отмечает Е. М. Мартынова со ссылкой на исследования Н. П. Головницкой [6], «еда и связанный с нею дискурс представляют собой знаковую систему, в которой сконцентрированы “культурный капитал”, национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые)» [15, с. 314].

В целом в примере (15) «типичная философия толстосумов» описывается через несколько перцептивных, аудиально воспринимаемых признаков, которые представляют узнаваемые характеристики стереотипного (по мнению говорящего) образа поведения данной категории лиц как носителей собственной философии.

Обратимся еще к одному примеру.

(16) «А вот **типичная логика либерала: ложь, подтасовка, истеричные вопли**» (коллективный. Форум: Православие и «Русский марш», 2012).

В приведенном примере представлена попытка типизации предельно абстрактного понятия – логики. Слово *логика* в данном случае употреблено в значении «ход рассуждений, умозаключений» [10, с. 443]. Несмотря на то что «ход рассуждений» является интериоризованным процессом, о нем можно судить по ряду внешних проявлений – по особенностям поведения субъекта-носителя данного типа логики. Такой субъект, по мысли говорящего, «лжет», «подтасовывает факты» и «истерично вопит». В соответствии с определением, которое дает образу человека С. В. Чернова, это не что иное, как его процессуальные характеристики, то есть, применительно к примеру (16), это характеристики модели поведения человека, обладающего «логикой либерала». Имеют ли перечисленные процессуальные признаки «типичной логики либерала» перцептивную природу? Мы полагаем, что имеют, хотя, как было отмечено выше, перцептивность может скрываться под несколькими «слоями» абстрагирования и метафоризации.

Наибольшая степень перцептивности в примере (16) свойственна такому признаку «типичной логики либерала», как *истеричные вопли*. Вопли можно слышать, истеричность поведения, сопровождающего эти вопли, можно наблюдать. Ср.: «Истерика – приступ истерии, а также вообще громкие рыдания с криками, воплями» [20, с. 309].

Признак *ложь* содержит сему 'перцептивное восприятие' уже в неявном виде. В Большом толковом словаре русских существительных [3] слово *ложь* включено в группу «Существительные, обозначающие поведение». Типовая семантика этой группы характеризуется следующим образом: «Поведение, поступок, образ жизни, обнаруживающие какие-либо характерные признаки, свойственные людям, проявляющиеся в отношении к другим людям, словам, жестах» [3, с. 720]. Ср.: «Ложь – поступки, действия, намеренно вводящие кого-либо в заблуждение, намеренное искажение истины» [3, с. 723]. Сказанное означает, что ложь обнаруживается по словам и действиям. Слова и действия подлежат чувственному восприятию (слуховому, зрительному).

Наиболее многоступенчатой будет эспликация «перцептивного начала» в семантике существительного *подтасовка*. Подтасовка – существительное, образованное от глагола *подтасовать/подтасовывать*. Данный глагол имеет два значения, прямое и переносное, ср.: «Подтасовать – 1. Тасуя, подобрать, уложить в каком-нибудь порядке с целью обмана. *Подтасовать карты в колоде*. 2. *перен.* Извратить, односторонне принимая во внимание выгодные данные и отбрасывая противоречащие. *Подтасовать факты*» [20, с. 676]. Очевидно, что переносное метафорическое значение 'извратить' развивается с опорой на двигательную схему физического действия 'перевернуть', то есть 'изменить расположение предмета по вертикальной или горизонтальной оси на противоположное', 'повернуть противоположной стороной'.

Двигательные схемы физических действий обладают свойством перцептивности и относятся к так называемым «когнитивным примитивам». Вот как пишет о когнитивных примитивах Джордж Лакофф: «They structure visual perception, motor action, and mental images, and they are used in the semantics of natural language. The spatial relation cogs include structures like Source-Path-Goal, Containment (with Interiors, Exteriors, and Boundaries), Contact-Noncontact, Near-Far, Around, Along, Across, In Front Of, Behind, Beside, At, Toward, and so on <...> What is remarkable is that the same neural circuitry used to run our bodies physically also structures our rea-

soning processes about all events and actions, not just physical ones, but abstract actions and events as well, such as abstract discourse about international economics <...> Via the embodiment of cognitive primitives and primary metaphors abstract (that is, nonphysical) concepts become embodied» [26, p. 775–776, 778]. Дадим свой перевод приведенной цитаты: «Они структурируют зрительное восприятие, двигательную активность и ментальные образы и используются в семантике естественного языка. Пространственно ориентированные когнитивные примитивы включают в себя такие структуры, как “источник–путь–цель”, “содержимое” (включая “находящееся внутри”, “находящееся снаружи” и “границы”), “контакт–отсутствие контакта”, “ближний–дальний”, “вокруг”, “вдоль”, “поперек”, “спереди”, “сзади”, “около”, “по направлению к” и т. д. <...> Примечательно, что та же нейронная схема, которая используется для физического управления нашими телами, также структурирует наши процессы мышления относительно всех событий и действий, не только физических, но и абстрактных, таких как абстрактный дискурс о международной экономике <...> Через воплощение когнитивных примитивов и первичных метафор воплощаются абстрактные (то есть нефизические) понятия».

В целом метафорическое значение слова *подтасовка* развивается по следующему пути: физическое действие по изменению положения объекта в пространстве на противоположное → когнитивный примитив, отражающий схему данного физического действия, → перенос данного когнитивного примитива с физического объекта на абстрактный → формирование у глагола ‘перевернуть’ переносного значения ‘извратить’ → распространение переносного значения на другие синонимичные глаголы, в том числе на глагол *подтасовать*, → включение переносного значения ‘извратить’ в семантику производного абстрактного существительного *подтасовка*. Из сказанного следует, что для выявления в существительном *подтасовка* его изначально перцептивной природы нужно пройти описанный путь в обратном направлении: от переносного метафорического значения ‘извращение фактов’ – к физическому, перцептивно воспринимаемому действию ‘изменение положения объектов в пространстве на противоположное’.

Таким образом, мы показали, что перечисленные в примере (16) «*ложь, подтасовка, истеричные вопли*» как признаки «типичной логики либерала» имеют перцептивную природу и могут рассматриваться как процессуальные характеристики образа человека-носителя «типичной логики либерала».

Подведем итоги. Перцептивно (прежде всего зрительно) воспринимаемые признаки тех или иных объектов играют важную роль в формировании семантики типичности. Перцептивно воспринимаемые признаки обычно с большей или меньшей степенью подробности перечисляются в контексте. Благодаря этому создается языковой образ некоторого «типичного объекта», чаще всего – человека. Образ человека как «типичного представителя» какой-либо группы выстраивается как совокупность его непроцессуальных и процессуальных характеристик. Образ иного предмета или абстрактного понятия выстраивается по аналогии с образом человека. Перцептивная природа образа абстрактного объекта обычно скрыта под несколькими слоями переносных смыслов, однако она может быть выявлена через последовательность шагов, ведущих от «метафорической оболочки» к определенному когнитивному примитиву, основанному на схеме того или иного перцептивного действия.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка (попытка системного описания) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Арутюнова Н. Д. Образ // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 314–324.
3. Большой толковый словарь русских существительных / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
4. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
5. Гейвин Х. Когнитивная психология. СПб. : Питер, 2003. 272 с.
6. Головницкая Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 23 с.
7. Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Самар. ун-т, 1998. С. 6.
8. Калинина Л. В. Языковые средства создания образа животного в рассказе Юрия Казакова «Арктур – гончий пес» // Семантика языковых единиц в разных типах речи : сб. ст. междунар. науч. конф. / под науч. ред. Е. Н. Лагузовой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 41–49.

9. Калинина Л. В. «Неуловимый образ» в аспекте когнитивной интерпретации (на примере образа вина в речи Леонида Парфенова) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 128–138. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-128-138.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2005. 944 с.
11. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 144–238.
12. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
14. Логический словарь: ДЕФОРТ / под ред. А. А. Ивина, В. Н. Переверзева, В. В. Петрова. М. : Мысль, 1994. 268 с.
15. Мартынова Е. М. Невербальный аспект аномальной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2016. 407 с.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.04.2018).
17. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М. : Педагогика-Пресс, 1997. 440 с.
18. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
19. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М. : Астрель, АСТ, 2003. 1582 с.
20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
21. Трушков М. А. Семантика типичности и основные средства ее выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2018. 217 с.
22. Халикова Н. В. Категория образности художественного прозаического текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 43 с.
23. Чернова С. В. Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема : материалы междунар. конф. 5–7 окт. 2011 г. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 9–24.
24. Чернова С. В. Семантика слова образ в русском языке // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах. Вып. 12. Ч. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 187–196.
25. Чернова С. В., Калинина Л. В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2010. № 2(2). С. 8–14.
26. Lakoff, George Explaining Embodied Cognition Results // Topics in Cognitive Science. 2012. № 4. Pp. 773–785. DOI: 10.1111/j.1756-8765.2012.01222.x.

Perceptual image of a “typical object” and language means of its creation

L. V. Kalinina¹, M. A. Trushkov²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Russian language, speech culture and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov.

ORCID: 0000-0003-2271-3995. E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

²lecturer of the Department of Russian language, speech culture and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: Yoga-kirov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of linguistic means reflecting the interaction of the semantics of typicality with the conceptual category of perceptivity. The relevance of the study of the interaction of semantic areas of typicality and perceptivity due to the fact that it is "typical objects" are the basis of the formation in the consciousness of the classification categories. In this regard, it is necessary to characterize those linguistic means in which perceptively perceived signs of "typical objects" find their verbal expression. In this paper, using the methods of structural, functional and cognitive linguistics on the material of the National corpus of the Russian language, the peculiarities of semantics and functioning of the lexeme typical in speech are analyzed and the intersections of the semantics of typicality with the semantic category of perceptivity are shown.

The study showed that perceptively (primarily visually) perceived signs of certain objects play an important role in the formation of the semantics of typicality. Perceptual perceived signs usually with greater or lesser degrees of detail are listed in the context. This creates a linguistic image of some "typical object", most often – a person. The image of a person as a "typical representative" of any group is built as a set of his non-procedural (qualitative) and procedural (reflecting the model of behavior) characteristics. The image of another

object or abstract concept is built by analogy with the image of a person. The perceptual nature of the image of an abstract object is usually hidden under several levels of figurative meanings, but it can be explicated through a sequence of steps leading from the "metaphorical shell" to a certain cognitive primitive based on the scheme of a perceptual action.

Keywords: cognitive linguistics, semantics of typicality, perceptivity, linguistics of an image, linguistic means of creating an image.

References

1. Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka (popytka sistemnogo opisaniya)* [Image of a person according to the language (attempt of system description)] // *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics*. 1995, No. 1, pp. 37–67.
2. Arutyunova N. D. *Obraz* [Image] // *Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. M. Languages of Russian culture. 1999. Pp. 314–324.
3. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushhestvitel'nyh* – Large explanatory dictionary of Russian nouns / ed. prof. L. G. Babenko. M. AST-PRESS kniga. 2005. 864 p.
4. Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushhestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. M. New literary review. 1996. 352 p.
5. Gavin H. *Kognitivnaya psihologiya* [Cognitive psychology]. SPb. Piter. 2003. 272 p.
6. Golovnickaya N. P. *Lingvokul'turnye karakteristiki nemeckoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural characteristics of the German gastronomic discourse. dis. ... PhD of philol. sciences]. Volgograd. 2007. 23 p.
7. Ilyuhina N. A. *Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte* [Manner in lexical-semantic aspect]. Samara. Samar. Un-ty. 1998. P. 6.
8. Kalinina L. V. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza zhitovnogo v rasskaze Yuriya Kazakova «Arktur – gonchij pes»* [Linguistic means of creating an image of an animal in the story of Yuri Kazakov "Arcturus – the hound dog"] // *Semantika yazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi : sb. st. mezhdunar. nauch. konf. – Semantics of language units in different types of speech: coll. art. of intern. scient. conf. / under scient. ed. by E. N. Laguzova*. Yaroslavl. RIO YaSPU. 2019. Pp. 41–49.
9. Kalinina L. V. «*Neulovimyj obraz*» v aspekte kognitivnoj interpretacii (na primere obraza vina v rechi Leonida Parfenova) ["The elusive image," in the cognitive aspect of interpreting (for example, the image of wine in the speech by Leonid Parfenov)] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*. 2019, No. 2, pp. 128–138. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-128-138.
10. Krysin L. P. *Tolkovyj slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. M. Eksmo. 2005. 944 p.
11. Kubryakova E. S. *Evoljuciya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza)* [Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (the experience of paradigmatic analysis)] // *Yazyk i nauka konca XX veka – Language and science of the late twentieth century / ed. by Yu. S. Stepanov*. M. Russian State University of Humanities. 1995. Pp. 144–238.
12. Lakoff George. *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: What categories of language tell us about thinking]. M. "Languages of Slavic culture". 2004. 792 p.
13. Lakoff George., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. M. LKI Publishing house. 2008. 256 p.
14. *Logicheskij slovar': DEFORT – Logical vocabulary: DEFORT / edited by A. A. Ivin, V. N. Pereverzev, V. V. Petrov, M. Mysl'*. 1994. 268 p.
15. Martynova E. M. *Neverbal'nyj aspekt anomal'noj kommunikacii : dis. ... d-ra filol. nauk* [Non-verbal aspect of abnormal communication: dis. ... Dr of philol. sciences]. Orel. 2016. 407 p.
16. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* – National corpus of Russian language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (date accessed: 03.04.2018).
17. *Psihologicheskij slovar'* – Psychological dictionary / under the editorship of V. P. Zinchenko, B. G. Meshcheriakova. M. Pedagogy-Press. 1997. 440 p.
18. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Osnovy psihologicheskoy antropologii. Psihologiya cheloveka. Vvedenie v psihologiyu sub"ektivnosti* [Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology. Introduction to the psychology of subjectivity]. M. Shkola-Press. 1995. 384 p.
19. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* – Explanatory dictionary of the Russian language / ed. D. V. Dmitriev. M. Astrel, AST. 2003. 1582 p.
20. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proishozhdenii slov* – Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words / resp. ed. N. Yu. Shvedova. M. Azbukovnik. 2008. 1175 p.
21. Trushkov M. A. *Semantika tipichnosti i osnovnye sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of the typicality and basic means of expression in modern Russian language: dis. ... PhD of philol. sciences]. Kirov. 2018. 217 p.

22. Halikova N. V. *Kategoriya obraznosti hudozhestvennogo prozaicheskogo teksta : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. [Category of imagery artistic prose text: abstract. dis. ... Dr of philol. sciences]. M. 2004. 43 p.
23. Chernov S. V. [Image of man: the interpretation of the term, the sources for the study, the multiplicity of interpretations, linguistic analysis] // Interpretation of the image of man as a linguistic problem: proceedings of the international. Conf. 5-7 Oct. 2011 Kirov. VyatHSU Publishing house. 2011. Pp. 9–24.
24. Chernova S. V. *Obraz cheloveka: tolkovanie termina, istochniki dlya izucheniya, mnozhestvennost' interpretacij, lingvisticheskij analiz* [Semantics of the word image in Russian] // *Yazyk. Tekst. Diskurs: nauchnyj al'manah* – Language. Text. Discourse: scientific almanac. Issue 12. Part II. Stavropol. Publishing house of SCFU. 2014. Pp. 187–196.
25. Chernova S. V., Kalinina L. V. *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema* [Interpretation of the human image as a linguistic problem] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanitarian University. Kirov. 2010, № 2(2), pp. 8–14.
26. Lakoff, George Explaining Embodied Cognition Results // *Topics in Cognitive Science*. 2012. № 4. Pp. 773–785. DOI: 10.1111/j.1756-8765.2012.01222.x.

Мифопоэтика снега в лирике Бориса Пастернака

А. Г. Маслова¹, А. С. Фалеева²

¹доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr10021@vyatsu.ru

²студент 3 курса бакалавриата факультета филологии и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров

Аннотация. В статье исследуются особенности функционирования образа снега в лирике Б. Л. Пастернака. Снег рассматривается как концептуальный мифопоэтический образ, отражающий авторское мировосприятие. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена вниманием литературоведческой науки к исследованию сквозных мотивов творчества Б. Л. Пастернака и выдвинувшимися на первый план в современной гуманитарной науке этическими вопросами, связанными с поисками духовных аспектов взаимодействия человека и природы. В ходе исследования выявляется эстетическое и смысловое содержание образов вьюги, метели, пурги, бурана, снежных хлопьев, проводится детальный анализ зимних стихотворений Пастернака. Особое внимание уделено зимнему циклу из пяти стихотворений сборника «Когда разгуляется». Пастернак – поэт мифологического мышления, в его художественном мире мифопоэтический образ снега связан с такими особенностями, как стирание границ между внешним и внутренним, между субъектом и объектом, неупорядоченность и динамичность, многопредметность и всеобщая связанность. Образ снега у Пастернака выражает мысль о всеобщей взаимосвязанности явлений природы и человеческой жизни, передает идею антропоморфности природы, ее изменчивости и амбивалентности. Поэт наиболее полно раскрыл образ снега в трех аспектах: как основной элемент русского пейзажа, как символ творчества, как символ цикличного времени, несущего постоянное обновление. В образе снега нашло отражение многообразие чувств лирического героя и явлений окружающей действительности. Авторы статьи приходят к выводу, что снег в лирике Пастернака символизирует жизнь во всех ее проявлениях.

Ключевые слова: русская поэзия XX века, мифомышление, авторское сознание, образ-архетип, русский национальный пейзаж, философская лирика.

Борис Леонидович Пастернак – поэт мифологического мышления. Мифологичность определяется такими особенностями его художественного мира, как стирание границ между внешним и внутренним, между субъектом и объектом, насыщение пространства антропоцентрическими элементами, неупорядоченность и динамичность, многопредметность и всеобщая связанность (см.: [2, с. 41; 4, с. 713; 6, с. 8–9; 8, с. 29; 11, с. 273, 329]). В мифологическом мышлении «природные свойства и связи конструируются по аналогии с действующими лицами, ролями и отношениями. И наоборот – человек, родовые связи описываются в образах природы» [3, с. 333]. Среди многочисленных природных образов, встречающихся в лирике Б. Л. Пастернака, снег занимает одно из ведущих мест, обретая статус мифопоэтического символа, отражающего авторское мировосприятие.

В одном из ранних произведений Б. Л. Пастернак написал: «На свете нет тоски такой, которой снег бы не вылечивал...» [9, т. 1, с. 181]. Снег, сыплющийся на землю, подчеркивает неразрывную связь земли и неба, воспринимается как нисхождение небесной благодати и вызывает восторг в душе лирического героя, чувствующего слияние всего со всем, переживающего гармоничное событие природного мира и человека.

В статье исследуется проблема осмысления концептуального для Пастернака поэтического образа снега, отражающего авторское мировосприятие. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена как неугасающим вниманием литературоведческой науки к исследованию сквозных мотивов творчества Б. Л. Пастернака, так и выдвинувшимися на первый план в современной гуманитарной науке этическими вопросами, связанными с поисками духовных аспектов взаимодействия человека и природы.

Многие написанные Пастернаком стихотворения связаны с зимней природой, которая нередко воспринимается лирическим героем как чудо. Во многом Пастернак следует сложившейся в русской поэзии традиции. М. Н. Эпштейн в книге «Природа, мир, тайник вселенной...»

отметил, что «ни в одной другой поэзии мира образ зимы не явлен так многогранно, так многосмысленно» [12, с. 169], как в русской.

В творчестве Б. Л. Пастернака зимние пейзажи могут выражать различные смыслы: это источник вдохновения, исцеления или символ революции и бунта. Нередко образ зимы, предстающей в различных проявлениях, отражает смену внутренних состояний лирического героя. Особенную роль здесь играет символический образ снега, мифологически связанный с менталитетом русского человека, его культурой и историей.

Ведущей функцией образа снега становится передача разнообразных чувств лирического героя. Так, в стихотворении «Зимняя ночь» из цикла «Начальная пора» лирический герой, рассуждая о прошедшем дне, наблюдает из окна барского дома за тем, что происходит на улице. С помощью выразительных метафор «булки фонарей и пышки крыш», «крещенское покрывало» [9, т. 1, с. 71] Б. Л. Пастернак передает спокойствие природы, гармонизирующее с задумчивым настроением лирического героя. Однако уже в конце третьего четверостишия повелительное обращение к памяти, риторические вопросы указывают на возникновение напряженности в сознании человека, а образы «снеговых развилин», «голых, черных льдин» в последней строфе передают мистический смысл личной драмы героя.

В произведении «Двор» [9, т. 1, с. 74] перед нами предстает картина первых заморозков, инея, покрывающего деревья и здания. Стихотворение начинается с восклицательного односоставного предложения, фиксирующего впечатление лирического героя от увиденного: природа в образе художника мгновенно преобразила знакомое ему место. Такая форма помогает автору передать чувство восхищения природными явлениями, красота и загадочность которых приговаривают зрителя на «недоед, недосып, недобор...». С одной стороны, автором описано упоение чудом мгновения, а с другой – жуткий момент, когда всего ярче ощущается присутствие «того» мира, и несет весть «оттуда» сильнейший снежный вихрь, «что, как кучер, облеплен» (см. об этом: [6, с. 47]).

В стихотворении «Весна» [9, т. 1, с. 92] о последнем снеге автор пишет: «*трупья* снега на счету». Этимологически в этом слове выделяется корень -труп-, ассоциирующийся со смертью разложением. В поэтическом восприятии Б. Л. Пастернака стереотип о зиме как времени омертвления рассеивается. При циклической смене каждого времени года что-то отмирает, а что-то оживает. В этом проявляется идея «вечного возвращения»: весна становится временем «смерти» снега, а из жуткого бурлящего хаоса октября впоследствии может родиться жизнь. Именно духовное обновление, «вечное возвращение» очень важно в художественном мире Б. Л. Пастернака. Чаще всего оно происходит вместе со сменой времени года, параллельно с обновлением природы, которая в произведениях поэта является не просто фоном, а героем, выражающим собственные переживания и желания. В стихотворении «Рассвет» [9, т. 4, с. 540] герой сливается с природой, отождествляя себя со снегом: «Я таю сам, как тает снег». Передается зимнее ощущение чистоты и растворения в мире.

В стихах Пастернака мы видим часто большое количество снега, и это состояние природы характеризуется либо состоянием природы («снег все гуще», «снегопад», «мело во все пределы»), либо количеством выпавшего снега («до колен ему снег доходил», «крыши, снег и, кроме крыш и снега, никого», «яблоня в сугробе», «город в снежной пелене», «целый мир, целый город в снегу», «все снег да снег»), либо временными промежутками («сутки сплошь грешившей пурги», «буран не месяц будет мечь»). А если снега нет совсем, поэт использует слово «бесснежье» (в стихотворении «Дурной сон» [9, т. 1, с. 75]) и, таким образом, не «отходит» от зимних мотивов.

Чаще всего снег в поэзии Пастернака предстает в образе какого-либо зимнего явления: бурана, падающих хлопьев, льда, инея, метели или вьюги.

Образ вьюги фигурирует в каждом лирическом цикле и обычно является выражением чего-то опасного. Обращаясь к воображаемому собеседнику, Пастернак часто использует глаголы в повелительном наклонении, показывая тем самым, как человек должен относиться к стихийным, неуправляемым природным явлениям: «огородитесь от вьюги в стихах шубой», «прислушайся к вьюге», «сунь руку в крутящийся щебень метели». Вьюга в разных произведениях становится то символом бесстрашия: «куда ни одна нога не ступала... ворожеи да вьюги ступала нога» [10, т. 1, с. 86], «вьюга дымится, как факел над нечистью» [9, т. 1, с. 87], то отражением революционных настроений. В стихотворении «Кремль в буран 1918 года» [9, т. 1, с. 179] «хохочущая вьюга» символизирует нарочного, пришедшего за лирическим героем. А в произведении «Мне в сумерки ты все – пансионеркою...» [9, т. 1, с. 398] «жизнь пунцовой вью-

гой хлестала», символизируя вечное движение времени и событий. Е. С. Роговер подчеркивает, что тот, кто живет «в России, продуваемой вьюгой, неизбежно обращается к ее поэтическому образу» [10, с. 434]. Лирический герой Пастернака «привыкает» к вьюге, как к чему-то жизненному, обычному. Отождествляются выражения «остаток вьюг» и «остаток лет». Вьюга, по мнению Пастернака, – неизбежное, «многогоднее» природное явление, символ постоянных внутренних волнений и потрясений человека.

Важен в поэтическом творчестве Б. Л. Пастернака и образ метели. К. А. Нагина в статье «Траектории метельного текста» также говорит об оттенках «традиционной для русской литературы семантики метели-судьбы и метели-страсти»: «Расцвет этой коннотации метели приходится на первые десятилетия двадцатого века и связан с творчеством А. Белого, А. Блока, Б. Пастернака» [7, с. 31]. Действительно, стихия метели выражает в рассматриваемых нами стихотворениях образ яркий, страстный, зловеющий. Поэт называет метель «лютейшей из лютен», «крутящей», налетающей «с остервененьем». Особенно интересно раскрыт образ пурги как разновидности метели. Автор именует ее «заговорщицей», «грешницей», причиной опоздания поездов. Величие пурги сравнивается с величием океана: «Пурга, как океан / В величьи, – тихой называется» [9, т. 1, с. 177].

Буран – известный образ зимней природы из произведения «Капитанская дочка». Слово «буран» – одно из двух диалектных слов, использованных в данном тексте Пушкиным. В поэзии XIX века диалектизмы употреблялись очень редко. В XX веке Б. Л. Пастернак, как пишет В. С. Баевский, «расширил словарь» [1, с. 17], поэтому в его стихах наряду с общеупотребительными словами есть место неологизмам, устаревшим и региональным словам. Буран – опасное для человека природное явление, в романе А. С. Пушкина ямщик прямо говорит, что буран – это беда. Но в лирике Б. Л. Пастернака буран изображается как что-то необходимое, сливающееся с жизнью, обычное. Это подтверждают строки: «я люблю перед бураном примирившие дворы», «буран нависал с полудня вестью полярных стран, небу под снег хотелось». И если буран все-таки настаёт, для лирического героя это нестрашное явление, которое можно преодолеть: «Буран не месяц будет мечь, / Концы, начала заметет. / Внезапно вспомню: солнце есть; / Увижу: свет давно не тот. / Галчонком глянет Рождество, / И разгулявшийся денек...» [9, т. 1, с. 115]. В данных строках «создается метафора “Рождество-солнце”, которое в каком-то смысле преодолевает буран» [5, с. 97].

В стихотворении «До всего этого была зима» [9, т. 1, с. 121] описывается октябрьская стужа – время, когда снег становится все гуще, с улицы он попадает в магазин, его роют, бьют, он сыплется с копыт лошадей. Автор сравнивает снег с кокаином, «выводящим боль», накопленную за время «бесснежья». Снег здесь представляется как символ облегчения страданий, лекарство от депрессии.

Важной характеристикой снега становится мифопоэтический образ «хлопьев». Пастернак часто называет падающие снежинки «хлопьями». Образ хлопьев всегда несет положительный смысл. В произведении «Баллада» лирический герой на вопрос, кто он, отвечает: «Я черная точка дурного в валяющихся хлопьях хорошего» [9, т. 1, с. 100]. Хлопья – символ встречи и любви. В первых строфах стихотворения «Никого не будет в доме» белые мокрые комья, снег на крыше в пустом пространстве символизируют одиночество и уныние. Но с приходом возлюбленной героя снежная стихия приобретает иное значение. Описывая наряд преобразившей пространство героини, Пастернак отмечает, что он белоснежный, сотканный «из тех материй, из которых хлопья шьют» [9, т. 2, с. 74], тем самым подчеркивая чистоту чувств и бескорыстность возлюбленной. Хлопья снега в итоге становятся символом естественности ворвавшегося в дом счастья и светлой «будущности».

В стихотворении «Зимняя ночь» [9, т. 4, с. 533] К. А. Нагина отмечает символичность образов снежинок, устремляющихся к окну, за которым присутствует любовь, противостоящая нападкам темных сил: «Хлопья снега ударяют в оконное стекло. А из комнаты находящимся в ней они видятся кружками и стрелами. Кружки и стрелы с древнейших времен схематически обозначали женское и мужское начало» [7, с. 80]. Природная стихия здесь является олицетворением судьбы, предназначенной влюбленным.

В стихотворении «Рождественская звезда» [9, т. 4, с. 537] зимнее «поле в снегу и погост» создают ощущение земной чистоты. Сверкание снега, его белизна придают пейзажу таинственность: «морозная ночь походила на сказку». Важную роль здесь играет образ следов, вносящий еще большую загадочность. Ангелы бестелесны, невидимы, но они оставляют следы, которые могут быть отчетливо видны в поле только зимой. Самой значимой деталью,

связанной с образом снега в стихотворении «Рождественская звезда», является навьюженная снежная гряда. У пастухов создается ощущение, что из этой невероятной стихии все время незримо кто-то появляется, рождается. Снег на земле, таким образом, подобно звезде на небе, символизирует божественное рождение.

Часто зимние темы в лирике Пастернака рождают «не зимние» метафоры, и, наоборот, явления, происходящие в другое время года, напоминают поэту о зимней природе и о снеге. Например, в произведении «Мельницы» со снегом сравнивается тополиный пух. Аналогично в седьмом стихотворении из цикла «Разрыв» «жаркий» пух гагар напоминает лирическому герою валящийся снег. В «Балладе» (1930 г.) белые цветы матиол в полночи вызывают у поэта ассоциацию с метелью, а в стихотворении «Наша гроза» возникает метафора «снег жасмина». Все это – свидетельство особого, творческого отношения поэта к снегу.

В стихотворении «После перерыва» [9, т. 2, с. 176] из позднего цикла «Когда разгуляется» поэт сообщает о своем намерении обратиться к зимней тематике и обогатить ею сборник. Зима представляется нам музой поэта. Она шепчет, предупреждает его: «Спешите!» Это говорит о том, что наибольшая гармония с окружающим миром достигаются именно зимой, когда мысли и настроения синхронизируются со снежной стихией.

Именно это вдохновенное настроение явилось стимулом к созданию маленького зимнего цикла («Первый снег», «Снег идет», «Следы на снегу», «После вьюги», «Вакханалия» [9, т. 2, с. 177–187]). Стихотворение Б. Л. Пастернака «Следы на снегу» [9, т. 2, с. 179] целиком посвящено образу, который получил развитие еще в «Рождественской звезде». Но если в цикле «Стихотворений Юрия Живаго» следы на снегу был свидетельством сошествия ангелов на землю, то здесь следы дают лирическому герою повод для размышления о чужих судьбах, о людях и событиях, с которыми связаны следы на снегу. Герой предполагает, что это могут быть следы девушек, ребенка и мамки, лыж, саней. Здесь отсутствуют сверхъестественные, волшебные смыслы, но возникает глубинный подтекст: следы на снегу – это память природы о соприкосновении с повседневной жизнью человека. Природа у Пастернака нередко оказывается субъектом, наблюдающим за человеком, поэтому она, как книга, может сохранить память о человеке, с которым она соприкоснулась.

В стихотворении «Первый снег» снег «скрывает» человеческие грехи, поэтому и сам становится «утайщиком нераскаянным». В стихотворении «Снег идет» лирический герой воспринимает московский снегопад как волшебный полет в бездну пространства, это время, когда «сходит наземь небосвод», однако использованная поэтом бытовая деталь – «в заплатанном салопе» – снимает напряжение, придает грандиозному событию будничное звучание. По замечанию Е. С. Роговера, для лирики Пастернака характерно «причудливое соседство гиперболических и интимно-домашних образов» [10, с. 416]. Именно облачение неба в «заплатанный салоп», мотивы дома и уюта в четвертой строфе: «крадучись, играя в прятки, сходит небо с чердака», передают удивление и вдохновенность поэта.

Темой данного стихотворения является не только созерцание зимнего пейзажа, но и вечное движение времени – «жизнь не ждет», время, неподвластное человеку, идет то так же быстро, как падают снежинки, то так же медленно, «с ленью». В сознании Пастернака ритм падения снега отличается музыкальностью и сливается с ритмом лирического произведения. Снег идет теми же «стопами», что и время, но здесь и, кроме течения времени, возникает и другой подтекст. В многозначном слове «стопа» происходит контаминация мотива шагов и поступи времени, измеряемого секундами и минутами, с мотивом стихотворного ритма (стопа – ритмическая единица стиха). Таким образом, снегопад становится иллюстрацией того, как создается поэзия.

Иногда философское содержание образа снега достигает такой высоты, что лирический герой задается вопросом: «А снег ли то по существу?» [9, т. 2, с. 59]. Для Б. Л. Пастернака было характерным стремление доискиваться до сути вещей и явлений, обретающих смысл только в их взаимосвязанности.

Поэт наиболее полно раскрыл образ снега в нескольких аспектах: как основной элемент русского пейзажа, как символ творчества и как символ переходных моментов истории, циклического времени, несущего постоянное обновление. В образе снега нашло отражение многообразие чувств лирического героя и явлений окружающей действительности. Образ снега, на котором остаются следы, подчеркивает способность природы сохранять память о соприкосновении с ангелами или человеком, что актуализирует идею бессмертия, взаимодействия Божественного начала и земного мира. Снег как мифопоэтический образ, соотносящийся с

идеей брачного союза неба и земли, выражает мысль о всеобщей взаимосвязанности явлений природы и человеческой жизни, передает идею антропоморфности природы, ее изменчивости и амбивалентности. Снег в лирике Б. Л. Пастернака символизирует жизнь во всех ее проявлениях, так как и сама снежная стихия может предстать в различных формах: от колющих льдинок, подчеркивающих холод и враждебность, и разрушающего бурана, символизирующего стихию, не поддающуюся смирению, до мягких целительных хлопьев, создающих атмосферу уюта, любви, небесной защиты.

Список литературы

1. Баевский В. С. Пастернак. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М. : Изд-во МГУ, 1997. 112 с.
2. Гинзбург Л. Я. О раннем Пастернаке // Мир Пастернака. М. : Сов. художник, 1989. С. 41–45.
3. Кузнецов В. Г. Словарь философских терминов. М. : ИНФРА-М, 2013. 730 с.
4. Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака. Некоторые вопросы структурного изучения текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб : Искусство-СПБ, 1996. С. 688–717.
5. «Любовь пространства...» Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака / отв. ред. В. В. Абашев. М. : Языки славянской культуры, 2008. 424 с.
6. Маслова А. Г. Аспекты анализа хронотопа лирического произведения (на примере поэзии Б. Л. Пастернака) : учеб. пособие к спецкурсу. Киров : Изд-во ВятГУ, 2006. 132 с.
7. Нагина К. А. Траектории «метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 1-1. С. 31–40.
8. Озеров Л. А. О Борисе Пастернаке. М. : Знание, 1990. 62 с.
9. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. М. : Слово, 2003–2005.
10. Роговер Е. С. Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) // Русская литература XX века : учебное пособие для пед. вузов. СПб; М., 2011. С. 402–440.
11. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М. : Наука, 1983. С. 227–285.
12. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк., 1990. 303 с.

Myth-poetics of snow in the poetry of Boris Pasternak

A. G. Maslova¹, A. S. Faleeva²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr10021@vyatsu.ru

²student of the 3rd year, faculty of philology and media communications, Vyatka State University. Russia, Kirov

Abstract. The article examines the peculiarities of the image of snow in the lyrics of B. L. Pasternak. Snow is considered as a conceptual myth-poetic image reflecting the author's perception of the world. The relevance of the appeal to this problem is due to the attention of literary science to the study of cross-cutting motives of B. L. Pasternak's creativity and ethical issues that have come to the fore in modern humanitarian science, related to the search for spiritual aspects of the interaction of man and nature. The study reveals the aesthetic and semantic content of images of whitewind, blizzards, snowstorms, snowflakes, a detailed analysis of winter poems Pasternak. Particular attention is paid to the winter cycle of five poems of the collection "When it roams". Pasternak is a poet of mythological thinking. In his artistic world, the myth-poetic image of snow is associated with such features as blurring the boundaries between external and internal, between subject and object, disorder and dynamism, multi-objectivity and universal connectivity. The image of snow in Pasternak poems expresses the idea of universal interconnection of the phenomena of nature and human life, conveys the idea of anthropomorphism of nature, its variability and ambivalence. The poet most fully revealed the image of snow in three aspects: as the main element of the Russian landscape, as a symbol of creativity, as a symbol of cyclical time, carrying constant renewal. The image of snow reflected the variety of feelings of the lyrical hero and the phenomena of reality. The authors come to the conclusion that the snow in the lyrics of Pasternak symbolizes life in all its manifestations.

Keywords: Russian poetry of the XX century, myth-thinking, author's consciousness, image-archetype, Russian national landscape, philosophical lyrics.

References

1. Baevskij V. S. *Pasternak. V pomoshh' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam* [Pasternak. To help teachers, high school students and applicants]. M. Moscow State University Publ. 1997. 112 p.
2. Ginzburg L. Ya. *O rannem Pasternake* [On early Pasternak] // *Mir Pasternaka – The world of Pasternak*. M. Sov. artist. 1989. Pp. 41–45.
3. Kuznecov V. G. *Slovar' filosofskih terminov* [Dictionary of philosophical terms]. M. INFRA-M. 2013. 730 p.
4. Lotman Yu. M. *Stihotvoreniya rannego Pasternaka. Nekotorye voprosy strukturnogo izucheniya teksta* [Poems of early Pasternak. Some questions of structural study of the text] // *Lotman Yu. M. O poetah i poezii: analiz poeticheskogo teksta. Stat'i i issledovaniya. Zametki. Recenzii. Vystupleniya* [About poets and poetry: analysis of poetic text. Articles and research. Notes. Reviews. Performances]. St. Petersburg. Iskusstvo-St. Peterburg. 1996. Pp. 688–717.
5. «Lyubov' prostranstva...» *Poetika mesta v tvorchestve Borisa Pasternaka – "Love of space..." Poetics of place in the works of Boris Pasternak / resp. ed. V. V. Abashev. M. Languages of Slavic culture. 2008. 424 p.*
6. Maslova A. G. *Aspekty analiza hronotopa liricheskogo proizvedeniya (na primere poezii B. L. Pasternaka) : ucheb. posobie k speckursu* [Aspects of the analysis of the chronotope of a lyrical work (by the example of B. L. Pasternak's poetry): tutorial on the special course. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2006. 132 p.
7. Nagina K. A. *Traektorii «metel'nogo» teksta (tolstovskoe prisutstvie v tvorchestve B. Pasternaka)* [Trajectories of the "blizzard" text (Tolstoy's presence in the works of B. Pasternak)] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Herald of Leningrad State University n.a. A. S. Pushkin. 2011, vol. 1, No. 1–1, pp. 31–40.*
8. Ozerov L. A. *O Borise Pasternake* [About Boris Pasternak]. M. Znanie. 1990. 62 p.
9. *Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij s prilozheniyami: v 11 t.* [Complete works with appendices: in 11 vol.] M. Slovo. 2003–2005.
10. Rogover E. S. *Boris Leonidovich Pasternak (1890–1960)* [Boris Leonidovich Pasternak (1890–1960)] // *Russkaya literatura XX veka : uchebnoe posobie dlya ped. vuzov – Russian literature of the twentieth century: a textbook for ped. higher educational. St. Petersburg; M. 2011. Pp. 402–440.*
11. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text] // *Tekst: semantika i struktura – Text: semantics and structure. M. Nauka. 1983. Pp. 227–285.*
12. Epstein M. N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: *Sistema pejzaznyh obrazov v russkoj poezii* ["Nature, the world, the hiding place of the universe...": The system of landscape images in Russian poetry]. M. Vyssh. shk. 1990. 303 p.

Инфотейнмент как инструмент создания новой идеологии

Э. В. Гмызина

кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: elvig22@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается инфотейнмент как свойство современного информационного вещания и идеологический принцип развития медиаккультуры. Актуальность обращения к этой теме обусловлена эволюцией методов и приемов инфотейнмента, необходимостью осмысления тенденций развития современного информационного телевидения. В статье сопоставляется инфотейнмент, родившийся в программах американского телевидения 1980-х годов, первые опыты в сфере инфотейнмента на российском телевидении в 1990-е годы и современная журналистская практика.

Статья включает анализ основных языковых и композиционно-структурных особенностей инфотейнмента в новостных программах, характеристику «формульных» сюжетов. На примере программы телеканала НТВ «Центральное телевидение» рассматриваются приемы, которые используются ведущим и репортерами для привлечения зрительского внимания. Раскрывается общая тенденция развития информационного вещания, связанная с усилением развлекательного компонента в вербальном и визуальном аспектах. В статье подчеркивается, что инфотейнмент является не просто набором журналистских методов и приемов, а следствием распространения идеологии постмодернизма, провозглашающей свободу от авторитетов, ироничное восприятие штампов и культ парадоксов. Постмодернистская ирония позволяет легче расставаться с мифами прошлого и легче принимать правила, диктуемые будущим.

Статья представляет интерес для исследователей современной медиаккультуры и журналистов.

Ключевые слова: инфотейнмент, медиаккультура, идеология, телевидение, канал НТВ.

Глубокие изменения, которые произошли в последние десятилетия в формах и структуре новостной информации, продиктованы не только экономической логикой деятельности медиакорпораций, требованиями конкурентной борьбы, перенасыщенностью информационного пространства, но и существенной трансформацией зрительских стереотипов и ожиданий. Коммерциализация информационного контента обусловила снижение доли аналитической информации и увеличение развлекательного компонента. Инфотейнмент, родившийся в конце XX века, успел стать неотъемлемой частью современной медиаккультуры. Он включает в себя набор методов подачи новостной информации, превращающих новости в развлечение, в своеобразный аттракцион. По мере совершенствования технологий приемы инфотейнмента регулярно пополняются новыми средствами. В настоящее время расширяется потребление информационного контента аудиторией, которая использует компьютеры, планшеты, мобильные устройства. Усиливаются краткость и смысловая простота, характерные для данного способа потребления.

В английском слове infotainment объединены два понятия: «информация» и «развлечение». Инфотейнмент как способ подачи информации зародился в 1980-е годы в США, он стал ответом на падение интереса телевизионной аудитории к новостям. Родоначальницей этого направления принято считать программу «60 минут», которая выходила на канале CBS. В данной программе впервые приоритет был отдан не «жестким», а «мягким» новостям, что означало усиление развлекательности, эмоциональности и ослабление оперативности, полноты информационных материалов. Новостные передачи были трансформированы в ставшие популярными новостные журналы, рассказывающие преимущественно о природных и техногенных катастрофах, вооруженных конфликтах и терактах с показом сцен насилия, о скандальных деталях политических и культурных событий, о сексе, криминале, о жизни богатых и эксцентричных знаменитостей, светских развлечениях и тому подобном [4, с. 98–99].

Как замечал один из основателей программы «60 минут» Р. Ховардан, «в конце концов, не важно, что человек рассказывает, важно – как. Зануду выключат, какой бы важной информацией он не хотел поделиться» [1, с. 11]. Журналисты, работавшие в программе «60 минут», начали активно использовать прием персонификации информации: комментировать события, высказывать к ним свое отношение; их интересовали не столько официальные сообщения, сколько независимые оценки; в репортажах на первый план выходили детали и подробности, которые были способны заинтересовать аудиторию. В саму подачу новостей вносились элементы драматизации и театрализации. Появление ведущего в кадре сопровождалось необычными ракурсами, спецэффектами.

Новые подходы повлияли на информационную повестку дня. Изменилась структура выпуска новостей. В первую очередь сообщалось о наиболее резонансных событиях, захватывающих внимание аудитории. Подобный выбор способствовал постепенному превращению новостей в набор формульных сюжетов. Наличие какой-либо тайны превращало новость в детектив, а трагических событий – в катастрофу. В таком сюжете обязательно должен появиться положительный герой, который поможет преодолеть препятствия. В этой роли может выступить спасатель, следователь, адвокат или государственный чиновник, способный разрешить проблему, навести порядок.

В новости, которая сделана в стиле инфотейнмента, весьма значим второй план, подтекст, который может помочь в интерпретации события журналистом. При помощи крупного плана и закадрового текста можно привлечь внимание аудитории к детали, которая приобретает смыслообразующий характер. По мере распространения инфотейнмента журналисты начали соревноваться в том, кто проявит большую изобретательность в манере подачи новостей. В информационные программы начали включать отрывки из кинофильмов, видеоклипов, а тексты запестрели перифразами, аллюзиями, каламбурами.

Российский инфотейнмент 1990-х годов строился на ироническом осмеянии советских мифов, стереотипов, ценностей и образцов поведения. Он утверждал западные, либеральные ценности, помогал зрителям отказаться от штампов коммунистической идеологии в пользу провозглашаемой постмодернистами свободы и культуры парадоксов [2, с. 169]. Этому содействовали эксперименты с формой, подчеркнутая персонификация и спецэффекты. Советское телевидение не могло позволить себе развлекательности в рамках информационных программ. Новости должны были быть серьезными, так как они служили идеологическим задачам, сенсационный подход тут был не уместен. Советские информационные программы придерживались жесткой схемы: «Новости из Кремля», съезды и пленумы ЦК КПСС, новости внутренней и внешней политики, а в завершение выпуска – культура, спорт и погода. В период своего становления канал НТВ заявил о желании пересмотреть подход к верстке информационных программ. Сделав ставку на менее официальный контент, канал смог быстро сформировать свою аудиторию. Новости НТВ начинались с происшествий. Если в течение дня произошло событие, повлекшее за собой трагические последствия (например, гибель людей), ему уделялось особое внимание, сообщение превращалось в «новость в развитии».

Отечественный инфотейнмент в том виде, в котором он культивировался на канале НТВ (в программах «Сегодня» и «Намедни»), использовал апробированные американцами приемы, но смещал акценты в сфере смыслов и ценностей. Задачей программы «Намедни» был отбор главных новостей недели и обсуждение их с экспертами, при этом сокращалось время сюжета, событию давалась метафорически-образная трактовка, использовался прием «овеществления» новости, повышенное внимание уделялось деталям, нетипичным героям и обстоятельствам. За счет разговорности языка журналиста достигалась легкость в подаче информации. Одним из способов достижения доступности и привлекательности являлась языковая игра. Ее сущность состоит в трансформации устойчивых сочетаний, пословиц, афоризмов. Кроме того, развлекательность достигалась за счет аллюзий, ссылок на тексты массовой культуры, известные широкой аудитории. Часто применялся метод «вживления» анимированных персонажей в документальные кадры, что позволяло взбодрить сюжет. Особое внимание уделялось динамичности программы. В последнем блоке мог содержаться чисто развлекательный материал (мультипликационный фильм про Машеньку). В сущности, если бы не ироничная игра с советской идеологией, можно было бы сказать, что журналисты программы «Намедни» не создавали развлекательные новости, а просто увлекательно подавали серьезную информацию.

По мере распространения инфотейнмента по другим российским телеканалам ситуация менялась. Перечисленные приемы тиражировались. Журналисты различных телеканалов со-

ревновались в том, кто проявит большую изобретательность. 2000-е годы изменили не только ситуацию в стране и медиабизнесе, но и стиль подачи журналистских материалов. Инфотейнмент все чаще использовался в качестве инструмента для создания светских, криминальных, мистических новостей и специальных репортажей. Все чаще под инфотейнментом понимались «легкие» новости: репортажи об НЛО, гигантских тараканах или соревнованиях дрессированных лягушек. Подобные «новости» можно использовать в качестве «консервов» на случай отсутствия действительно важных новостей. Их можно ставить в конце выпуска в качестве «бантика» [2, с. 171]. К этому типу можно отнести и светские новости: репортажи из частной жизни как артистической, так и политической элиты. На этом этапе базой вновь становились советские мифы, но они адаптировались к господствующим эталонам массовой культуры, ценностям общества потребления.

В наши дни телеканал НТВ продолжает удерживать первенство в сфере инфотейнмента. Флагманской передачей развлекательного информационного вещания является программа «Центральное телевидение», выходящая в эфир с августа 2010 года по настоящее время с ведущим Вадимом Такменевым. В программе подводятся информационные итоги недели, обсуждаются самые «громкие» темы. Студия оснащена с учетом последних достижений телевизионной техники: телевизионный мультиплекс с множеством интерактивных экранов, а также возможность прямо в эфире комбинировать 2D- и 3D-форматы. Концепцию программы авторы определили просто: «*Что интересно, то и показываем*».

Программа строится на основе гибридного подхода, включающего репортажи корреспондентов НТВ, беседы ведущего с гостями в студии, телемосты, анимацию и даже музыкальные номера в конце передачи. В программе задействован весь арсенал вербальных и визуальных приемов инфотейнмента: от языковых игр до персоноцентричности ведущего. Персоноцентричность означает, что ведущий становится частью выпуска новостей наряду с информацией. Задействованы все тактики, связанные с фигурой ведущего журналиста: образ «человека-магнита», интервьюирование гостей «вживую», перекрестный диалог между ведущим и другими журналистами, репортерами, редакторами. Перечисленные тактики помогают придавать информации большую реальность, создают непосредственный контакт со зрителем, который начинает узнавать ведущего, доверять ему, прислушиваться к его мнению. Ведущий постоянно передвигается по студии (сцене), совершает определенные действия, акцентирует внимание на предметах. Привлекает внимание зрителя и использование экранов, на которых появляется видео, инфографика, таблицы, заставки. Зрители во время программы могут голосовать, звонить в студию, присылать свои материалы, то есть участвовать в создании контента программы, тем самым повышая ее интерактивность.

В начале программы зрителю предлагается настроиться на то, что новости – это собрание всего захватывающего и сенсационного. Журналисты используют приемы инфотейнмента не только для того, чтобы увлекательно подать социально значимую новость или проблему, а зачастую для того, чтобы любой ценой развлечь зрителя. Аудитория, которая привыкла смотреть различные телевизионные шоу, для включения внимания ждет определенных сигналов-маркеров: яркие, интересные детали и подробности стали элементом современного информирования. В погоне за рейтингом журналисты готовы в любую новость включать элементы драматизации, лишь бы она вызвала у зрителей яркие эмоции: страх, удивление, любопытство, наслаждение и т. п. Для этого применяются и аттракционы, и «формульные жанры». Просмотр репортажей с места событий должен вызывать возбуждение и интенсивный интерес, отвлечь от проблем обыденной жизни. Эскапистское переживание снимает напряжение, которое в современном обществе проявляется сильнее, чем на более ранних ступенях экономического, культурного, информационного развития.

Уже в подводках к сюжетам ведущий задает этот стиль восприятия. Например, в выпуске программы «Центральное телевидение» от 2 марта 2019 года каждая подводка содержит аттракцион-казус, аллюзии, ироничную интонацию.

Подводка к первому сюжету о ходе предвыборной кампании на Украине начинается с риторического вопроса: *Что у политика на уме? Догадаться на самом деле очень несложно. Человека публично могут выдать любое неосторожное слово или даже жест. Вот, например, что имел в виду Петр Порошенко, хватая мужчину за нос на встрече с избирателями? Не означает ли этот жест, что политики водят «избирателей за нос»? [3]*

Скандал с избранием исполнителей от Украины на конкурс «Евровидение» предваряется подводкой: *А теперь внимание! Смертельный номер! Кажется, тигры украинского шоу-бизнеса готовы сожрать любого, кто не поддается дрессировке [3].*

Иронией наполнена подводка к сюжету о встрече Дональда Трампа с Ким Чен Ыном: *Кажется, президент-миротворец из Трампа не получился и мечты о Нобелевской премии мира можно отнести на потом. А ведь как многообещающе все начиналось! Как бы ни изошрялись карикатуристы, изображая чувства Дональда и Кима, они, кажется, и сами их не скрывали, но что-то пошло не так...* [3]

Война Трампа с истеблишментом сравнивается с увлекательным фильмом: *Противостояние Трампа и политических элит просто обязано стать материалом для отличного экшна. И кажется, что сценарий к такому фильму, основанному на реальных событиях, где друзья подставляют, враги атакуют, звезды Голливуда объявляют президенту войну прямо со сцены церемонии «Оскар», пишется здесь и сейчас. Дайте, пожалуйста, два билета* [3].

Подводка к сюжету о новом китайском фантастическом блокбастере выдержана в соответствии со стилистикой этого формульного жанра: *Земле грозит новый Армагеддон, и спасти ее могут только супергерои. До сих пор это была монополия американцев. Никто другой на роль спасителя не допускался. Китайский блокбастер «Блуждающая земля» разрушил эту монополию со скоростью света. Только за две недели фильм собрал 650 миллионов долларов, побив рекорды «Титаника», «Аватара» и «Звездных войн». В самих Штатах «Блуждающая земля» произвела зрительский фурор, потому что ни одного американца даже в эпизодах нет. Планету от катастрофы спасают китаец и русский* [3].

Журналисты, работающие в программе «Центральное телевидение», с целью более эмоциональной подачи материала прибегают к использованию разнообразных маркеров, среди которых скандальные названия и темы сюжетов, постоянное подогревание интереса зрителей, разнообразные речевые обороты (Pinctum Siren), возвращающие зрителя из фонового телесмотрения к активному поглощению информации.

Программы, создающиеся на стыке информации и развлечения, адаптируют информацию разного рода, часто весьма серьезную, для восприятия современного зрителя, воспитанного на клиповой культуре, визуальной доминанте, привыкшего к избытию аттракционов. Авторы таких программ модернизируют телевизионную реальность, подготавливая зрителей к переходу на систему ценностей информационного общества. Мир вокруг меняется так быстро, что это ставит человека на грань его способностей к адаптации. Избыточность информации требует обновления журналистских инструментов для облегчения ее восприятия. Поиск вылился в изменение структуры, содержания и самого языка новостей. Инфотейнмент перестал быть лишь инструментом для «разукрашивания» новости, он определил формат современного информационного вещания. Поиск сопутствующей информации «упаковки» придает новый творческий импульс работе журналистов, развивает художественный потенциал современного телевидения.

Таким образом, инфотейнмент представляет собой не столько совокупность журналистских приемов, сколько идеологию, производную от идеологии постмодернизма. Инфотейнмент – это отношение к миру, ироническое переосмысление политических и культурных штампов, перенастройка восприятия аудитории и снятие страха перед новыми технологиями.

Список литературы

1. Картозия Н. Программа «Намедни»: русский инфотейнмент // Меди@альманах. 2013. № 1.
2. Новикова А. А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 236 с.
3. Официальный сайт НТВ. URL: <https://www.ntv.ru/video/1707400>.
4. Парканский А. Б. Структурные изменения в информационном контенте американских телекомпаний во второй половине XX – начале XXI века // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 7(28). С. 92–102.

Infotainment as a tool for creating a new ideology

E. V. Gmyzina

PhD of cultural studies, associate professor of cultural studies, sociology and philosophy,
Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: elvig22@mail.ru

Abstract. The article deals with infotainment as a property of modern information broadcasting and ideological principle of media culture development. The relevance of addressing this topic is due to the evolution of methods and techniques of infotainment, the need to understand the trends in the development of mod-

ern information television. The article compares the infotainment, which was born in the American television programs of the 1980s, to the first experiments in the field of infotainment on Russian television in the 1990s and modern journalistic practice.

The article includes the analysis of the main linguistic and compositional-structural features of infotainment in news programs, the characteristic of "formula" stories. On the example of the program of NTV "Central television" techniques that are used by presenters and reporters to attract the audience's attention are considered. General trend of development of information broadcasting related to the strengthening of the leisure component in the verbal and visual aspects is revealed. The article emphasizes that infotainment is not just a set of journalistic methods and techniques, but a consequence of the spread of the ideology of postmodernism, proclaiming freedom from authorities, ironic perception of stamps and the cult of paradoxes. Postmodern irony makes it easier to part with the myths of the past and easier to accept the rules dictated by the future.

The article is of interest to researchers of modern media culture and journalists.

Keywords: infotainment, media culture, ideology, television, NTV channel.

References

1. Kartoziya N. *Programma «Namedni»: russkij infotejment* [The program "recently": the Russian infotainment] // *Medi@al'manah – Madi@almanac*. 2013, No. 1.
2. Novikova A. A. *Televizionnaya real'nost': ekrannaya interpretaciya dejstvitel'nosti* [Reality TV: on-screen interpretation of reality]. M. Publ. house of Higher School of Economics. 2013. 236 p.
3. *Oficial'nyj sajt NTV* – Official website of television company NTV. Available at: <https://www.ntv.ru/video/1707400>.
4. Parkanskij A. B. *Strukturnye izmeneniya v informacionnom kontente amerikanskih telekompanij vo vtoroj polovine XX- nachale XXI veka* [Structural changes in the information content of American TV companies in the second half of the XX – early XXI century]. // *Vestnik RGGU. Seriya «Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vos-tokovedenie»* – Herald of RSUH. Series "History. Philology. Culturology. Orientalism». 2017, № 7(28), pp. 92–102.

УДК 37(73)(091)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.059

Формирование культуры «колумбайнеров» в американских учебных заведениях и ее влияние на молодежную среду в современной России

Т. А. Волкова

аспирант кафедры Американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: schirly8@gmail.com

Аннотация. Проблема культуры школьного насилия (или культуры «колумбайнеров») имеет для США важное значение на протяжении последних 30 лет. В настоящее время она стала актуальной и для России. Случаи применения огнестрельного оружия в американских учебных заведениях имеют культурное значение для подростков далеко за пределами США. Целью исследования является анализ школьного насилия на примере массовых расстрелов в американских учебных заведениях, выделение основных этапов и характеристик данного явления непосредственно как культурного феномена и его влияние на рост подобных случаев в российской школьной среде. Также через анализ наиболее массовых расстрелов автор создает общий портрет личности подростка, склонного быть вовлеченным в культуру «колумбайнеров». Предметом исследования является культура школьного насилия, зародившаяся в США в последнее десятилетие XX в. Объектом выступают отдельные случаи проявления насилия американскими подростками, которые имеют наиболее сильное влияние на распространение культуры насилия за пределы США. В России тема насилия в учебных заведениях США не разработана, так как в подобных исследованиях не было особой необходимости, но ситуация резко изменилась в последние годы, что делает данную проблему значимой и в российских реалиях. Рассматривая случаи школьного насилия в нашей стране, произошедшие с 2014 по 2018 год, автор приходит к выводу, что культура насилия, зародившаяся в США, распространяется в российские школы через копирование американского опыта, не имеющего под собой серьезных идеологических обоснований для отечественных школьников, как это было в США на этапе начального формирования данного феномена.

Ключевые слова: США, культура, подростки, насилие, колумбайнеры.

Проявление подросткового насилия в школах в крайних формах, сопряженных с использованием огнестрельного оружия, долгое время было характерно только для Соединенных Штатов, но в последние годы случаи с подобным сценарием стали частью российской действительности. Насилие в американских учебных заведениях, учитывая частоту и периодичность инцидентов, повлекших за собой многочисленные жертвы, позволяет говорить о сложившейся и получившей широкое распространение в США культуре насилия. Группы подростков, которые считают себя причастными к данному явлению или сами пытаются применить насилие, в интернет-пространстве принято называть «колумбайнерами» по названию американской школы, в которой был совершен наиболее освещаемый массовый расстрел подростками. Тщательный анализ случаев применения огнестрельного оружия американскими подростками в учебных заведениях может дать ответ на вопрос, почему данное явление, сформировавшееся изначально исключительно на американской почве, становится популярно среди молодежи других стран. Для США проблема огнестрельного оружия в школах не является новой, первые случаи применения фиксируются еще XVIII веком, но до 1970-х гг. стрелявшими в основном были взрослые люди, а случаи убийств школьников самими школьниками начинаются массово в 90-е годы XX века и продолжают до настоящего момента со страшной частотой.

В России тема насилия в учебных заведениях США не разработана, так как в подобных исследованиях не было особой необходимости, но ситуация резко изменилась в последние годы, что делает данную проблему значимой и в российских реалиях. Работы американских авторов можно разделить на две группы: публицистика и серьезные статистические труды, созданные по заказу правительства. Из публицистов наиболее известны два имени: журналист Д. Каллен, выпустивший в 2009 г. книгу «Columbine» [1] и Р. Ларкин, который также посвятил свое исследование, вышедшее в 2007 г., массовому убийству в школе «Колумбайн» – «Comprehending Columbine» [5]. Несмотря на то что книга Ларкина вышла первой, Каллен, ко-

торый одним из первых отреагировал на события 1999 года, посредством своих статей стал основным интерпретатором произошедшего. У Ларкина и Каллена есть некоторые различия в причинах произошедшего, и Ларкин по ходу своего повествования часто вступает в спор с Калленом во взглядах на те или иные трактовки произошедшего.

Исследование с привлечением анкетирования американских школьников «Летальное насилие в школе: национальное исследование. Финальный доклад» выполнено в 2001 году Р. Маерсом, Дж. Сейро и И. Гауген [3]. Достаточно небольшая работа, но крайне важная, так как здесь даются именно ответы школьников, что, по их мнению, является причиной насилия и что можно сделать, чтобы этого избежать.

М. Мур, К. Петри, А. Брага «Смертельные уроки: понимание летального школьного насилия» [4] – пожалуй, это наиболее полная работа, посвященная феномену школьных расстрелов. Авторы через сопоставление социологических и психологических фактов пытаются понять причины произошедшего, анализируя множество случаев.

В данной ситуации под культурой школьного насилия автор понимает феномен, основанный на случаях применения огнестрельного оружия в американских школах и создании своеобразной субкультуры с культом оружия, ненависти, почитания непосредственных зачинщиков расстрелов, на основе чего можно выделить характерные черты и особенности данного явления как «культуры». Также применимо использование понятия «колумбайнеры», но это более распространено для российского информационного пространства, в Америке под «columbiners» понимают непосредственно фанатов, зачастую девушек, которые восхищаются Диланом и Эриком, устроившими стрельбу в школе «Колумбайн».

Обоснованность использования термина «культура» по отношению к теме школьного насилия объясняется тем, что данный феномен имеет присущие любой культуре элементы: ценности, ритуалы, «своих героев», выразительные средства и т. д. Также можно поставить вопрос о термине «субкультура», но в данном контексте он может создавать дополнительную смысловую нагрузку. Субкультуры распределяют более четкие рамки и ограничения на своих последователей. Своеобразными ценностями рассматриваемой культуры являются: во-первых, сам носитель культуры и его мировосприятие (которое характеризуется высокой степенью эгоизма, заикленностью на своих чувствах, почти полное невнимание к чувствам других людей), во-вторых, это ценность оружия и насильственного решения конфликтов.

Основным ритуалом культуры школьного насилия является непосредственно расстрел¹, происходящий в учебном заведении. Но и без данного действия человек может войти в культуру, планируя насилие или являясь поклонником стрелков², которые выполнили задуманное. Совершение расстрела – это переход из просто поклонника в статус культового героя.

Героями являются все предыдущие стрелки. Особенно среди них выделяются Эрик Харрис и Дилан Клиболд, устроившие массовое убийство в школе «Колумбайн» 20 апреля 1999 г. Они по большому счету и способствовали созданию распространенного внешнего облика последующих стрелков, взяв за основу образы из фильма Оливера Стоуна «Прирожденные убийцы» (1994). Безусловно, в данной «культуре» есть и своя идеология, пропитанная ненавистью и желанием отомстить обществу за какие-либо неудачи или положение, которое представителям культуры кажется несправедливым. Существует определенная музыка и определенные фильмы, которые пронизаны идеями насилия, саморазрушения, общественного возмездия и т. д. Из набора музыки, фильмов, видеоигр, которыми увлекались некоторые стрелки, сформировалась начальная, первичная культура насилия, распространенная среди американских подростков в 90-е гг. до совершения массовых расстрелов. В конце 90-х гг. после нескольких случаев массовых расстрелов в американских школах (Джонсборо – 1998, Колумбайн – 1999 и др.) к музыке и фильмам добавляется модель поведения и действия – убийство. Также Харрис и Клиболд создают образ внешнего вида представителей данной «культуры» и дополняют ее «идейностью». Это первый этап формирования и становления культуры

¹ В данном контексте под расстрелом следует понимать инцидент (спланированный заранее и имеющий под собой определенные мотивы), в ходе которого школьник убивает своих одноклассников и учителей посредством огнестрельного оружия.

² Стрелком в данном случае является школьник, устроивший расстрел. В ряде случаев стрелками не всегда оказывались школьники, это могли быть также выпускники школ, в которых происходил расстрел.

насилия. Затем наступает второй этап развития данного феномена на территории США: расстрелы повторяются, практически каждый из них сопровождается упоминанием «Колумбайна». Следующий этап – это распространение культуры за пределы Америки, в частности на территорию России.

Ошибочно полагать, что культура школьного насилия, сформировавшаяся в США в 90-е гг., не имела для своего развития предпосылок со стороны главенствующей в обществе культуры. Массовая культура США в последнее десятилетие XX в. несла в своей основе обширный набор идей, которые могли повлиять на табуированность насилия в обществе и в сознании подростка. Как, например, наркотики перестали быть чем-то закрытым, многие кумиры 90-х (Курт Кобэйн, Кортни Лав, Ривер Феникс) были не в состоянии скрыть свои зависимости. Появление на больших экранах фильмов Квентина Тарантино («Бешеные псы», «Криминальное чтиво» и др.) ослабило табуированность насилия, и это только поверхностное упоминание культовых фигур 90-х.

Резонно встает вопрос: а что первично – культура, которая порождает в головах подростков мысли о насилии, или ее привлекательность для подростков, которые уже имеют определенные отклонения в психическом развитии? Культура создается и поддерживается людьми – ее носителями. Если культура не находит отклик, перестает развиваться и распространяться, то она умирает и исчезает. В исследуемых процессах распространения происходит за пределы основного ареала формирования школьного насилия, и можно говорить, что подростки, которые уже имеют в своем сознании предпосылки к насилию, становятся последователями культуры, о которой идет речь. Насилие и убийства являются табуированными действиями в любом постиндустриальном обществе, но тиражирование насилия посредством художественных образов и перманентного упоминания в СМИ снижает уровень табуированности и приводит к росту противозаконного поведения.

Можно выделить достаточно четкий набор характеристик личности «стрелков», основываясь на изучении происшествий 1990–2000 гг.

1. Интровертность подростка, которого сверстники описывают его как замкнутого и плохо идущего на контакт. Это также часто связано с тем, что ребенок может быть изгоем. Вследствие интровертности, или же, наоборот, становится интровертом из-за плохой социальной адаптации, неприятия сверстниками.

2. Депрессивные состояния или иные психические или поведенческие отклонения (в случае с Адамом Ланзой – неглубокая форма аутизма).

3. Особенности, указанные в первых двух пунктах, приводят к употреблению антидепрессантов или других медицинских препаратов для улучшения душевного здоровья.

4. Суицидальные наклонности. В большинстве случаев подростки, совершившие массовое убийство, последними убивают себя. Также при опросе знакомых, родственников убийц всплывают факты о суицидальных мыслях, поступках из жизни «стрелка» и так далее. Но мало кто обращал на такое поведение или разговоры особо пристальное внимание.

5. Скрытая или явная агрессия, объектом которой может стать что угодно. Ярость может находить выход через увлечение жестокими компьютерными играми, либо асоциальное, девиантное поведение, либо же накапливаться внутри без возможности выхода.

6. Увлечение компьютерными играми. По версии большинства СМИ это чуть ли не главная причина отклоняющегося поведения «стрелков». Отчасти это так. Увлечение жестокими компьютерными играми, в которых залогом успешного прохождения игры является убийство врага посредством всевозможного огнестрельного и не только оружия, может являться основным фактором агрессивного поведения подростка. Также излишняя заикленность на игре может быть причиной ухудшения социальных связей и взаимодействия в коллективе сверстников или порчи семейных отношений.

7. Музыка и кино. «Стрелки» в своем большинстве предпочитают схожие стили музыки и фильмов. Музыка в основном относится к так называемым «тяжелым» направлениям: индастриал (музыкальное направление, отличающееся выраженной экспериментальностью и особой эстетикой механических и других промышленных звуков), всевозможные ответвления рока и металла. Кинематографические предпочтения также носят «тяжелый» характер. В фильмах, которые привлекают потенциальных «стрелков», главными героями являются личности, достаточно далекие от общепринятых норм морали. Образ убийцы рисуется очень ярко и привлекательно. Один из самых одиозных фильмов, оказавших влияние на «стрелков», –

«Прирожденные убийцы». Также появилась масса фильмов, пытающихся проанализировать и проиллюстрировать массовые убийства в школах: «Слон» (2003 г.), «Политех» (2009 г.), «Класс» (2007 г.), «Сердце Америки» (2002 г.) и многие другие.

8. Интерес к «стрелковой» теме. Каждый «стрелок» достаточно хорошо знаком с действиями своих предшественников. Более того, многие из них возвышают и канонизируют тех, кто был перед ними. Дилана Клиболда и Эрика Харриса называют «святыми» их последователи. Одним из ярких примеров является то, что после расстрела в декабре 2012 г. в комнате Адама Ланзы было найдено огромное количество информации по массовым убийствам в школах.

Также стоит сказать об основных случаях школьного насилия с применением огнестрельного оружия в США.

24 марта 1998 г.: Джонсборо, Арканзас. Массовое убийство в школе Джонсборо. 11-летний Эндрю Голден и 13-летний Джонсон Митчелл во время уроков включили пожарную тревогу в своей школе и спрятались в кустах напротив главного входа. Когда из школы начали входить дети и учителя, они открыли по ним огонь из двух полуавтоматических винтовок. 4 ученика и 32-летняя учительница погибли на месте, еще 10 человек получили ранения различной степени тяжести. Митчелл и Голден были арестованы полицейскими, оперативно прибывшими на место происшествия. На суде они не сумели объяснить причину своих действий. В августе 1998 г. суд приговорил их к 10 и 8 годам тюремного заключения. В 2005 г. на свободу вышел Митчелл, а в 2007 г. и Голден [10].

21 мая 1998 г.: Спрингфилд, Орегон. 15-летний ученик «Thurston High School», исключенный днем ранее Кип Кинкл открыл огонь из самозарядной винтовки в кафетерии своей школы. Два ученика были убиты, и еще 24 получили ранения. Стрелок был схвачен другими учениками, когда начал перезаряжать оружие. Перед тем как отправиться в школу, Кинкл застрелил своих родителей у себя дома. 11 ноября 1999 г. суд приговорил его к 111 годам тюремного заключения без права на условно-досрочное освобождение. Принимал Прозак. Кинкл с детства увлекался огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами. Впоследствии Кинклу был поставлен диагноз «шизофрения» [8].

20 апреля 1999 г.: округ Джефферсон, Колорадо, США. Массовое убийство в школе «Колумбайн». Учащиеся старших классов 18-летний Эрик Харрис и 17-летний Дилан Клиболд открыли огонь по ученикам и школьному персоналу, в результате чего были ранены тридцать семь человек, тринадцать из которых погибли. Оба стрелявших впоследствии покончили с собой [9].

16 апреля 2007 г. 23-летний студент из Южной Кореи Чо Сын Хи открыл огонь из двух пистолетов сначала в студенческом общежитии, а затем и в учебном корпусе Виргинского политехнического института, убив 32 и ранив еще 25 человек, стрелок покончил с собой в одной из аудиторий. В прощальном видео он упоминал «мучеников Эрика и Дилана» [7]. Упоминание Эрика Харриса и Дилана Клиболда как «святых» является достаточно частым у их «поклонников». Это связано с освещением события в СМИ, что будет проанализировано ниже.

14 декабря 2012 г.: массовое убийство в начальной школе «Сэнди-Хук» (Сэнди-Хук, Коннектикут). В школе убиты 20 детей и шесть взрослых, двое ранены. Стрелявший 20-летний Адам Питер Лэнза покончил с собой на месте преступления. Молодой человек страдал синдромом Аспергера (легкая форма аутизма), хорошо учился. После обыска в его комнате были обнаружены исследования по массовым убийствам в школах. Бывшие одноклассники и знакомые семьи Лэнза отзываются об Адаме исключительно в положительном тоне. По их словам, он был скромным и застенчивым молодым человеком, аккуратно одевался и отличался трудолюбием. «Он был одним из умнейших ребят, которых я знал. Возможно, даже гением», – заявил Джошуа Майлас, учившийся с Лэнзой в одной школе [2].

14 февраля 2018 г.: Паркланд, Флорида. Девятнадцатилетний Николас Крус устроил стрельбу в своей школе, из которой был исключен днем ранее; в результате погибло 17 человек. Стрелок был схвачен полицией и находится под стражей. Мотивы преступления еще устанавливаются; среди основных фигурирует месть [18].

Случаи в школе Сэнди Хук (2012) и в Паркланде (2018) имели и имеют очень большой общественный резонанс, направленный на изменение законов о распространении огнестрельного оружия в США. В 2012 году Барак Обама не удалось провести законопроект, сокращающий оборот тех видов оружия, из которых были убиты дети в городе Сэнди Хук. Общественный резонанс во многом поддерживается выжившими в массовом расстреле школь-

никами, набирает серьезные обороты и может привести к некоторому смещению позиций Национальной стрелковой ассоциации США.

Из приведенных выше случаев наиболее значимым является массовый расстрел в школе «Колумбайн» 20 апреля 1999 г. На этом событии следует остановиться подробнее. Наверное, ни один подобный случай насилия в школе не освещался так досконально и массово в прессе и на телевидении. До этого не искали так упорно виновных среди представителей массовой культуры. События, произошедшие в «Колумбайне», стали темой для многих песен и фильмов. На просторах интернета существуют памятные сайты жертв убийства и, что самое пугающее, сайты и сообщества, посвященные самим стрелкам. На интернет-ресурсах можно найти громадное количество информации от простого описания событий 20 апреля 1999 г. и видео записей из школы до дневников убийц и записей психолога, к которому стрелявшие обращались. Такой обширный объем источников имеется только по одному данному событию. Для последующих стрелков Эрик и Дилан стали культовыми героями, во многом благодаря столь массивному освещению в прессе и отклику в массовой культуре.

20 апреля 1999 г., около 11 часов утра, началось массовое убийство в школе «Колумбайн», округ Джефферсон, штат Колорадо. Изначально планировались взрывы бомб в учебной столовой, но они не произошли. Подростки, очевидно предусмотрев такой вариант, прошли в здание школы и начали расстрел встречавшихся им на пути учеников.

Пользуясь инструкциями, которые ребята нашли в интернете, было изготовлено 99 взрывных устройств различных конструкций и размеров. Эрик и Дилан были одеты в длинные черные плащи, чтобы скрыть оружие и быть похожими на героев фильма Оливера Стоуна «Прирожденные убийцы».

Подростки свободно передвигались по зданию, стреляли в нескольких помещениях: столовой, библиотеке, ходили по нескольким коридорам, пытаясь найти спрятавшихся учеников. На тот момент убив 12 учеников и ранив 24 человека (впоследствии число убитых достигнет 13 человек), примерно через 40 минут после начала стрельбы Эрик Харрис и Дилан Клиболд совершили самоубийства. В итоге 15 убитых и 23 человека ранено [7].

После этого происшествия американское общество словно очнулось, массовое освещение в СМИ, поиски виновных, создание научных и публицистических работ, активное отражение в массовой культуре, споры об ограничении распространения оружия и так далее.

Уже через неделю произошли попытки повторить, а то и превзойти трагедию в «Колумбайне». Практически во всех случаях расстрелов в школах, последовавших после 20 апреля 1999 г., стрелявшие в предсмертных записках, видеозаписях или на допросах говорили о своем восхищении Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом. И со временем таких случаев стало только больше.

Но почему этот случай стал настолько популярным среди последователей и как никакой другой получил столь обширное освещение в средствах массовой информации? Помимо самой привлекательности насилия и протеста, которые в девяностые годы не переставая транслируются на экранах телевизоров, ответ можно искать в дневниках Эрика Харриса, которые не только описывают его внутренние переживания, но и отражают культурную, психологическую и социальную обстановку в Соединенных Штатах для этого конкретного подростка. Следует сразу сказать, что определенная часть дневников засекречена Федеральным бюро расследований, это отчасти затрудняет поиск мотивов содеянного, но та часть, которая имеется в свободном доступе, в том числе и через интернет-ресурсы, является крайне эмоциональным и уникальным источником. Доступны дневники 1998 г. и очень малая часть, относящаяся к 1999 г.

Эрик и Дилан дали культуре насилия сформированные идеи, которые можно легко почерпнуть из опубликованных дневников. Особенно для изучения и понимания проблемы важен дневник Эрика Харриса, который просто пропитан ненавистью к обществу. На некоторых страницах есть прямое обращение к читателю, например запись от 23 октября 1998 г.: «Я хочу сжечь весь мир, я хочу убить каждого, за исключением пяти человек, назову их позже, и если вы сейчас читаете это, то вам повезло, вы избежали моей ярости, я хотел убить вас» [7]. Касательно мировосприятия подростка очень важны следующие отрывки: «Я чувствую себя Богом. Я уже знаю, что я стою выше, чем абсолютное большинство во Вселенной. Каждый должен пройти тест. Окончательный DOOM (название компьютерной игры, пер. – гибель), чтобы посмотреть, кто сможет выжить, используя только ум и военные навыки».

Еще одна цитата: «Все постоянно смеются надо мной из-за моего внешнего вида, какой я слабый и какое я <...>, но вы за это ответите, месть совсем близко. Вы должны относиться ко мне с большим уважением, относиться ко мне, как к господину, и, возможно, я не оторву ваши головы... Сейчас у меня уже достаточно взрывчатки, чтобы убить около ста человек, и, если я заполучу еще парочку стволов, мечей, я смогу убить еще 10 человек, но и этого будет недостаточно. ПИСТОЛЕТЫ! МНЕ НУЖНЫ ОГНЕСТРЕЛЫ!» [7].

В настоящий момент открытый доступ практически ко всем материалам, посвященным расстрелам в американских школах, своеобразная героизация подростков, совершивших акты насилия, – все это способствует распространению культуры за пределы США и поддержанию ее функционирования в самой Америке. В российском интернет-пространстве имеются своеобразные сообщества «сопереживающих» и поддерживающих идеи, высказанные в дневниках Эрика и Дилана. На данный момент основная часть сообществ в социальной сети «ВКонтакте» заблокирована.

Первый подобный широко освещаемый случай произошел в России в феврале 2014 года. 3 февраля десятиклассник московской школы № 263 пришел на урок географии с карабином и винтовкой, застрелил учителя и сотрудника вневедомственной охраны, взял в заложники своих одноклассников. Как сообщали российские информационные агентства, подросток был из благополучной семьи и хорошо учился. Это единственный случай из рассмотренных ниже, в котором фигурировало огнестрельное оружие, подросток взял его у отца [14].

Следующий инцидент случился 5 сентября 2017 г. в подмосковном городе Ивантеевке, когда пятнадцатилетний подросток напал во время урока на учительницу информатики, выстрелив ей в лицо из пневматического оружия и ударив ее по голове кухонным топором. До совершения преступления молодой человек через социальные сети явно давал понять о своей увлеченности «Колумбайном» (использование в качестве никнейма фамилии Дилана Клиболда и так далее) [18].

Последующие два случая произошли в январе 2018 г. с разницей в несколько дней.

15 января 2018 года в Перми двое пятнадцатилетних подростков пришли в школу вооруженные ножами и напали на учительницу и учеников четвертого класса. В ходе происшествия пострадали 12 человек, включая нападавших. В данном случае тоже есть прямые отсылки к «Колумбайну», молодые люди состояли в интернет-сообществах, посвященных массовому убийству, произошедшему 20 апреля 1999 г. [20].

19 января девятиклассник пришел в одну из школ Улан-Удэ с топором и зажигательной смесью, набросился на учительницу и учеников седьмого класса, нанося удары топором. Пострадало 7 человек. Подросток нанес удар ножом и себе. Основным мотивом называется месть учителю за плохую оценку [13].

21 марта 2018 г. в г. Шадринске Курганской области тринадцатилетняя семиклассница открыла стрельбу из пневматического оружия отца. По предварительным данным, причиной агрессии послужила ссора с одноклассниками, пострадали 7 человек, госпитализация никому не потребовалась [12].

18 апреля 2018 г.: Стерлитамак, Башкирия. 17-летний ученик коррекционного класса одной из школ города напал с ножом на одноклассников и попытался устроить пожар. В результате инцидента пострадали 4 человека, в том числе и сам нападавший. Знакомые подростка говорят об его увлечении темой «Колумбайна» [15].

10 мая 2018 г.: Барабинск, Новосибирская область. 16-летний студент первого курса колледжа пришел на учебу с отцовским ружьем, выстрелил в своего однокурсника, а затем покончил с собой [16].

Последнее и наиболее крупное массовое убийство в учебном заведении на территории России произошло 17 октября 2018 года. г. Керчь, Крым, 18-летний студент Политехнического колледжа спланировал нападение, которое практически полностью копировало инцидент в школе «Колумбайн». В результате взрывов и стрельбы погибло более 20 человек и более 50 получили ранения. Сам нападавший покончил с собой выстрелом в голову, что также копирует самоубийства Эрика Харриса и Дилана Клиболда. Помимо прочего, стрелок был одет так же, как Эрик Харрис.

Долгое время возможность повторения американского сценария школьного насилия на территории России казалась маловероятной. Многие упиралось в легкодоступность и повсеместное распространение огнестрельного оружия в США. Но как показали случаи в отече-

ственных учебных заведениях, и в России можно найти оружие. А если нет, то воспользоваться колюще-режущими предметами.

Достаточно сложно дать четкий и исчерпывающий ответ на вопрос, что же все-таки привлекает молодежь, не только российскую, в повторении американской трагедии. Можно говорить и о проникновении, и простом понимании массовой культуры США для подростков других стран. Также свое значение имеет открытый доступ к информации о предыдущих актах насилия, совершенных школьниками, и некая героизация стрелков, устроивших расстрелы в своих учебных заведениях. Или, несмотря на культурные различия, подростки в разных странах имеют схожие проблемы и пытаются их решить схожими и абсолютно неверными действиями?

На наш взгляд, основную часть случаев, произошедших в России с применением насилия в школах, стоит считать копированием аналогичных событий, произошедших в США. Рассматривая эти акты как желание подростков не только решить свои межличностные конфликты с одноклассниками, учителями или со школой как социальным институтом в целом, устроить школьную общественность или выплеснуть копившуюся долгое время агрессию, повторение американских случаев, в большей степени желание быть замеченным. В российских реалиях при достаточно подробном и частом обсуждении школьного насилия в информационном поле, подростки решаются таким образом попасть в заголовки СМИ, через эти заголовки они находят пути решения своих проблем и конфликтов. Интернет и телевидение дает, сами того не осознавая, доступный и понятный план действий: агрессию надо выплеснуть на одноклассников, учителя и т. д. Почему данные события стали происходить в России? В США, говоря об этапе формирования культуры школьного насилия в 90-е гг., можно сделать вывод, что агрессия подростков являлась криком о помощи, реакцией на изменения в массовой культуре, в которой на передний план вышли такие идеи, как:

- культ оружия;
- саморазрушение посредством приема наркотиков, деструктивных действий, направленных на себя (суицид) или на других людей;
- насилие и агрессия в самых разных формах;
- бунт против системы и т. д.

В молодежном насилии 90-х гг. в Америке легко проследить идейную составляющую, прочувствовать кризис молодежи, который охватил и культуру в целом. Ситуация в России ставит больше вопросов, чем может дать ответов на данном этапе. Возможно, что дети через свои агрессивные действия с копированием сценариев американских трагедий пытаются указать на более серьезные общественные проблемы, которые еще только придется распознать и тщательно изучить.

Список литературы

1. *Cullen D. Columbine* / Cullen D. Twelve (Hachette Book Group). 2009. 432 p.
2. *Emmert D. Conn. School shooter had 4 weapons* / Emmert D. URL: <http://www.cbsnews.com/news/conn-school-shooter-had-4-weapons> (дата обращения: 12.02.2018).
3. *Gaughan E., Cerio J. E., Myers R. Lethal Violence in Schools : A National Study Final Report* / Gaughan E., Cerio J. E., Myers R. N. Y. : Alfred University, 2001. 44 p.
4. *Moore M. H., Petrie C. V., Braga A. V., McLaughlin B. Deadly Lessons: Understanding Lethal School Violence* / Moore M. H., Petrie C. V., Braga A. V., McLaughlin B. Washington, 2003. 400 p.
5. *Larkin R. Comprehending Columbine* / Larkin R. Temple University Press, 2007. 255 p.
6. *Tapper J., Miller A. Teacher Warned Authorities About Va. Tech Shooter* / Tapper J., Miller A. URL: <http://abcnews.go.com/WNT/VATech/story?id=3050437&page=1> (дата обращения: 12.03.2018).
7. Мемориальный сайт, посвященный трагедии в школе «Колумбайн». AColumbinesite. URL: <http://www.acolumbinesite.com/eric/writing/journal/journal.html> (дата обращения: 15.03.2018).

Новостные интернет-издания

8. *Accused Oregon school shooter shows no emotion in court*. URL: <http://edition.cnn.com/US/9805/22/oregon.shooting.pn> (дата обращения: 10.03.2018).
9. *Columbine Shocked the Nation. Now, Mass Shootings Are Less Surprising*. URL: https://www.nytimes.com/2017/11/10/us/columbine-texas-mass-shooting.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FColumbine%20High%20School&action=click&contentCollection=timestopics®ion=stream&module=stream_unit&version=latest&contentPlacement=5&pgtype=collection (дата обращения: 12.03.2018).
10. *From Wild Talk and Friendship To Five Deaths in a Schoolyard*. URL: <http://www.nytimes.com/1998/03/29/us/from-wild-talk-and-friendship-to-five-deaths-in-a-schoolyard.html?sec=&spon=&pagewanted=all> (дата обращения: 12.03.2018).

11. San Diego Community Stunned By School Shooting. URL: <http://web.archive.org/web/20010308054023/http://www.thesandiegochannel.com/sand/news/stories/news-52409720010305-110346.html> (дата обращения: 12.03.2018).

12. В курганской школе ученица открыла стрельбу по детям. URL: <https://rg.ru/2018/03/21/reg-urfo/sem-detej-postradali-pri-strelbe-iz-pnevmatiki.html> (дата обращения: 16.05.2018).

13. Нападение на школу в Улан-Удэ. Обобщение. URL: <http://www.interfax.ru/russia/596136>; <https://rg.ru/2018/03/21/reg-urfo/sem-detej-postradali-pri-strelbe-iz-pnevmatiki.htm> (дата обращения: 16.05.2018);

<http://www.acolumbinesite.com/eric/writing/journal/journal.html> (дата обращения: 12.03.2018).

14. Нападение «школьного стрелка» сняли камеры видеонаблюдения. URL: <https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/142412> (дата обращения: 16.05.2018).

15. По следам «Колумбайна»: подросток устроил поножовщину в башкирской школе. URL: <https://ria.ru/incidents/20180418/1518894931.html> (дата обращения: 16.05.2018).

16. СК раскрыл подробности инцидента со стрельбой в колледже Барабинска. URL: <https://iz.ru/741539/2018-05-10/sk-raskryl-podrobnosti-intcidenta-so-strelboi-v-kolledzhe-barabinska> (дата обращения: 16.05.2018).

17. Стрельба в школе в США: не менее 17 погибших, стрелок арестован. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-43066064> (дата обращения: 15.03.2018).

18. Стрельба в школе в Ивanteeвке: что случилось, личность стрелка, связь с «Колумбайном». URL: <https://ria.ru/952832-strelba-v-shkole-v-ivanteevke-cto-sluchilos-lichnost-strelka-svyaz-s-kolumbainom> (дата обращения: 12.03.2018).

19. Число жертв нападения в Керчи превысило 20, опубликован список погибших. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45899274> (дата обращения: 18.10.2018).

20. Что случилось в пермской школе: драка или нападение? URL: <http://www.bbc.com/russian/news-42690997> (дата обращения: 16.05.2018).

The creation of a culture of "columbiners" in American schools and its impact on youth in modern Russia

T. A. Volkova

post-graduate student of the Department of American studies, St. Petersburg State University.
Russia, St. Petersburg. E-mail: schirly8@gmail.com

Abstract. The problem of culture of school violence (or culture "columbiners") is of high importance to the United States during over the past 30 years. Currently, it has become relevant for Russia. The use of firearms in American educational institutions has a cult significance for teenagers far beyond the United States. The aim of the study is to analyze school violence on the example of mass shootings in American educational institutions, identify the main stages and characteristics of this phenomenon directly as a cultural phenomenon and its impact on the growth of such cases in the Russian school environment. Through analysis of the most mass shootings, the author creates a general portrait of the personality of a teenager, prone to be involved in the culture of "columbiners". The subject of the study is the culture of school violence that originated in the United States in the last decade of the twentieth century. The object is the individual cases of violence by American teenagers, which have the strongest impact on the spread of the culture of violence outside the United States. In Russia, the topic of violence in US educational institutions has not been developed, since such studies were not particularly necessary, but the situation has changed dramatically in recent years, which makes this problem significant in Russian realities. Considering the cases of school violence in our country that occurred from 2014 to 2018, the author comes to the conclusion that the culture of violence that originated in the United States extends to Russian schools through copying the American experience, which does not have a serious ideological justification for domestic students, as it was in the United States at the stage of the initial formation of this phenomenon.

Keywords: USA, culture, teens, violence, columbiners.

References

1. Cullen D. Columbine / Cullen D. Twelve (Hachette Book Group). 2009. 432 p.
2. Emmert D. Conn. School shooter had 4 weapons / Emmert D. Available at: <http://www.cbsnews.com/news/conn-school-shooter-had-4-weapons> (date accessed: 12.02.2018).
3. Gaughan E., Cerio J. E., Myers R. Lethal Violence in Schools : A National Study Final Report / Gaughan E., Cerio J. E., Myers R. N. Y. : Alfred University, 2001. 44 p.
4. Moore M. H., Petrie C. V., Braga A. V., McLaughlin B. Deadly Lessons: Understanding Lethal School Violence / Moore M. H., Petrie C. V., Braga A. V., McLaughlin B. Washington, 2003. 400 p.

5. Larkin R. Comprehending Columbine / Larkin R. Temple University Press, 2007. 255 p.
6. Tapper J., Miller A. Teacher Warned Authorities About Va. Tech Shooter / Tapper J., Miller A. Available at: <http://abcnews.go.com/WNT/VATech/story?id=3050437&page=1> (date accessed: 12.03.2018).
7. Memorial site dedicated to the tragedy at Columbine school. A Columbinosite. Available at: <http://www.acolumbinosite.com/eric/writing/journal/journal.html> (date accessed: 15.03.2018).

Internet news publications

8. Accused Oregon school shooter shows no emotion in court Available at: <http://edition.cnn.com/US/9805/22/oregon.shooting.pm> (date accessed: 10.03.2018).
9. Columbine Shocked the Nation. Now, Mass Shootings Are Less Surprise. Available at: https://www.nytimes.com/2017/11/10/us/columbine-texas-mass-shooting.html?rref=collection%2Ftimes-topic%2FColumbine%20High%20School&action=click&contentCollection=timestopics®ion=stream&module=stream_unit&version=latest&contentPlacement=5&pgtype=collection (date accessed: 12.03.2018).
10. From Wild Talk and Friendship To Five Deaths in a Schoolyard. Available at: <http://www.nytimes.com/1998/03/29/us/from-wild-talk-and-friendship-to-five-deaths-in-a-schoolyard.html?sec=&spn=&pagewanted=all> (date accessed: 12.03.2018).
11. San Diego Community Stunned By School Shooting. Available at: <http://web.archive.org/web/20010308054023/http://www.thesandiegochannel.com/sand/news/stories/news-52409720010305-110346.html> (date accessed: 12.03.2018).
12. In Kurgan school student opened fire on children. Available at: <https://rg.ru/2018/03/21/reg-urfo/sem-detej-postradali-pri-strelbe-iz-pnevmatiki.html> (date accessed: 16.05.2018). (in Russ.)
13. Attack on school in Ulan-Ude. Generalization. Available at: <http://www.interfax.ru/russia/596136>; <https://rg.ru/2018/03/21/reg-urfo/sem-detej-postradali-pri-strelbe-iz-pnevmatiki.htm> (date accessed: 16.05.2018); <http://www.acolumbinosite.com/eric/writing/journal/journal.html> (date accessed: 12.03.2018). (in Russ.)
14. The attack of the "school shooter" was filmed by CCTV cameras. Available at: <https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/142412> (date accessed: 16.05.2018). (in Russ.)
15. In the wake of "Columbine": a teenager staged a stabbing in the Bashkir school. Available at: <https://ria.ru/incidents/20180418/1518894931.html> (date accessed: 16.05.2018). (in Russ.)
16. Investigating Commetee revealed the details of the shooting incident at the College of Barabinsk. Available at: <https://iz.ru/741539/2018-05-10/sk-raskryl-podrobnosti-intcidenta-so-strelboi-v-kolledzhe-barabinska> (date accessed: 16.05.2018). (in Russ.)
17. A school shooting in the United States: at least 17 killed, shooter arrested Available at: <http://www.bbc.com/russian/news-43066064> (date accessed: 15.03.2018). (in Russ.)
18. Shooting at the school in Ivanteevka: what happened, the identity of the shooter, the connection with "Columbine". Available at: <https://riafan.ru/952832-strelba-v-shkole-v-ivanteevke-cto-sluchilos-lichnost-strelka-svyaz-s-kolumbainom> (date accessed: 12.03.2018). (in Russ.)
19. The number of victims of the attack in Kerch exceeded 20, published a list of deaths. Available at: <https://www.bbc.com/russian/news-45899274> (date accessed: 18.10.2018). (in Russ.)
20. What happened at the Perm school: a fight or an attack? Available at: <http://www.bbc.com/russian/news-42690997> (date accessed: 16.05.2018). (in Russ.)

Социальный театр как форма социокультурной адаптации незащищенных групп населения

А. Ю. Корнеева

аспирант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: sobakkaхо@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли социального театра как формы социокультурной адаптации незащищенных групп. Приведены высказывания практиков театра, плодотворно работающих в этом направлении. Указываются особенности проектов социального театра, приведена характеристика по принципу исключенных групп, перечисляются некоторые явления, ставшие предпосылками социального театра. Проводится анализ различных подходов к социальным театральным проектам, связанных с их функциональностью. Специальное место отводится статусу понятия «незащищенные группы населения». Предлагается анализ театральных проектов с участием актеров «особого театра», состоявшихся в ноябре 2018 в рамках международного культурного форума в Санкт-Петербурге, показана их роль в социокультурной адаптации незащищенных групп.

Ключевые слова: социальный театр, типология, социокультурная адаптация, признаки, типология, функции, театральные проекты.

Социальный театр – явление, привлекающее все большее число сторонников: не только деятелей театра, но и представителей других сфер, иногда далеких от искусства. Однако заговорили об этом явлении не так давно, хотя исследователи отмечают, что на уровне театральных практик характерные признаки социального театра существовали и ранее. Последние работы Бориса Павловича (спектакли «Так-то, да» и «Я (не) уеду из Кирова», его деятельность в рамках педагогической лаборатории при БДТ), проект Ады Мухиной для подростков «Холодильник для пломбира», лауреат премии «Золотая маска», спектакль Всеволода Лисовского «Акын-опера». После того как эти проекты попали в поле зрения театроведов и критиков, между «социальным» и «самодетельным» театром перестали ставить знак равенства. В 2013 году «Петербургский театральный журнал» выпускает специальный номер, полностью посвященный социальным проектам в театре [6; 10; 11]. Через три года журнал «Театр» публикует материал «Театр. (А)социальный театр и его имена» [12]. В 2014 году жюри «Золотой маски» вручает премию в номинации «Эксперимент» спектаклю «Отдаленная близость», в котором на сцене плечом к плечу играют актеры с особенностями в развитии и без таковых [14].

Как любая текущая живая практика, социальный театр трудно поддается систематизации, поэтому дать точное определение этому явлению практически невозможно. Приведем определения, наиболее характерные для его успешных проектов.

Борис Павлович считает, что «...социальный театр – это когда зрители встречаются ради одной проблемы или темы, пользуясь при этом технологией, которая есть в театре» [16].

Вячеслав Дурненков на первый план выдвигает социальность таких проектов. Он уверен в том, что это «работа, в которой автор не застрахован от появления серьезных художественных результатов. Появляются они – прекрасно, но целью они не являются» [6, с. 73].

Надежда Мухина в своих исследованиях говорит о том, что на самом деле социальный театр существует давно, просто только сейчас к нему стали проявлять большой интерес. Она называет это явление «огромной поляной, заросшей перформативными практиками, мимо которой исследователи столько раз проходили стороной» [12; 25].

Джеймс Томпсон и Ричард Шехнер определяют социальный театр как «театр со специфическими социальными задачами» [28, с. 12]. Вот признаки, которые, по мнению исследователей, присущи этому явлению:

- социальный театр не может являться коммерческим продуктом;
- он может позволить себе быть не новаторским;
- социальный театр выбирает разные места действий, от тюрем до площадей (это зависит от того, на какую болевую точку театр хочет обратить внимание);

– в социальном театре вполне могут играть «не-актеры»: трудные подростки, заключенные, беженцы, мигранты и т. д.

Полагая, что отличительной особенностью социального театра является использование театра в утилитарных социальных целях (реабилитация, образование и т. д.), авторы делают выводы, что эстетические цели здесь отходят на второй план. С этой оценкой лишь отчасти согласен Б. Павлович, который предлагает считать социальным театром театр, «выходящий за рамки чистого искусства на территорию задач, лежащих в области реальной жизни, то есть реальных вопросов и проблем, которые являются болевыми точками общества, социума» [8]. Но при этом социальный театр начинается тогда, когда искусство с помощью своих прекрасных инструментов пытается эти вопросы решить.

Обобщая эти определения, можно сделать вывод: социальный театр – это всегда попытка обратить внимание на актуальные болевые проблемы современного общества с помощью средств искусства театра. А вот чего больше в таких проектах – социальности или театральности – каждый художник решает для себя сам.

Если смотреть на появление социального театра в историческом аспекте, то предпосылками стали процессы, происходящие в конце XIX – начале XX века. С одной стороны, причина его появления лежит в набирающем все большую силу рабочем движении, с другой – в развитии медицинских практик психотерапии.

Предтечей социального театра можно считать самодеятельные и народные театры. И пусть их целью были агитация и пропаганда, народ впервые получил право голоса и мог высказываться с театральных подмостков. Дальнейшее историческое развитие социального театра проходило в противоречии между тоталитаризмом и обществом потребления американского типа.

Переломным моментом в истории развития социального театра стал период 1970–1990-х годов. Экономические кризисы спровоцировали появление комьюнити-театров, театров по соседству, народных объединений. Социальный театр дает возможность артизации жизни и творчества через личностные проекты. Вот почему «ткань» театрального пространства ризомна. Нет жестких знаков «Стоп!». Нет ограничений. Эксперимент – суть социального театра.

Отсюда и появляются каждый год новые проекты, и количество их и интерес к ним с каждым годом растет. С подростками, заключенными, пожилыми и другими группами населения работают европейские театры: «Шaubюне» (Берлин, Германия), «Шаушпильхаус» (Дюссельдорф, Германия), «Травэрс» (Эдинбург, Шотландия) и др. В то же самое время в Европе и странах Африки, Азии, Северной и Латинской Америки действует множество независимых театральных трупп, которые создают представления, направленные на привлечение внимания к какой-либо социальной проблеме. Так, театральная компания из Великобритании «Cardboard Citizens» («Жители картонных коробок») занимается «театром, который меняет жизни, вместе с бездомными и для бездомных уже на протяжении 20 лет» [24]. Компания, основанная людьми, проживавшими в картонных коробках на окраине Лондона, выросла во всемирно известную организацию, которая сотрудничает с ведущими театрами и социальными службами Великобритании. В центре «Налагаат» [23] в Тель-Авиве (Израиль) работает театр, где играют слепые, слабовидящие, глухие и слабослышащие актеры, проводятся мастер-классы по языку жестов для всех желающих, открыто кафе «Blackout» (название можно перевести как «Затемнение» или «Выключение света»), в котором посетителям предлагается поужинать в полной темноте, а их поводырями-официантами являются слепые актеры театра.

Ада Мухина, создатель театрального проекта «Вместе» (2001), опираясь на западный опыт социальных театров, представила свою систематизацию зарубежных проектов:

1. Applied drama (прикладная драма), или applied theatre (прикладной театр). Явление, присущее Великобритании, Австралии, англоговорящим странам и странам, находящимся под британским влиянием, получило наибольшее распространение. Появление всевозможных местных театральных групп, культурных инициатив и проектов стало ответом общества на кризис 70-х. Люди получили возможность самовыражения; любой желающий непрофессиональный актер теперь мог быть услышанным другими. Многие народные театры рождались в комьюнити-центрах. «Театр в образовании», «театр угнетенных», «театр для развития» – все эти формы подготовили почву для появления «прикладной драмы», поскольку, как отмечают авторы книги «Театр как интервенция», сам термин «applied drama» появился в англоязычном пространстве значительно позже» [22; с. 16–17]. «Прикладная драма» – это

искусство, призванное решать проблемы в определенной области. Автор статьи «(А)социальный театр и его имена» в качестве примера приводит еще одно явление социального театра, реализуемое на базе Эдинбургского театра «Треверс», – «Class Act». Школьники под руководством профессионалов пишут пьесы и затем ставят их на профессиональной сцене. Таким образом, решается сразу несколько образовательных, воспитательных и развивающих задач.

2. «Театральная педагогика» – наиболее распространенный термин в Германии и немецкоязычных странах. Катализатором к росту интереса к практикам социального театра послужил период парижских протестов 70-х годов, после чего повсеместно стали возникать творческие объединения, созданные местными жителями. Влияние на историю развития социального театра в Германии оказали музейное искусство, психодрама, «театр угнетенных» Аугусто Боалья. Надо отметить, что это развитие и становление стало возможным и благодаря финансовой поддержке государства. Не случайно театральная педагогика стала специальностью, которой обучают в вузах. Театральные педагоги – звено, соединяющее общество и профессиональный театр.

3. Комьюнити-театр (Popular theatre). Распространен в США, Канаде. Театры, созданные по инициативе самих граждан общества, призваны решать социальные проблемы, задавать вопросы и отвечать на них в большей степени, чем развлекать и отвлекать от действительности. Важная черта этих театров – их существование независимо от государства. Они поддерживают связи прежде всего между людьми, поскольку в этих странах сильны традиции гражданского общества.

4. «Театр для развития» (Theatre for Development) распространен в странах Африки, Латинской Америки, Азии. Здесь социальный театр выполняет просветительские функции. На его площадках говорят о причинах бедности, неблагополучия, о способах борьбы с угнетением. С этим театром связаны имена двух выдающихся бразильских деятелей театра – автора педагогики угнетенных Пауло Фрейера и создателя «театра угнетенных» Аугусто Боалья. «Театр для развития» активно поддерживается такими организациями, как ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ; их волонтеры – создатели многих проектов театра. Их целью является повышение грамотности местного населения. Существуют и проекты «изнутри», созданные местным населением.

5. Театр социальных изменений (theatre for social changes). Он не имеет определенной географической привязки. Важно не только заметить проблему, но и предложить способы решения, выходы из ситуации, побудить к действию – вот главная задача этого театра. Как правило, создание такого спектакля ведется параллельно с деятельностью некоммерческих организаций или активистских групп. Важно не только «вскрыть» болевые точки, но и показать результат. Театр социальных изменений строится на концепции «повышения осознанности» из педагогики Пауло Фрейера.

Авторы работы «Почему «социальный театр»?» Джеймс Томпсон и Ричард Шехнер указывают на то, что социальный театр опирается на ту базу, в области которой он работает: «Театр в школах – на педагогическую науку; театр для развития – на различные теории развития (development theories) для анализа своей деятельности; театр в тюрьмах следует различным моделям криминологии и реабилитации, чтобы объяснить через них свою практическую работу» [28]. При этом авторы отмечают, что было бы ошибочным полагать: социальные спектакли играют в «театральных» местах – напротив, тюрьмы, больницы, лагеря беженцев «видят» представления каждый день – иногда незначительные и малозаметные, иногда более масштабные. Костюмы, модели поведения людей «представляются», играют по заданным правилам: «Социальный театр использует существующие представления, сценарии и игры, которые происходят в месте, изначально полном представлений, чтобы создать свое собственное представление» [28, с. 12–13].

Значительный интерес представляет работа М. Крупник, где она выделяет специфические характеристики социального театра по принципу исключенных групп, с которыми театр работает:

- по признаку особенностей здоровья и развития;
- по возрасту: дети, подростки, старшее поколение;
- в силу принадлежности к определенной этнической группе (например, мигранты, этнические меньшинства);
- в силу принадлежности к определенной социальной группе (например, в силу территориальной ограниченности): заключенные, пациенты больниц, реабилитационных центров и ПНИ, воспитанники социальных учреждений.

Еще один подход основан на способах вовлеченности группы в решение проблемы, на которую направлено театрализованное действие:

- сама группа вовлекается в процесс создания только на этапе сбора информации, то есть истории этих людей становятся основой спектакля, а воплощают их профессиональные актеры;
- представители исключенных групп сами выходят на сцену и получают возможность представить эти истории;
- смешанные группы актеров и «не-актеров» вместе работают над проектом от создания истории до ее воплощения;
- спектакли, созданные с учетом запросов некой социальной группы (сенсорный театр).

Особая роль отводится работе театра с незащищенными группами населения. Термин «незащищенные группы населения» законодательно нигде не закреплен, однако его определение в ряде законодательных актов сводится к следующему списку: инвалиды, ветераны, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей. В то же время, на наш взгляд, это понятие вбирает в себя более широкий круг лиц, включая тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации, стал жертвой преступления, дискриминации, насилия в семье и т. д.

На VII международном культурном форуме в Санкт-Петербурге, на межсекционной программе одной из ключевых тем, стал инклюзивный театр и современные технологии в культуре. Остановимся подробнее на двух событиях, проходивших непосредственно с участием актеров «особого театра». Одно из них – открытый мастер-класс «Особый театр. Театральная лаборатория для слепых и слабовидящих». Дата проведения – 15 ноября 2018 года, место – зал фонда «Про Арте» в Петропавловской крепости. Ведущие – два режиссера, активно работающие в сфере социального, в том числе инклюзивного, театра Дмитрий Крестьянкин и Борис Павлович. Участники – реабилитанты Центра медико-социальной реабилитации инвалидов по зрению, профессиональные актеры и гости, пришедшие на мастер-класс. Таким образом, соотношение людей с ограниченными возможностями и без таковых было приблизительно 50 на 50. В том, что это оптимальный процент и только его можно называть инклюзией, убеждена творческая группа проекта. В рефлексивной беседе после мастер-класса прозвучало мнение, что если профессионал в одиночку работает с группой, то это педагогика, когда группа смешана, вот это можно назвать инклюзией. Так получилось, что мастер-класс состоялся за две недели до премьеры спектакля «Не зря» на новой сцене Александринского театра, который стал результатом полуторагодовой работы участников проекта (2018 г.). Это сценическое исследование восприятия зрения. Что видят незрячие и чего не видят люди без ограничений по здоровью? Что для нас для всех зрение, восприятие, память, язык? Мастер-класс строился на упражнениях и этюдах, используемых в инклюзивной театральной лаборатории.

Знакомство проходило в упражнении «Друг на вечеринке». Всем участникам, разделенным на пары «зрячий-не зрячий», за десять минут нужно было рассказать друг другу о себе, затем представить своего партнера как своего друга и убедить собравшихся принять его в свою компанию. В общении один на один получалось не то чтобы погружение, но хотя бы прикосновение к миру другого человека:

- Люблю пластинки и старинные вещи.
- Почему именно старинные? Как ты понимаешь, что они старинные?
- У них аура другая, атмосфера в них другая, энергетика, тепло – все другое...

Подобные задания позволяют задуматься над теми вопросами, которые никогда раньше не волновали. Например, в теме «Цвет и тифлокомментирование», в упражнении «Я художник», нужно было описать картину. Для незрячих – придуманную, для зрячих – существующую в действительности. Для первых было познавательно. Они слышали либо о новой, неизвестной для них, еще не рассказанной картине, либо о новых подробностях и деталях уже известной работы. Для вторых же этот опыт был интересен с точки зрения восприятия слабовидящими того же цвета.

- Какого цвета шляпа у дамы на картине? – звучит наводящий вопрос.
- Синего.
- Какой он синий?
- Цвет неба.
- Как выглядит небо?

Вдруг приходит понимание, что ты и сам не можешь объяснить синий цвет – цвет неба, так же как не можешь объяснить некоторые вещи в упражнении «Я не могу себе представить...». Вся группа стоит в кругу, и нужно назвать то, что ты не можешь себе представить. Интересен тот факт,

что зрячие люди называли умозрительные явления: бесконечность Вселенной, Бога, мир по ту сторону и так далее. Актеры «особого театра» не могут себе представить закат, горизонт, прожектор, цвета. И объяснить эти понятия оказалось очень непростым делом.

– Горизонт – это линия, где небо сходится с землей.

– А как они могут сойтись, ведь земля же круглая?

В отдельном помещении находились декорации, созданные для спектакля «Не зря». Мягкие прутья, торчащие из ковровина, выполняют утилитарную функцию в постановке. По ним актерам «особого театра» легче ориентироваться в пространстве. Нам было предложено закрыть глаза и исследовать площадку, попробовать понять принцип расположения прутьев. Над художественным решением спектакля Александр Мохов работал полгода, предлагая разные варианты. Сложность заключалась в том, что нельзя было создавать эстетику для зрячих – это, с его точки зрения, было бы нечестно по отношению к незрячим. В конечном счете появился «лес палочек» – с одной стороны, это декорация, похожая на поле колосьев, а с другой – это тактильное навигационное поле для незрячих актеров.

Одним из запоминающихся упражнений мастер-класса стало упражнение «Крыло птицы», когда вся группа с закрытыми глазами повторяет движения за своим поводырем, становясь единой общностью людей, чувствующих в этот момент ответственность друг за друга. В этом этюде произошло два интересных открытия: с одной стороны, все участники оказались в одинаковых условиях, непривычных для одной половины группы, но вполне обыденных для второй, с другой – при равных условиях было ощущение неравных возможностей, потому что при малейшем дискомфорте одни могут «включить» зрение, а другие – нет.

Практически в неизменном составе творческая группа актеров и режиссеров была представлена в спектакле «Разговоры», который с декабря 2017 идет в пространстве «Квартира». Само помещение на Мойке, 40, – бывшая коммуналка с очень подробно воссозданным бытом 30–40-х годов на углу Мойки и Невского проспекта – предназначено, как утверждают ее жильцы, «для осмысления бесед». Спектакль носит одновременно и иммерсивный, и инклюзивный характер. В нем играют артисты с расстройством аутического спектра из центра «Антон тут рядом». «Разговоры» – это один из немногих пока в России проектов, в котором людям с РАС платят вознаграждение за актерскую работу. Их работу даже нельзя назвать актерской игрой, по крайней мере, не в этом проекте. Даниил Хармс в исполнении Стаса Бельского настолько серьезен в своем стремлении выписать все слова, заканчивающиеся на «тор», что невольно все присутствующие втягиваются в азартную игру словотворчества. Иммерсивный театр предлагает очень трудные условия существования для актеров – здесь требуются импровизация, спонтанность реакции, в то же время сохранение в образе. У актеров с РАС получается «жить в моменте» и при этом быть точкой средоточия внимания зрителей.

Пространство «Квартира» стало первым шагом на пути создания инклюзивной модели нового типа: «на смену попыткам притянуть «особого» человека к «условной» норме приходит необходимость совместно вырабатывать эффективные стратегии поведения» [2].

В спектакле нет четкой последовательности, и, хотя есть расписание, оно поначалу смущает. Например, с 17.50 до 18.00 рекомендовано перезнакомиться со всеми в комнате, а с 18.00 до 18.05 нужно смотреть на все предметы через рамки для фото и картин, с 18.05 до 18.10 выключаем свет и смотрим в окно. Разговоры по поводу увиденного, размышления вслух создают некую общность из незнакомых и не близких друг другу людей. В этих диалогах, полилогах Борис Павлович берет на себя роль камертона – общей точки начала звукового путешествия, основной ценностью которого, – пишет Павлович в своих комментариях, – является «возможность остановиться и созерцать, разговаривать, слушать, смотреть» [4].

Сегодня сложно давать окончательную оценку такому явлению, как «социальный театр», – слишком это все еще живо и горячо. Но те новые возможности, которые он открывает и в социальной, и в театральной практике, что происходит сейчас и возможность отстраненного анализа, наверное, и делает этот феномен привлекательным как для деятелей культуры, так и для непрофессионалов от театра, искренне желающих помочь обществу решить определенные проблемы.

Список литературы

1. Адрианова Т. О. Театр как социокультурный феномен / Т. О. Адрианова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7. С. 82–85.
2. Авдошина Е. Театр возвращается в квартиру / Е. Авдошина : в Петербурге стартует новый инклюзивный проект // Независимая газета: Культура. 2017. 13 ноября. URL: <http://www.ng.ru/culture/2017-11> (дата обращения: 02.04.2019).

3. Анисимова Е. Как экс-коммуналку в Петербурге превратили в квартиру, где играют люди с аутизмом. СПб : Собака.ru, 2017. URL: <http://www.sobaka.ru/city/theatre/65789> (дата обращения: 03.04.2019).
4. Артеменко Г. Хармс разрешил человеку быть странным / Г. Артеменко // Фонтанка.ru : информационный интернет-портал. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/12/13/077> (дата обращения: 04.04.2019).
5. Дунаева А. За горизонт и вглубь / А. Дунаева // Театр. Блог. 2018. URL: <http://oteatre.info/zagorizont-i-vglub> (дата обращения: 12.09.2018).
6. Дурненков В. Нетеатральная действительность. Петербургский театральный журнал. 2013. № 3(73). URL: <http://ptj.spb.ru/archive/73/voyage-from-spb-73-2/neteatralnaya-dejstvitel'nost>.
7. Зарецкая Ж. БДТ заключил договор с РГПУ им. Герцена и займется воспитанием учителей нового типа / Ж. Зарецкая // Фонтанка.ru : информационный интернет-портал. 2014. URL: <http://calendar.fontanka.ru/articles/1423>.
8. Инклюзион : офиц. сайт. URL: <http://inclusioncenter.ru/2018/08/14/teatr-za-ramkami-chistogo-iskusstva>.
9. Комок О. Идеальный квартирник. Фестиваль горизонтального театра в пространстве «Квартира» / О. Комок // DP.RU. 2017. URL: <https://www.dp.ru/a/2017/12/07>.
10. Кох С. Театральная педагогика в Германии / С. Кох, К. Лоренц, Д. Трахтермах : беседовала Ж. Кеберляйн // Петербургский театральный журнал. 2013. № 3(73).
11. Маккартни Н. Class Act: теория и практика / Н. Маккартни // Петербургский театральный журнал. 2013. № 3(73).
12. Мухина А. (А)социальный театр и его имена / А. Мухина // Театр. 2016. № 24/25. С. 68–75.
13. Мухина А. Социальный театр как междисциплинарное искусство : магистерская диссертация / А. Мухина. СПб, 2015.
14. Отдаленная близость : интегративный театральный проект : офиц. сайт. Театр-студия «Круг II». URL: <http://www.otdalenajablizost.ru>.
15. Павлович Б. Не так страшна цензура, как отсутствие запроса на правду / Б. Павлович / Петербургский авангард. Театры. 2015. URL: http://avangard.rosbalt.ru/texts/2015/03_March/pavlovichBoris.html (дата обращения: 06.04.2019).
16. Симонова М. Что такое социальный театр: «Территория» и Борис Павлович в Томске / М. Симонова // Томский обзор. ТО! 2017. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/532679---chto-takoe-sotsialnyj-teatr-territoriya-i-boris-pavlovich-v-tomske>.
17. Театр угнетенных : офиц. сайт. URL: <http://www.theatreoftheoppressed.org>.
18. Торнтон С. От личного к политическому: Театр социальных перемен в 21-м веке с особым вниманием к работе «Коллективные встречи» : обзор соответствующей литературы. Ливерпуль : Исследовательская лаборатория коллективных встреч, 2012.
19. Яужева Д. Хармс на час. Как хозяевам квартиры предлагают побыть ОБЭРИутами. Сноб, 2017. 28 декабря. URL: <https://snob.ru/entry/156214>.
20. Voal A. The Aesthetics of the Oppressed = Театр угнетенных / A. Voal. London : Pluto Press, 1979.
21. Bundesverband Theaterpädagogik e.V. = Ассоциация театральных педагогов (Германия) : офиц. сайт. URL: <http://www.butinfo.de>.
22. Na Lagaat Center (Тель-Авив, Израиль) : офиц. сайт. URL: <http://nalagaat.org.il>.
23. Cardboard citizens = Картонные граждане (Великобритания) : офиц. сайт. URL: <http://cardboardcitizens.org.uk/>.
24. Schechner R. Performance Studies: An Introduction. 3 edition London and New York, Routledge, 2013. 376 p.
25. Schaubuehne (Берлин, Германия) = Театр : офиц. сайт. URL: <https://www.schaubuehne.de>.
26. Thompson J. Applied Theatre: Bewilderment and Beyond. РИДЛИ : электронная библиотека. URL: <https://readli.net/applied-theatre>.
27. Thompson J. Why «Social Theatre»? / J. Thompson, R. Schechner. TDR: The Drama Review. 2004. Vol. 48. N. 3 (T. 183).

Social theater as a form of socio-cultural adaptation of vulnerable groups

A. Yu. Korneeva

post-graduate student of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: sobakkaxo@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the role of social theater as a form of socio-cultural adaptation of vulnerable groups. Statements of the practitioners of theater, who are fruitfully working in this direction, are given. The features of projects of social theatre are indicated, the characteristics of the principle of ex-

cluded groups are given, some phenomena that have become prerequisites for social theatre are enumerated. The analysis of different approaches to social theater projects related to their functionality is carried out. A special place is given to the status of the concept of "vulnerable groups". The analysis of theater projects with the participation of actors of the "special theater", held in November 2018 in the framework of the international cultural forum in St. Petersburg, shows their role in the socio-cultural adaptation of vulnerable groups.

Keywords: social theatre, typology, social and cultural adaptation, features, typology, functions, theatre projects.

References

1. *Adrianova T. O. Teatr kak sociokul'turnyj fenomen* [Theatre as a socio-cultural phenomenon] / T. O. Adrianova // *Adrianova T. O. Teatr kak sociokul'turnyj fenomen* – Herald of the Orenburg State University. 2014, No. 7, pp. 82–85.
2. *Avdoshina E. Teatr vozvrashhaetsya v kvartiru* [Theatre returned to the apartment] / E. Avdoshina : *v Peterburge startuet novyy inklyuzivnyy projekt* - E. Avdoshina: in St. Petersburg kicks off a new inclusive project // *Nezavisimaya gazeta: Kul'tura* – The Independent newspaper: Culture. 2017, 13 Nov. Available at: <http://www.ng.EN/culture/2017-11> (date accessed: 02.04.2019).
3. *Anisimova E. Kak eks-kommunalku v Peterburge prevratili v kvartiru, gde igrayut lyudi s autizmom* [As an ex-communal apartment in St. Petersburg turned into an apartment where people with autism play]. SPb. Sobaka.ru. 2017. Available at: <http://www.sobaka.ru/city/theatre/65789> (date accessed: 03.04.2019).
4. *Artemenko G. Harms razreshil cheloveku byt' strannym* [Harms has allowed a man to be strange] / G. Artemenko // *Fontanka.ru: informacionnyj internet-portal* – Fontanka.ru: informational Internet portal. Available at: <https://www.fontanka.ru/2017/12/13/077> (date accessed: 04.04.2019).
5. *Dunaeva A. Za gorizont i vglub'* [Over the horizon and deep into it] / A. Dunaeva // *Teatr. Blog* – Theater. Blog. 2018. Available at: <http://oteatre.info/za-gorizont-i-vglub> (date accessed: 12.09.2018).
6. *Durnenkov V. Neteatral'naya dejstvitel'nost'* [Non-theatrical reality]. *Peterburgskij teatral'nyj zhurnal* – Petersburg theatre magazine. 2013. № 3(73). Available at: <http://ptj.spb.ru/archive/73/voyage-from-spb-73-2/neteatralnaya-dejstvitel'nost>.
7. *Zareckaya Zh. BDT zaklyuchil dogovor s RGPU im. Gercena i zajmetsya vospitaniem uchitelej novogo tipa* [Great Drama Theatre signed a contract with Russian State Pedagogical University n.a. Herzen and also will be engaged in education of teachers of new type] / Zh. Zaretskaya // *Fontanka.ru: informacionnyj internet-portal* – Fontanka.ru: information Internet portal. 2014. Available at: <http://calendar.fontanka.ru/articles/1423>.
8. *Inklyuzion: ofic. sajt* – Inclusion : ofic. website. Available at: <http://inclusioncenter.ru/2018/08/14/teatr-za-ramkami-chistogo-iskusstva>.
9. *Komok O. Ideal'nyj kvartirnik. Festival' gorizontalnogo teatra v prostranstve Kvartira* [Perfect home concert. Festival of horizontal theater in the space Apartment] / O. Komok // DP.RU. 2017. Available at: <https://www.dp.ru/a/2017/12/07>.
10. *Koh S. Teatral'naya pedagogika v Germanii* [Theatre pedagogy in Germany] / S. Koch, K. Lorenz, D. Trahternah: interviewed by J. Keberlein // *Petersburg theatre journal*. 2013, № 3(73).
11. *McCartney N. Class Act: teoriya i praktika* [Class Act: theory and practice] / N. McCartney // *St. Peterburgskij teatral'nyj zhurnal* – Petersburg theatre magazine. 2013, № 3(73).
12. *Muhina A. (A)social'nyj teatr i ego imena* [(A)social theater and its names] / A. Mukhina // *Teatr* - Theater. 2016, No. 24/25, pp. 68–75.
13. *Muhina A. Social'nyj teatr kak mezhdisciplinarnoe iskusstvo: masterskaya dissertaciya* [Social theater as an interdisciplinary art: master's thesis] / A. Mukhina. SPb. 2015.
14. *Otdalennaya blizost': Integrativnyj teatral'nyj projekt : ofic. sajt. Teatr-studiya «Krug II»* – Distant closeness: Integrative theater project: official site. Theatre-Studio "Krug II" ("Circle II"). Available at: <http://www.otdalennajablizost.ru>.
15. *Pavlovich B. Ne tak strashna cenzura, kak otsutstvie zaprosa na pravdu* [Not as terrible the censorship as the lack of a request for the truth] / B. Pavlovich // *Peterburgskij avangard. Teatry* – St. Petersburg avantgarde. Theatres. 2015. Available at: http://avangard.rosbalt.ru/texts/2015/03_March/pavlovichBoris.html (date accessed: 06.04.2019).
16. *Simonova M. Chto takoe social'nyj teatr: «Territoriya» i Boris Pavlovich v Tomske* [What is the social theater: "Territory" and Boris Pavlovich in Tomsk] / M. Simonova // *Tomskij obzor. TO!* – Tomsk review. TO! 2017. Available at: <https://obzor.westsib.ru/article/532679---chto-takoe-sotsialnyj-teatr-territoriya-i-boris-pavlovich-v-tomske>.
17. *Teatr ugnennyh: ofic. sajt* – Theatre of the oppressed: ofic. website. Available at: <https://www.theatreoftheoppressed.org>.
18. *Thornton S. Ot lichnogo k politicheskomu: Teatr social'nyh peremen v 21-m veke s osobym vnimanem k rabote «Kollektivnye vstrechi» : obzor sootvetstvuyushhej literatury* [From personal to political: Theatre of social change in the 21st century with a special focus on the work "Collective meetings": a review of relevant literature]. Liverpool: collective meetings of the Research laboratory. 2012.

19. *Yausheva D. Harms na chas. Kak hozyaevam kvartiry predlagayut pobyt' OBERIutami* [D. Harms for an hour. As the owners of the apartment offered to become a OBERIUuts (OBERIU – Association of Real Art)]. Snob. 2017. 28 Dec. Available at: <https://snob.ru/entry/156214>.
20. *Boal A. The Aesthetics of the Oppressed* / A. Boal. London: PlutoPress, 1979.
21. Bundesverband Theaterpädagogik e.V. = Association of Theater Pedagogues (Germany): ofic. website. Available at: <http://www.butinfo.de>.
22. NaLagaatCenter (Tel-Aviv, Israel): ofic. website. Available at: <http://nalagaat.org.il>.
23. Cardboardcitizens = Cardboard citizen (Great Britain): ofic. website. Available at: <http://cardboardcitizens.org.uk/>.
24. *Schechner R. Performance Studies: An Introduction*. 3 edition London and New York, Routledge, 2013. 376 p.
25. Schaubuehne (Berlin, Germany) = Theatre: ofic. website. Available at: <https://www.schaubuehne.de>.
26. *Thompson J. Applied Theatre: Bewilderment and Beyond*. RIDLI: electronic library. Available at: <https://readli.net/applied-theatre>.
27. *Thompson J. Why «Social Theatre»? / J. Thompson, R. Schechner. TDR: The Drama Review*. 2004. Vol. 48. N. 3 (T. 183).

Сетевая культура как проблема современного зарубежного кинематографа в контексте теорий метамодернизма

М. Н. Родионова

аспирант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: mar1986rod@gmail.com

Аннотация. В статье дается краткий обзор культурологических концепций, с начала XXI века применяемых исследователями для характеристики новой эпохи, определяющей характеристикой которой является наличие цифровых технологий и сетевые взаимодействия людей с помощью этих технологий. Эти концепции, имеющие различные названия (постпостмодернизм, псевдомодернизм, метамодернизм и др.), развивают идеи модернизма и постмодернизма. Метамодернизм, о котором идет речь в статье, определяется авторами этого термина Т. Вермюленом и Р. ван ден Аккером как «новая структура чувства». Свидетельством этой новой структуры чувства является в том числе и современное киноискусство. Основываясь на классификации, предложенной Г. Дембером, автор рассматривает художественное отражение стратегий метамодернизма в современных кинофильмах о сетевой культуре («Нерв», «Она», «Ингрид едет на Запад», «Первому игроку приготовиться»). Анализируются такие приемы, как *метарефлексивность*, *двойная нарративная рамка*, *колебания между противоположными состояниями*, *сочетание в киноповествовании изображения «странного», «мелкого» и «эпического», антропоморфизация техники* и др.

Ключевые слова: сетевая культура, постмодернизм, метамодернизм, кинематограф.

Конец 1990-х годов отмечен наступлением новой культурной эпохи, характеризующейся постепенным отказом от постмодернистских методов. Исследователи констатируют, что постмодернизм отошел на второй план, а ему на смену пришла новая эстетика. Исследователи предлагают в качестве ее названия близкие по смыслу термины: метамодернизм (Т. Вермюлен и Р. ван дер Аккер, Г. Дембер, Л. Тернер), постпостмодернизм, псевдомодернизм, диджимодернизм (А. Кирби), альтермодернизм (Н. Буррио), автомодернизм (Р. Самуэлс). В 2000–2010 годы появляется ряд работ, в которых с этой точки зрения осмысляются изменения, происходящие в жизни и искусстве.

К важным работам об этом направлении следует отнести статью Алана Кирби «Смерть постмодернизма и то, что после» (2006) и его книгу «Диджимодернизм: как новые технологии разрушают постмодерн и перестраивают нашу культуру» (2009). В 2010 году голландские исследователи Тимотеус Вермюлен и Робин ван ден Аккер выпускают статью «Заметки о метамодернизме», а в 2017 году – сборник статей-эссе «Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма». В 2008 году выходит книга «Автомодернистичность после постмодернизма» Роберта Самуэлса, а через год – книга «Альтермодернизм» Николая Буррио. В 2011 году Люк Тернер выпускает «Метамодернистский манифест», развивающий идеи Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера.

Очевидно, что метамодернизм, как и предшествовавший ему постмодернизм, является «зонтичным» определением. Многие термины, понятия и язык оно заимствует у предшествующего ему постмодернизма. Однако в метамодернизме тенденции постмодернизма приобретают новую форму, значение и направление, возвращая ряд особенностей модернизма. Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер называют метамодернизм новым типом дискурса и «новой структурой чувства», характеризуя такие «эстетико-этические понятия», как реконструкция, миф, надежда, вовлечение, общность, целостность, чистота. Отношение к идеалам в эпоху метамодернизма характеризуется «информированной наивностью» и «прагматическим идеализмом» [12].

Тенденции метамодернизма появляются во всех видах искусства: литературе (Д. Ф. Уоллес, Х. Мураками, Дж. Франзен, Д. Эггерз), архитектуре (бюро «Херцог и де Мерон», Т. Тернер), кино (М. Мур, С. Джонз, У. Андерсон, М. Гондри, Ч. Кауфман, М. Сперлок), перформансе (творче-

ская группа «Лабф, Ренкко и Тернер»), популярной музыке. Кинематограф, по мнению критики, представлен такими фильмами, как «Семейка Тененбаум», «Наполеон Динамит», «Быть Джоном Малковичем», «Вечное сияние чистого разума», «Нью-Йорк, Нью-Йорк»¹.

Аналитик культуры и автор веб-сайта, посвященного метамодернизму, Грег Дембер в эссе «После постмодернизма: одиннадцать метамодернистских стратегий в искусстве» (2018) выделяет методы и стратегии, используемые в современных произведениях культуры и искусства. Автор оперирует такими понятиями, как:

- метарефлексивность;
- двойная нарративная рамка;
- колебания между противоположностями;
- изображение странного;
- изображение мелкого (метамодернистский минимализм);
- изображение эпического² (метамодернистский максимализм);
- конструктивный пастиш;
- сочетание иронии и честности;
- нормкор³;
- гиперпроекция (антропоморфизация);
- «мета-трогательность».

Очевидно, что метамодернистические методы в современном искусстве, выделенные Г. Дембером, имеют много общего и дополняют друг друга, а также перекликаются с методами постмодернизма. Как и в постмодернизме, в метамодернизме существует саморефлексивность, тенденция к насыщению произведений отсылками к культурным текстам различных эпох, бинарные оппозиции. Однако в произведениях метамодернизма присутствуют не характерные для постмодернизма чувства: искренность, сентиментальность, уважительное отношение к прошлому. Ирония и сарказм, типичные для постмодернизма, в метамодернизме уравновешиваются за счет искренности нового типа.

Кинематограф, поднимающий тему сетевой культуры и сетевой коммуникации, жизни социума, обусловленной цифровыми технологиями, транслирует новую эстетику, выходящую за границы привычного постмодернизма.

Метарефлексивность, заимствованная из постмодернизма, в рамках метамодернизма предполагает обращение в произведении к «собственному проживаемому внутреннему опыту» автора, который дает образец для саморефлексии своего внутреннего опыта зрителем [8]. При этом зритель может воспринимать себя как актера в своем личном кино. Метарефлексивность становится возможна благодаря новому типу отношений между текстом и его аудиторией. Как отмечает А. Кирби, в современную эпоху реципиент произведения становится соавтором текста и интерактивно взаимодействует с текстом. Если в постмодернизме культура было подобна спектаклю или экрану и зритель оставался в пассивном положении, современная культура не может существовать без действий ее потребителя.

Стратегия метарефлексивности используется особенно широко в так называемых *desktop-фильмах* – картинах, действие которых происходит на экране компьютера или смартфона. Эти фильмы («Чат», 2010, реж. Х. Наката; «Открытые окна», 2014, реж. Н. Вигалондо; «Логин», 2015, реж. А. Барноцкий; «Кибер-террор», 2015, реж. Б. Чанан) создают эффект погружения зрителя в действие. Экран десктоп-фильма мимикрирует под экран бытового мобильного телефона или компьютера, отчего стирается рамка между произведением и реальностью, а зритель ощущает себя участником действия фильма. Зритель воспринимает происходящее на экране компьютеров персонажей как происходящее на экране его собственного компьютера (особенно если просмотр осуществляется в домашних условиях), сживаясь с персонажами и относясь к их действиям как своим собственным. Так, в десктоп-фильме «Нерв» (2016, реж. Г. Джуст, Э. Шульман) смоделирована ситуация участия в игре на выживание, где задания игрокам раздают зрители, которые наблюдают за играющими в режиме реалити-шоу. Зрители внутри фильма выступают как метарефлексивные «аватары» зрителей, смотрящих сам фильм.

¹ <https://www.imdb.com/list/ls063658458>

² Понятие «эпического» здесь следует рассматривать как синоним «грандиозного», «пышного».

³ Направление современной моды, характеризующееся стремлением носить обычную, неяркую, не экстравагантную одежду.

Двойная рамка – термин, изначально предложенный Раулем Эшельманом в эссе «Перформатизм, или Конец постмодернизма» (2000), – предполагает наличие в произведении внешней и внутренней повествовательной рамки, сцепленных друг с другом [6]. Развивая идею двойной рамки, Г. Дембер отмечает, что внешняя рамка произведения может отличаться фантазийностью, а внутренняя предполагает эмоциональную искренность. Другими словами, реципиент сталкивается с необычными обстоятельствами, в которых происходит действие произведения – то есть с внешней рамкой; но истории существующих в этих необычных обстоятельствах персонажей – внутренняя рамка – оказываются вполне понятными и близкими аудитории. Во внутренней рамке происходят события и показывается «чувственный опыт» автора, находящий отклик в чувственном опыте реципиента. Метод двойной рамки является одним из ведущих приемов фильмов о сетевой культуре. Зачастую действие этих фильмов происходит в фантастической среде: внутри компьютерной игры или мира, измененного технологиями будущего. Однако внутри этой подчеркнуто нереалистичной, искусственно созданной внешней рамки рассказываются истории людей, испытывающих не фантастические, а человеческие чувства, находящие отклик у зрителей.

Позволим также высказать предположение, что двойная рамка – это принцип, который удачно описывает явление сетевой культуры как таковой. В качестве внешней рамки в сетевой культуре выступает технологическая оболочка (цифровые устройства, телекоммуникационная связь) – среда, кажущаяся непознаваемой рядовому пользователю компьютеров и интернета. Однако содержание, находящееся внутри этой сложной, искусственно созданной среды, имеет полностью человеческую природу и доступно для понимания.

Двойная рамка действует также и в сетевом общении. Каждый человек в интернете создает цифровую копию себя (ею может быть профиль в социальной сети, персонаж в компьютерной игре), изначально являющуюся сконструированной. За этой внешней фантастической рамкой скрывается подлинная личность человека, которая может проявляться при сетевом общении.

Метод *колебания между противоположностями* также заимствован из постмодернизма. Колебания в данном случае подразумевают одновременную реализацию в произведении двух противоположных качеств, отношений, настроений или состояний.

Метафорически эти колебания обозначаются как маятник, совершающий «осцилляции», то есть движения от одного состояния к другому: от иронии к искренности, от прошлого к будущему, от природы к технике и т. п. При этом метамодернистское произведение обладает способностью к саморегуляции: когда маятник слишком сильно уходит в сторону одного состояния, он автоматически начинает тянуться к другому [12]. Примеры таких колебаний в фильмах о сетевой культуре будут рассмотрены ниже.

Метод *изображения странного* характеризует присутствие в произведениях персонажей, которые эксцентричны и «героически странны» одновременно. Благодаря своей странности они находятся вне нормы и вместе с тем обладают некими универсальными человеческими качествами и «эмоциональной правдой» [8]. «Странные» персонажи встречаются в любых жанрах и любой эпохе развития кинематографа, но в фильмах о сетевой культуре сформировался особый тип такого героя. По наблюдению А. Кирби, субъект эпохи модернизма – это невротик, постмодернизма – шизофреник, а постпостмодернизма – аутист [9]. Именно такой «странный», самоуглубленный, отрезанный технологиями от других людей герой встречается в фильмах о сетевой культуре. В одной из сцен картины «Одиночество в Сети» (2006, реж. В. Адамак) главная героиня Эва, размышляя о своих отношениях с любимым мужчиной, которого она знает только благодаря общению в интернете, ведет беседу сама с собой, разделившись на Сердце и Разум, которые выглядят как две одинаковые копии девушки, сидящие за столом друг напротив друга. Ситуация напоминает общение подруг в кафе, но мы видим, что Эва говорит сама с собой. Распространенным приемом в таких фильмах становится показ общим планом людей, идущих с опущенными головами по улице со смартфонами в руках. В фильме «Она» (2013, реж. С. Джонз) показаны «аутические» субъекты, увлеченно беседующие вслух с искусственным интеллектом, встроенным в операционные системы мини-компьютеров и делящиеся самыми сокровенными чувствами с искусственными собеседниками, но при этом не обращающие внимания друг на друга. Оказывается, что значительная часть эмоциональной и интеллектуальной жизни человека эпохи метамодернизма проходит в молчании. Герои фильма чаще всего не находят ничего странного в этой ситуации, потому что она стала для них привычной реальностью, однако зритель фильма ощущает неправильность и даже гротесковость происходящего.

Дж. Макдауэлл в статье «Заметки о странном» (2010) характеризует «странную» эстетику как «комичность, которая требует, чтобы мы рассматривали выдуманное произведение как абсурдное и одновременно трогательное, персонажей как жалких и одновременно вызывающих симпатию, мир как явно искусственный и одновременно правдоподобный» [10]. Абсурдно-правдоподобные ситуации и персонажи такого типа, вызывающие и симпатию, и жалость, нередки в фильмах о сетевой культуре. Главная героиня фильма «Ингрид едет на запад» (2017, реж. М. Спайсер) Ингрид Торберн строит свою жизнь по образцу популярных в интернете людей, подражая своей подруге Тейлор, с которой познакомилась в социальной сети. Ингрид крадет собаку Тейлор и, чтобы встретиться с девушкой лично, переезжает в заброшенный дом с целью иметь возможность видеть подругу. Ингрид – это абсурдный, но одновременно вызывающий симпатию гиперболизированный образ современного человека, находящего в технологиях средство, позволяющее уменьшить чувство тревоги перед реальным миром.

Стратегию изображения «странного» дополняет стратегия изображения *малого (метамодернистского минимализма)*, которая предполагает простоту и отсутствие излишней декоративности, создающие «ранимость и интимность, что позволяет читателю приблизиться к переживаемому опыту, выраженному в произведении» [8]. Напротив, стратегия *изображения эпического (метамодернистского максимализма)* подразумевает избыточность, грандиозность, героичность, экстравагантность произведения. Нередко малое и эпическое в произведениях метамодернизма переплетаются по описанному выше принципу колебания. В качестве примера эпического Г. Дембер приводит современный ритуал публичного и пышно организованного предложения о свадьбе, который часто фиксируется на видео. Некогда глубоко интимный и приватный процесс сегодня становится публичным. «Эпичность» такого рода прослеживается во многих фильмах о сетевой культуре. В них приватные и тривиальные процессы – разговоры между друзьями, обмен информацией – добровольно или вынужденно выносятся на публику, приобретают значение важного события и наделяются пафосом, который был бы невозможен в доцифровую эпоху. Это отражает современное состояние культуры, в которой «события Сети начинают доминировать над традиционной жизненной реальностью» [3]. Так, в серии «Нырок» сериала «Черное зеркало» (2016, реж. Д. Райт) объектом заботы и тревоги персонажей становится их рейтинг, формирующийся за счет оценок звездочек, которые люди ставят друг другу за все действия. Любая отрицательная оценка, которую получает Лейси Паунд, главная героиня серии, становится для нее источником стресса и вынуждает делать все возможное для улучшения собственного рейтинга и зарабатывания звездочек. Мелкий объект – звездочка, символизирующая межличностные отношения людей, – приобретает, таким образом, эпическую значимость и драматизм.

Еще одним заимствованным из постмодернизма приемом становится *конструктивный пастиш*. Пастиш предполагает противопоставление разнородных элементов разных культур или жанров в одном произведении. Если пастиш в постмодернизме стремился к диссоциации и абсурду, то в метамодернизме существует стремление комбинировать в произведениях разнородный опыт, встречающийся в реальной жизни⁴ [8]. При этом пастишизация в метамодернистских фильмах отличается транссентиментализмом – искренностью, отсутствием иронии, лиризмом, которые проявляются особенно отчетливо в интересе к прошлому и идеализированных представлениях о нем [1]. В метамодернистских произведениях могут присутствовать ностальгия и футуризм одновременно [11]. Безусловно, такое отношение к прошлому возможно только для представителей молодого поколения, не видевших своими глазами идеализируемой ими эпохи.

Наглядный пример использования метода конструктивного пастиша встречается в фильме «Первому игроку приготовиться» (2018, реж. С. Спилберг). Половина действия фильма, действие которого происходит в 2045 году, разворачивается внутри компьютерной игры с дополненной реальностью, называемой «Оазис», – гигантского по масштабам спецэффектов мира, в котором переплетаются одновременно прошлое и будущее, огромной игровой вселенной, составленной из фрагментов разнородных культурных текстов. Весь фильм озвучен популярными песнями 1980-х годов. Главный герой фильма, 18-летний Уэйд Уоттс, искренне любит эстетику этого десятилетия, носит прическу и одежду той эпохи. В реальном мире, показанном в фильме, в компании, занимающейся разработкой игр с дополненной ре-

⁴ Благодаря этому отличию от постмодернизма с его стремлением к деконструкции метамодернистский пастиш получает у Г. Дембера название «конструктивного».

альностью, существует целое подразделение, увлеченное изучением поп-культуры прошлого. Знание исторических реалий ушедших эпох имеет большую ценность для персонажей, и когда они говорят об искусстве прошлого, в их отношении к нему нет иронии – они искренне восхищаются музыкой и модой прошлого века. Временная дистанция, отделяющая этих молодых людей от ушедшей эпохи, исключает иронию, позволяя им смотреть на прошлое и его культуру свежим, заинтересованным взглядом.

С конструктивным пастишем перекликается стратегия сочетания *иронии и честности*, которая предполагает присутствие в произведении одновременно ироничности и искренности или использование иронии и сарказма для передачи серьезного содержания и подлинных эмоций. По мнению искусствоведа Т. Вагнер, художники эпохи метамодернизма «очень хотят снова вести диалог, они снова хотят вовлекать зрителя, но не сухим, концептуальным способом. Эти художники снова хотят аффекта, они хотят говорить о любви» [7]. Т. Вермюлен комментирует отношение этих художников к иронии таким образом: «Ирония присутствует, но они на время воздерживаются от нее» [7]. Эта «новая искренность» «проявляется в... выражении человеком своего отношения к разным сторонам жизни, честности в изучении своих сильных и слабых сторон, а также выраженном интересе к естественности в целом» [2]. Приведенные цитаты справедливы и для работ мастеров кино эпохи метамодернизма.

Стремление к искренности также объясняет обращение режиссеров к изображению психологических проблем: кибербуллинг, страданиям, одиночеству, самоубийствам. Возможно, оно становится результатом желания скомпенсировать «аватаризацию» общения, которая произошла в сетевой культуре. Люди общаются в интернете в масках сконструированных идентичностей, но при этом у них сохраняется, а возможно, и усиливается желание узнать правду о собеседнике и увидеть за аватаром подлинного человека. Таким образом, новую искренность можно рассматривать как реакцию на искусственность, порожденную технологиями.

Гиперпроекция (антропоморфизация) подразумевает проецирование человеческих качеств на неживые, нечеловеческие предметы – в метамодернистских произведениях это могут быть говорящие животные, машины, предметы с антропоморфными чертами. Метод гиперпроекции занимает одно из ведущих мест в фильмах о сетевой культуре. Отметим, что современные философы – такие как Т. Вермюлен, Л. Тернер, описывая состояние культуры после постмодернизма, используют термины естественных наук: колебания, полярности, маятник. Это соответствует пониманию человека в сетевой культуре как существа, тесно связанного с техникой. В фильмах о сетевой культуре гиперпроекция выходит на более высокий уровень – технические устройства наделяются в них не только человеческими чертами, но и человекоподобным разумом, интеллектом и мотивациями. Компьютерные устройства или программы начинают жить собственной жизнью, а персонажи фильмов начинают относиться к ним как к живым и разумным существам. Сценарий взаимодействия людей с антропоморфизированной техникой обычно развивается двумя путями. Первый предполагает порабощение человека его техникой и возможную гибель (фильм «Андроид», реж. Б. Бурманс, 2013). Другой более оптимистичен и заканчивается успешным сотрудничеством и даже сотворчеством человека с машиной. В фильме «Она» одинокий разведенный писатель Теодор Туомбли устанавливает на свой компьютер новую операционную систему на основе искусственного интеллекта, общение с которой позволяет ему пережить сложный период в личной жизни. В фильме «Симона» (2002, реж. Э. Никкол) виртуальная актриса Симона позволяет персонажу-режиссеру завершить начатый фильм и приносит ему желанную известность.

Метод изображения «*мета-трогательных*» образов близок методам «странного» и гиперпроекции. Он предполагает наличие в произведении предметов, вызывающих ассоциации с детством, простотой, воспоминаниями о прошлом. В метамодернистских произведениях он также проявляется в наличии персонажей с детскими чертами характера или детей, выступающих героями фильмов для взрослой аудитории. Главные герои многих фильмов о сетевой культуре – подростки или взрослые с интересами, более свойственными детям. Кроме того, в фильмах о сетевой культуре существует особый тип картин о компьютерных гиках – персонажах, которых можно охарактеризовать как «взрослых детей». Персонажи-гики «изображаются почти без исключения как высокоинтеллектуальные, но физически и социально неловкие, неспособные легко или эффективно взаимодействовать с людьми за пределами их собственного социального окружения» [5, p. 9].

Финальная сцена фильма «Первому игроку приготовиться» содержит яркие «метатрогательные» образы. Мы добираемся до виртуального сердца компьютерной игры «Оазис» и обна-

руживаем, что он находится в детской комнате ее создателя Джеймса Холлидея, гениального разработчика компьютерных игр. Оказывается, что Холлидей – неловкий и застенчивый мечтатель и творец, обаятельный в своей стеснительности человек, который испытывал страх перед миром и ощущал себя в нем чужим, – построил «Оазис» как личную вселенную, поместив туда все книги, фильмы, музыку и игры, которые он любил, а также себя самого в образе ребенка и старика.

Вероятно, «трогательные» образы и герои современных фильмов о сетевой культуре символизируют борьбу с общим тревожным настроением, характерным для эпохи метамодернизма. Как отмечает А. Кирби, хотя у людей есть техника, от обладания ею они не становятся психологически более устойчивыми или мудрыми. Люди эпохи метамодернизма существуют в режиме колебания между их обширными техническими знаниями и навыками и психологической и социальной «незащищенностью», становясь одновременно «инфантильными и продвинутыми, могущественными и беспомощными» [9]. Неудивительно, что в таких условиях вырабатывается страх перед миром и страх потерпеть неудачу. «Трогательные» образы позволяют «символически миниатюризировать, «очеловечивать» и «приручать» враждебные социальные силы и институты» [4, с. 91].

В заключение отметим, что практически все из упомянутых стратегий метамодернизма используются в кинофильмах о сетевой культуре: колебания между полюсами «техника – человек», «прошлое – будущее», «мелкое – эпическое», «фантастическое – правдоподобное»; наличие персонажей, для которых типичны некоторая аутичность и инфантильность и вместе с тем потребность в общении; взгляд на технику, которая выступает как средство, помогающее героям этих фильмов устанавливать связь с другими людьми и одновременно замыкающее их общение на себе самих. Очевидно, что формирование в последние двадцать лет «новой структуры чувства», которую описывает метамодернизм, во многом связано с развитием сетевой культуры. В дальнейшем представляется перспективным выяснить, почему с развитием сетевой культуры и компьютерно-опосредованной коммуникации возникает эта потребность в изменении структуры чувства в сторону большей искренности и отказа от иронии.

Список литературы

1. Беспалая О. П. После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 20–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/posle-postmoderna-altermoedern-transmoedern-postpostmodern> (дата обращения: 9.04.2019).
2. Гребенюк А. А., Златковский В. В. Психологические особенности групп «Новые Умные» и «Аутсайдеры Метамодернистского Мира» // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия «Педагогика. Психология». 2018. № 2(12). С. 23–30. URL: <https://metaxy-psy.blogspot.com/p/316.html> (дата обращения: 9.04.2019).
3. Нургалева Л. В. Этический императив сетевой культуры // Открытое и дистанционное образование. 2002. № 4(8). С. 175–178. URL: [https://ido.tsu.ru/other_res/pdf/4\(8\)702Nurgaleeva_\(TGU\).pdf](https://ido.tsu.ru/other_res/pdf/4(8)702Nurgaleeva_(TGU).pdf) (дата обращения: 9.04.2019).
4. Сафина А. М. Сетевая культура как продукт и условие развития сетевых сообществ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 5. С. 87–95. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/setevaya-kultura-kak-produkt-i-uslovie-razvitiya-setevyh-soobshchestv> (дата обращения: 9.04.2019).
5. Cardiel C. L. Are We Cool Yet?: A Longitudinal Content Analysis of Nerd and Geek Representations in Popular Television. 2012. Dissertations and Theses. Paper 810. 160 p. DOI: 10.15760/etd.810. URL: https://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1809&context=open_access_etds (дата обращения: 9.04.2019).
6. Eshelman R. Performatism in Art // Anthropoetics. 2007–2008. Vol. XIII. № 3. URL: <http://anthropoetics.ucla.edu/ap1303/1303eshelman> (дата обращения: 9.04.2019).
7. Forbes A. The Metamodern Mindset [A Study on Contemporary Reality] // Berlin Art Journal. 2012. 23 March. URL: <https://web.archive.org/web/20120410091618/http://www.berlinartjournal.com/issue/metamodern-mindset> (дата обращения: 9.04.2019).
8. Dember G. After Postmodernism: Eleven Metamodern Methods in the Arts. 2018. 17 April. URL: <https://medium.com/what-is-metamodern/after-postmodernism-eleven-metamodern-methods-in-the-arts-767f7b646cae>.
9. Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond. 2006. URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (дата обращения: 9.04.2019).
10. MacDowell J. Notes on Quirky // Movie: A Journal of Film Criticism. 2010. № 1. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/film/movie/contents/notes_on_quirky.pdf (дата обращения: 9.04.2019).
11. Turner L. Metamodernist Manifesto. 2011. URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 9.04.2019).

12. Vermeulen T., Akker van den R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. 2010. Vol. 2. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/jac.v2i0.5677> (дата обращения: 9.04.2019).

Network culture as a problem of modern foreign cinema in the context of theories of metamodernism

M. N. Rodionova

post-graduate student of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: mar1986rod@gmail.com

Abstract. The article gives a brief overview of cultural concepts used by researchers since the beginning of the XXI century to characterize the new era, the defining characteristic of which is the presence of digital technologies and network interactions of people using these technologies. These concepts, which have different names (postmodernism, pseudomodernism, metamodernism, etc.) develop the ideas of modernism and postmodernism. Metamodernism, which is discussed in the article, is defined by the authors of this term T. Vermeulen and R. van den Acker as a "new structure of feeling". Evidence of this new structure of feeling is, among other things, modern cinema. Based on the classification proposed by G. Dember, the author considers the artistic reflection of the strategies of metamodernism in modern films about network culture ("Nerve", "Her", "Ingrid goes West", "Ready Player One"). Such techniques as metareflection, double narrative frame, oscillation between opposite states, the combination of amazing image "strange", "small" and "epic", anthropomorphizing of the machines, etc are analyzed.

Keywords: network culture, postmodernism, metamodernism, cinema.

References

1. *Bespalaya O. P. Posle postmoderna: al'termodern, transmodern, postpostmodern* [After postmodern: altermodern, transmodern, postpostmodern] // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki – Humanities, socio-economic and social sciences*. 2014, No. 3, pp. 20–22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/posle-postmoderna-altermodern-transmodern-postpostmodern> (date accessed: 9.04.2019).
2. *Grebenyuk A. A., Zlatkovskij V. V. Psihologicheskie osobennosti grupp «Novye Umnye» i «Autsajdery Metamodernistskogo Mira»* [Psychological features of the groups "New Smart" and "Outsiders of the Metamodern World"] // *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya – Scientific notes of the Crimean engineering pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology*. 2018, № 2(12), pp. 23–30. Available at: <https://metaxy-psy.blogspot.com/p/316.html> (date accessed: 9.04.2019).
3. *Nurgaleeva L. V. Eticheskij imperativ setevoj kul'tury* [Ethical imperative of network culture] // *Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie – Open and distance education*. 2002, № 4(8), pp. 175–178. Available at: [https://ido.tsu.ru/other_res/pdf/4\(8\)702Nurgaleeva_\(TGU\).pdf](https://ido.tsu.ru/other_res/pdf/4(8)702Nurgaleeva_(TGU).pdf) (date accessed: 9.04.2019).
4. *Safina A. M. Setevaya kul'tura kak produkt i uslovie razvitiya setevyh soobshhestv* [Network culture as a product of and condition for the development of online communities] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki» – Herald of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanities and social Sciences"*. 2017, No. 5, pp. 87–95. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.87. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/setevaya-kultura-kak-produkt-i-uslovie-razvitiya-setevyh-soobshchestv> (date accessed: 9.04.2019).
5. *Cardiel C. L. Are We Cool Yet?: A Longitudinal Content Analysis of Nerd and Geek Representations in Popular Television*. 2012. Dissertations and Theses. Paper 810. 160 p. DOI: 10.15760/etd.810. Available at: https://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1809&context=open_access_etds (date accessed: 9.04.2019).
6. *Eshelman R. Performatism in Art* // *Anthropoetics*. 2007–2008. Vol. XIII. № 3. Available at: <http://anthropoetics.ucla.edu/ap1303/1303eshelman> (date accessed: 9.04.2019).
7. *Forbes A. The Metamodern Mindset [A Study on Contemporary Reality]* // *Berlin Art Journal*. 2012. 23 March. Available at: <https://web.archive.org/web/20120410091618/http://www.berlinartjournal.com/issue/metamodern-mindset> (date accessed: 9.04.2019).
8. *Dember G. After Postmodernism: Eleven Metamodern Methods in the Arts*. 2018. 17 April. Available at: <https://medium.com/what-is-metamodern/after-postmodernism-eleven-metamodern-methods-in-the-arts-767f7b646cae>.
9. *Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond*. 2006. Available at: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (date accessed: 9.04.2019).
10. *MacDowell J. Notes on Quirky* // *Movie: A Journal of Film Criticism*. 2010. № 1. Available at: https://warwick.ac.uk/fac/arts/film/movie/contents/notes_on_quirky.pdf (date accessed: 9.04.2019).
11. *Turner L. Metamodernist Manifesto*. 2011. URL: <http://www.metamodernism.org/> (date accessed: 9.04.2019).
12. Vermeulen T., Akker van den R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. 2010. Vol. 2. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/jac.v2i0.5677> (date accessed: 9.04.2019).

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 37(470.342)(092)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.062

Выдающиеся ученые-педагоги, методисты, вятские уроженцы Л. А. Цветков и В. Г. Разумовский

В. Б. Помелов

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается вклад в педагогику двух выдающихся отечественных ученых в области педагогики, методистов Леонида Александровича Цветкова (1909–1993) и Василия Григорьевича Разумовского (1930–2017). Показаны основные факты их биографий, раскрыт вклад каждого из ученых в развитие отечественной педагогической науки, прежде всего методики обучения. Оба ученых были главными редакторами методических журналов – «Химия в школе» и «Физика в школе». Главным достижением Л. А. Цветкова стал выпуск в 1950 г. учебника «Неорганическая химия», предназначенного для обучения в 10 классе средней школы, который используется до сих пор. Автор учебника был удостоен государственной премии СССР в 1974 г. В научной деятельности В. Г. Разумовского значительное место занимало его участие в международных программах. Особое внимание в статье уделено тому обстоятельству, что оба ученых-методиста были уроженцами Вятского края. Показана их связь с Вятским краем, с местными учителями и учеными-методистами. Рассказ о Л. А. Цветкове и В. Г. Разумовском включает в себя вятские реалии. Оба ученых включены автором статьи в число «ста великих педагогов» в книге «100 великих педагогов».

Ключевые слова: Леонид Александрович Цветков, Василий Григорьевич Разумовский, методика обучения химии, методика обучения физике.

Есть такие ученые, имена которых с детских лет привычно для всех ассоциируются с той или иной наукой. Это, конечно же, авторы школьных учебников и учебных пособий: Бархударов, Бим, Брадис, Воронцов-Вельяминов, Перышкин, Рымкевич, Закожурникова, Коровкин, Киселев, Есипова-Воскресенская... Но даже в этой блестящей плеяде отечественных методистов, авторов десятилетиями использовавшихся дидактических трудов видное место занимают уроженцы Вятского края Леонид Александрович Цветков и Василий Григорьевич Разумовский, крупнейшие отечественные ученые-педагоги в области методики обучения химии и физики (соответственно). Однако несмотря на то, что их деятельность, казалось бы, получила общественное признание, а имена этих ученых широко известны в стране, тем не менее в педагогической литературе до настоящего времени нет более или менее их подробных биографий. Предлагаемая статья и ставит перед собой цель заполнить этот информационный вакуум.

Обратимся сначала к личности Л. А. Цветкова.

Леонид Александрович Цветков принадлежит к тому поколению отечественных ученых, на долю которых выпала разработка первых советских учебников. Он родился 16 (29) апреля 1909 г. в селе Николаевском Костромской губернии [1, с. 553]. В 1915 г. семья переехала на постоянное жительство в село Вонданка ныне Даровского района Кировской области. Здесь прошло детство будущего ученого, здесь он окончил школу. Так что Л. А. Цветков в беседе с автором данной статьи подчеркивал, что он считает себя именно вятским. Его отец был сельским священником. В 1922 г. церковную службу ему пришлось оставить в связи с гонениями на церковь, а умер он в 1926 г. [2, с. 47].

Как вспоминал в беседах с автором этой статьи Леонид Александрович, методические нововведения Народного комиссариата просвещения РСФСР тех лет (пресловутый Дальтон-план, бригадно-лабораторный метод обучения и т. п.) Вонданской школы не коснулись. Обу-

чение здесь велось в рамках привычной для всех и на протяжении веков положительно себя зарекомендовавшей классно-урочной системы.

По некоторым предметам, например по истории, приходилось заниматься вообще без учебников, поскольку старые не годились по идеологическим причинам, а новых еще не было. Поэтому приходилось нередко оставаться вечером всем классом в школе и записывать в свои тетрадки пересказ нового материала под диктовку того ученика, который лучше других записал конспект урока. При изучении природоведения, математики и физики приходилось пользоваться немногими дореволюционными учебниками; новые только еще начинали появляться.

Преподавание вели, в основном, учителя, получившие образование до революции; это опытные и гуманные наставники. Особенно памятны Леониду Цветкову были учитель математики Роман Альфредович Креггер, заведующий школой, и преподаватель истории Павел Васильевич Стрежнев, словесница Софья Константиновна Москвина. Одноклассником Леонида был ставший впоследствии известным кировским педагогом Василий Федулович Смердов [3, с. 67].

Конечно, объем сведений, которые получали тогдашние учащиеся, не идет в сравнение с ныне обрушивающимся на школьников информационным потоком, но отсутствие спешки в прохождении учебного материала, мастерство учителей и старательность тянувшихся к знаниям сельских ребятшек обеспечивали формирование пусть не обильных, но достаточно основательных знаний. Кстати, химию будущий ученый-химик в школе вообще не изучал; такой предмет тогда не входил в учебную программу.

В Вонданской школе Леонид Цветков был одним из первых комсомольцев. Его фамилия значится пятнадцатой в протоколе самого первого комсомольского собрания. В 1924 г. Л. А. Цветков окончил школу II-й ступени. В пятнадцать лет он уехал в Свердловск, где окончил железнодорожную школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ).

В 1927 г. комсомольская организация командировала его на дальнейшую учебу, в Московский индустриально-педагогический институт имени Карла Либкнехта, в котором готовились преподавательские кадры для школ ФЗУ и профессионально-технических школ. Здесь и произошла первая встреча Леонида с наукой, которая стала делом и смыслом всей его жизни.

1931 год. Институт окончен, получен диплом преподавателя химии и металлургии. Некоторое время Леонид работает инструктором-методистом по подготовке рабочих кадров на металлургическом объединении «Сталь» в г. Харькове, а оттуда направляется на работу в Москву, в НИИ политехнического образования, где работает в лаборатории методики химии в должности научного сотрудника и одновременно, без отрыва от работы учится в аспирантуре.

С этим институтом, неоднократно изменявшим впоследствии свое наименование (НИИ общего и политехнического образования, методов обучения, содержания и методов обучения), связана вся дальнейшая научная деятельность Леонида Александровича. В дальнейшем институт стал составной частью Академии педагогических наук РСФСР (с 1966 г. – АПН СССР), ныне Российская академия образования.

Некоторое время (с 1934 г.) он работает учителем химии в московских школах, в 1938–1941 гг. – Цветков становится деканом химического факультета Московского городского института усовершенствования учителей (ИУУ). Это был первый такой институт в стране.

Наставниками Л. А. Цветкова в науке были известные ученые В. Н. Верховский и Л. М. Сморгонский. Цветков стал разрабатывать наиболее актуальные проблемы методики обучения химии в школе. В печати появились первые его работы: «Освещение жизни и деятельности А. М. Бутлерова на уроках химии», «Возникновение, развитие и современная оценка структурной теории в органической химии», «О пространственных и электронных представлениях при изучении органической химии» и др.

В 1937 г. Л. А. Цветков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы химической структуры в курсе органической химии». С июня 1941 г. по декабрь 1945 г. он служил в армии, причем всю Великую Отечественную войну провел именно в действующей армии, в должности начальника химической лаборатории отдельного батальона химической защиты.

За участие в боях награжден восемью орденами и медалями, а всего Леонид Александрович за свою многолетнюю ратную и трудовую деятельность был удостоен шести орденов и семнадцати медалей. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». В 1965 г. он был избран членом-корреспондентом АПН РСФСР.

В работах иных ученых-педагогов явственно чувствуется оторванность от жизни, то есть от школьной практики. О научных трудах Леонида Александровича этого не скажешь. Он ведь никогда не был кабинетным ученым, постоянно совмещал работу в академическом НИИ

с работой в школе. В 1950–1955 гг. был редактором журнала «Химия в школе», активным автором и членом редколлегии которого оставался до конца жизни.

Если в начальный период своей научной деятельности (1930–1934) ученый разрабатывал вопросы профессионального образования, детского технического творчества, писал методические работы для школ ФЗУ и школьных технических кружков, то в предвоенные годы он начал заниматься проблемами методики обучения органической химии в средней школе. В послевоенный период его интересы значительно углубились и сконцентрировались вокруг следующих трех направлений школьной методики обучения химии: изучение теории и химического строения в средней школе, содержание учебного курса органической химии, школьный эксперимент по органической химии.

В развитие последнего из указанных направлений Л. А. Цветков написал книгу «Эксперимент по органической химии», в которой рассматриваются особенности и задачи учебного эксперимента, его классификация; большое внимание уделяется химическому методу установления строения органических веществ, выяснению зависимости свойств веществ от их строения.

Значительным вкладом в методическую науку стал выход в свет его книг-пособий для учителей, таких как «Преподавание органической химии» и «Преподавание органической химии в средней школе», в которых был обобщен учительский опыт, собранный выдающимся методистом за многие годы кропотливого неустанного труда. Пособия вооружали учителей методиками формирования и развития химических понятий.

Важную роль в научно-методическом оснащении учителей химии сыграли такие книги Л. А. Цветкова, как «Изучение полимеров в средней школе» (1960), «О преподавании химии в средней школе» (1954), «Преподавание химии в школе» (1959), «Проблемы содержания и методов обучения химии в средней школе» (1971), «Общая методика обучения химии» (1981), «Преподавание органической химии в 10 классе» (четыре издания), «Эксперимент по органической химии в средней школе» (пять изданий) и целый ряд других.

Всего им было опубликовано свыше двухсот научных работ, причем некоторые из них вышли за рубежом: в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польше и других странах.

Л. А. Цветков – автор важных материалов для ЮНЕСКО. Под руководством Л. А. Цветкова постоянно совершенствовалась школьная программа по химии. Так, в 1982 г. вышли в свет два больших тома коллективного монографического труда «Основы методики обучения химии в средней школе» (ред. Л. А. Цветков), в которых отражены основные достижения отечественных методистов в разработке проблем преподавания химии.

И все же главным детищем Л. А. Цветкова, предметом его постоянной заботы и работы был и остается учебник для X класса средней школы, первое издание которого вышло еще в 1950 году. Учебник постоянно совершенствовался автором на протяжении полувека и потому выдерживает испытание временем. Более полувека по нему учатся школьники всей страны. Специалисты отмечают, что это один из лучших учебников для средней школы. По общему признанию учителей и методистов, он дает учащимся полноценные знания, точнее сказать, дает возможность овладеть ими.

Высокий научный уровень материала, включенного в учебник, органично сочетается с доступностью изложения, теоретическая доказательность – с удачным раскрытием связей изучаемого с жизненной практикой. При этом учащиеся как бы вовлекаются в обсуждение серьезных проблем органической химии, в самостоятельное решение сложных и интересных задач. За эту книгу Л. А. Цветков в 1974 г. был удостоен Государственной премии СССР.

Много сил отдавал Л. А. Цветков руководству комиссиями по химии ученого методического совета Министерства просвещения СССР, на которых обсуждались актуальные вопросы преподавания этого учебного предмета. Он был организатором и постоянным участником международных симпозиумов по методике преподавания химии. Его выступления на научно-практических конференциях, педагогических чтениях всегда вызывали большой интерес учителей, преподавателей высших и средних профессиональных учебных заведений, и играли важную роль в деле распространения передового опыта школы и совершенствования химического образования.

«Продолжаю работать, что, вероятно, Вас немало удивит», – писал автору этой статьи Л. А. Цветков незадолго до своей кончины. Неудовлетворенность – вот, пожалуй, то слово, которое определяло его умонастроение. Не скрывая своей озабоченности состоянием преподавания химии в школе, Цветков писал автору данной статьи: «Вы спрашиваете о современных

проблемах методики химии. Коснусь этого вопроса в субъективном плане. Я в течение четверти века заведовал лабораторией химии НИИ содержания и методов обучения АПН СССР. Постоянным предметом моих забот было учебно-методическое обеспечение преподавания химии в школе, повышение знаний учащихся, качества обучения. К сожалению, результаты неутешительны, и за это я несу немалую моральную ответственность.

Возможность существенных перемен в школе, в частности, в химическом образовании, я вижу в организации дифференцированного обучения. На него вся надежда! Вот десятилетиями в школе используется мой учебник по органической химии. Он, конечно, в значительной степени рассчитан на то, чтобы учащиеся смогли продолжать химическое образование в вузе; для всей молодежи заложенный в нем объем сведений слишком велик. Готовлю сейчас учебник более краткий и общедоступный, который давал бы минимум необходимых знаний по химии для всех обучающихся в школе, а не только для тех, кто готовится к продолжению естественнонаучного образования.

Коллективом сотрудников лаборатории, где состою теперь так называемым ведущим научным сотрудником, разрабатываем разнопрофильные программы для дифференцированного обучения химии и методические пособия к ним. Годы подсказывают необходимость обратиться к очерку развития методических идей преподавания химии в школе...» [5, с. 392–393].

Конечно, столь самокритично может писать о себе и о результатах своего труда лишь смелый и честный человек, уверенный в собственной правоте, убежденный в важности дела, которому отдана жизнь. Дела, которому служишь.

Л. А. Цветков скончался 12 марта 1993 г.

Выдающийся отечественный методист-физик Василий Григорьевич Разумовский родился 1 февраля 1930 г. в г. Вятке [4, с. 246] Вятского округа Нижегородского края в семье педагога.

Как и отец, Василий также выбрал профессию учителя. По окончании физико-математического факультета Кировского пединститута (1952) он в течение трех лет работал учителем в Татауровской средней школе Нолинского района Кировской области.

Впоследствии Василий Григорьевич так вспоминал об этом времени: «Для молодого начинающего учителя очень важно сразу попасть в хороший педагогический коллектив. Мне в этом смысле повезло. В нашей школе царил атмосфера сотрудничества учителей и учащихся. Со стороны большинства педагогов проявлялось кровно заинтересованное отношение к делу. Почти все мы были молоды. У нас была совместная комсомольская организация учителей и учащихся. Я был ее секретарем...» [3, с. 75].

Став известным ученым, В. Г. Разумовский не забыл школу, давшую ему «путевку в жизнь». Всякий раз, приезжая в родной город, он стремился побывать и в Татауровской школе. Надо ли говорить, какой это всегда был праздник для татауровских учителей и учащихся!

В Татауровской школе велась обширная кружковая работа, находил практическое применение принцип дифференциации обучения. Молодой учитель Василий Разумовский в те годы много занимался организацией детского технического творчества. В школе было плохо с освещением, и Василий взялся с ребятами за создание ветросиловых установок, которые вырабатывали свет для школы.

Опыт работы школы по организации детского технического творчества в 1954 г. был представлен на ВДНХ СССР и получил всесоюзное признание. Для молодого учителя это стало стимулом к последующей научной работе. Его заметили в московских научно-методических кругах, предложили опубликовать свои разработки в специализированном журнале «Физика в школе» и научных сборниках.

Впоследствии в 1970–1990-е гг. праздником становился приезд В. Г. Разумовского для кировских учителей физики и методистов-физиков Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. С ними он всегда проводил семинары, участвовал в работе диссертационного совета.

Его отец Григорий Николаевич на склоне лет совместно со своим одноклассником по Вятской мужской гимназии, знаменитым ученым, основоположником спортивной психологии Авксентием Цезаревичем Пуни издал небольшую, но содержательную книжку «Страницы истории спорта в Вятке» (Киров, 1969).

Имя Г. Н. Разумовского (1902–1989) было в свое время хорошо известно вятским учителям. Много лет он работал директором средней школы № 32 г. Кирова, прожил долгую, насыщенную событиями и добрыми делами жизнь и оставил о себе светлую память в сердцах многочисленных учеников.

Пытливый молодой исследователь В. Г. Разумовский учился в аспирантуре под руководством автора школьных учебников по физике Александра Васильевича Перышкина.

Защитил кандидатскую диссертацию, а затем и докторскую (1972), которую утвердили в 1973 г. В 1976 г. стал профессором. Его избрали действительным членом АПН СССР в 1982 г. В 1980-е гг. он был самым молодым членом экспертного совета ВАК СССР по психологии и педагогике и одним из самых молодых, если не самым молодым, действительным членом АПН СССР (с 1992 г. – РАО) за всю ее историю.

Среди его многочисленных аспирантов и докторантов были не только советские (российские) исследователи, но и граждане ГДР, Кубы, Египта, Ирака, Болгарии и стран СНГ. Творческие достижения учащихся московской школы № 315 под его руководством экспонировались в Центральном выставочном зале г. Москвы (1968), а также в гг. Сан-Франциско, Сиэтл, Портленд, Бостон (США, 1965–1967).

В 1970–1980-е гг. Разумовский был руководителем семинара московских учителей «Современный урок физики». Совместно с академиком Е. П. Велиховым вел всесоюзный семинар «Компьютер и образование» (1985–1992), был соучредителем Московского детского фонда (1991), руководителем научного коллектива и национальным координатором Международного исследования по оценке качества математического и естественнонаучного образования (TIMSS) (1989–1991).

Итогом научных исследований В. Г. Разумовского стало опубликование таких значительных работ, как «Развитие творческой деятельности учащихся в физико-техническом кружке» (М., 1959), «Развитие технического творчества учащихся» (М., 1961), «Творческие задачи по физике в средней школе» (М., 1966), «Изучение электроники в курсе физики средней школы» (М., 1968, в соавт.), «Физика в современной школе в США. Основные направления в изменении содержания и методов обучения» (М., 1973), «Развитие творческих способностей учащихся в процессе обучения физике» (М., 1975), «Задания для контроля знаний учащихся: VIII кл.» (М., 1976) и др.

Если сказать обобщенно, то основные труды академика Разумовского посвящены вопросам методики преподавания физике, проблемам дидактики и сравнительной педагогики. Он разработал методику организации творческой деятельности в процессе решения задач по физике. Он предложил циклическую модель учебного познания, представив ее как последовательность мыслительных операций преобразования информации учеником: факты – модель явления – теоретическое предвидение – эксперимент. Соответственно этапам ученического познания он разработал систему «исследовательских» и «конструкторских» задач, стимулирующих школьников к интуиции, догадке, выдвижению гипотезы, субъективно новым открытиям и изобретениям [4, с. 246].

В течение нескольких лет В. Г. Разумовский заведовал лабораторией в НИИ содержания и методов обучения АПН СССР. В 1965–1992 гг. выполнял обязанности главного редактора журнала «Физика в школе».

Работа в журнале дала ему возможность общаться с такими выдающимися учеными, как П. Л. Капица, И. Я. Кикоин, В. А. Фабрикант. «Общение с такими людьми, – вспоминал В. Г. Разумовский, – поистине бесценно, ибо очень многому учит, оттачивает мысль, убеждает в необходимости приобретения широких и глубоких знаний».

А первый разговор с П. Л. Капицей начался с... дымковской игрушки. Гениальный физик, нобелевский лауреат был чрезвычайно любознательным человеком, живо интересовался самыми разнообразными вопросами из области культуры и истории. Близки ему были и проблемы школы, народного образования.

В 1976 г. по линии ЮНЕСКО Василий Григорьевич проходил стажировку в Стокгольмском и Лондонском университетах. Как специалист в области сравнительной педагогики он принимал участие во многих международных конференциях и семинарах в Берлине, Будапеште, Праге, Софии, Варшаве, Марселе, Триесте, Женеве, Вашингтоне, Копенгагене, Лос-Анджелесе, Франкфурте-на-Майне, Сан-Франциско, Нью-Йорке, Принстоне, Пекине, Токио, Стамбуле и др.

В 1981 г. он возглавлял делегацию СССР и был вице-президентом международного конгресса ЮНЕСКО «Научно-техническое образование и национальное развитие» в Париже.

Не один десяток лет В. Г. Разумовский работал в президиуме АПН СССР (ныне РАО), а в 1989–1992 гг. был вице-президентом.

В конце 1980-х гг. ее деятельность подверглась острой и, надо признать, во многом справедливой критике со стороны средств массовой информации, прежде всего, со стороны «Учительской газеты».

В. Г. Разумовский самокритично признавал и свою часть ответственности за промахи в работе тогдашней академии. И все-таки его научный и моральный авторитет никогда и ни у кого не вызывал ни малейшего сомнения. Доказательством этого служит хотя бы и такой факт, как его избрание вице-президентом академии.

Что же академик Разумовский считал главными направлениями своей деятельности?

Это, прежде всего, восстановление престижности образования, образованности, таланта. Демократизация школьной жизни, дифференциация и индивидуализация обучения, гуманизация образования и воспитания на основе овладения достижениями национальной и мировой культуры и искусства при необходимо высоком уровне естественно-математического образования. Борьба с перегрузкой школьников путем разработки новых учебников и методик. Борьба за высокий авторитет и престиж учительской профессии в обществе. Расширение участия советских специалистов в международных симпозиумах и семинарах, в обмене студентами, в стажировках ученых, в совместной с зарубежными коллегами разработке педагогических, психологических, физиологических проблем воспитания и развития подрастающего поколения.

В 1989 г. на волне горбачевской «перестройки» проводились выборы в народные депутаты СССР. Значительная часть депутатов избиралась от организаций. На Академию педагогических наук СССР была выделена квота – два депутата.

Ими были избраны коллективом АПН СССР Герой Советского Союза, директор НИИ профессионально-технического образования Сергей Яковлевич Батышев и Василий Григорьевич Разумовский. Разумовский вошел в состав комитета Верховного совета СССР по науке, культуре, образованию и воспитанию.

В 1999 г. вышел второй том «Российской педагогической энциклопедии», в который, в частности, был включен материал автора данной статьи о Разумовском. Василий Григорьевич был очень тронут этим фактом, так же как и статьей о нем в нашей книге «Педагоги и психологи Вятского края», вышедшей в Кирове в 1993 г.

В течение ряда лет мы входили с В. Г. Разумовским в диссертационный совет и в связи с этим постоянно общались. Он запомнился как человек не только высокообразованный, но и интеллигентный, высококультурный. Василий Григорьевич передавал мне через своего ученика, доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента РАО Юрия Аркадьевича Саурова каждую свою новую книгу, причем передал последнюю всего лишь за месяц до своей кончины.

В. Г. Разумовский скончался 21 февраля 2017 г. в Москве, похоронен на Троекуровском кладбище.

В заключение хотелось бы упомянуть такой примечательный факт. В 2018 г. в московском издательстве «Вече» вышла книга автора данной статьи в знаменитой серии «100 великих...» под названием «100 великих педагогов». В число этих ста великих педагогов всех времен и народов я включил Л. А. Цветкова и В. Г. Разумовского.

Замечательные ученые Л. А. Цветков и В. Г. Разумовский внесли значительный вклад в развитие педагогической науки и подготовку кадров высшей квалификации. Их книги и научно-методические разработки еще долго будут служить отечественным педагогам-практикам.

Список литературы:

1. Иванова Р. Г. Цветков Леонид Александрович // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 2. М. : Российская энциклопедия, 1999. С. 553–554.
2. Помелов В. Б. Выдающиеся деятели педагогической науки Г. Н. Волков, Л. А. Цветков, В. Г. Разумовский // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 3. С. 46–51.
3. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров : Информцентр, 1993. 84 с.
4. Помелов В. Б. Разумовский Василий Григорьевич // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 2. М. : Российская энциклопедия, 1999. С. 246.
5. Помелов В. Б. 100 великих педагогов. М. : Вече, 2018. 416 с.

Л. А. Цветков

В. Г. Разумовский

Outstanding scientists-teachers, methodists, Vyatka natives L. A. Tsvetkov and V. G. Razumovsky

V. B. Pomelov

Doctor of pedagogical sciences, professor of the Department of pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. The article reveals the contribution of two outstanding Russian scientists in the field of pedagogy, methodologists Leonid Aleksandrovich Tsvetkov (1909–1993) and Vasily Grigorievich Razumovsky (1930–2017) to pedagogy. The main facts of their biographies are shown, the contribution of each of the scientists to the development of national pedagogical science, first of all, teaching methods are revealed. Both scientists were editors-in-chief of the methodical magazines – "High school Chemistry" and "Physics in school". The main achievement of L. A. Tsvetkov was the release in 1950 the textbook "Inorganic chemistry" intended for teaching in the 10th grade of secondary school, which is still used. The author of the textbook was awarded the State prize of the USSR in 1974. In the scientific activities of V. G. Razumovsky a significant place was occupied by his participation in international programs. Special attention is paid to the fact that both scientists-methodist were natives of Vyatka region. Their connection with the Vyatka region, with local teachers and scientists-methodists is shown. The story of L. A. Tsvetkov and V. G. Razumovsky includes Vyatka realities. Both scientists are included by the author of article in "The hundred great teachers" in the book "100 great teachers".

Keywords: Leonid Aleksandrovich Tsvetkov, Vasily Grigorievich Razumovsky, methods of teaching chemistry, methods of teaching physics.

References

1. Ivanova R. G. *Cvetkov Leonid Aleksandrovich* [Tsvetkov Leonid Aleksandrovich] // *Rossiyskaya pedagogicheskaya enciklopediya : v 2 t.* – Russian pedagogical encyclopedia: 2 vol. / chief editor V. V. Davydov. Vol. 2. M. Russian encyclopedia. 1999. Pp. 553–554.
2. Pomelov V. B. *Vydayushhiesya deyateli pedagogicheskoy nauki G. N. Volkov, L. A. Cvetkov, V. G. Razumovskiy* [Outstanding figures of pedagogical science G. N. Volkov, L. A. Tsvetkov, V. G. Razumovskiy] // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki – Pedagogy. Theory and practice.* 2018, No. 3, pp. 46–51.
3. Pomelov V. B. *Pedagogi i psihologi Vyatskogo kraya* [Teachers and psychologists of Vyatka region]. Kirov. Information Center. 1993. 84 p.
4. Pomelov V. B. *Razumovskiy Vasilij Grigor'evich* [Razumovsky V. G.] // *Rossiyskaya pedagogicheskaya enciklopediya : v 2 t.* – Russian pedagogical encyclopedia: 2 vol. / chief editor V. V. Davydov. Vol. 2. M. Russian encyclopedia. 1999. P. 246.
5. Pomelov V. B. *100 velikih pedagogov* [100 great teachers]. M. Veche. 2018. 416 p.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 940.55(73)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.063

Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века

Ю. М. Кузьмин

кандидат исторических наук, доцент.
Россия, г. Киров. E-mail: v1109897@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется новая книга, подготовленная сотрудниками Института США и Канады РАН, в которой рассматриваются вопросы, связанные с современными локальными войнами и конфликтами.

В данном исследовании затронут специфический спектр политики США в начале XXI века. Автор в своей статье останавливается на наиболее крупных тематических блоках, которые связывает воедино представленную исследователями картину. В статье прежде всего акцентируется внимание на таких проблемах, как стратегия США в локальной войне в Афганистане, борьба против «Исламского государства», тенденции развития американо-иранских отношений, европейские проблемы.

Делается вывод о том, что мощнейшая в мире военная машина оказалась недостаточно приспособленной к ведению войн нового типа, войн локальных, главными противниками в которых оказываются террористические группировки, племенные ополчения и т. п. И для победы в таких конфликтах необходимо уметь использовать различные методы борьбы.

Ключевые слова: локальная война, ИГИЛ, американо-иранские отношения, миротворчество, гибридная война, война в Афганистане, Конгресс США.

Книга, подготовленная сотрудниками Института США и Канады РАН, рассматривает вопросы, связанные с современными локальными войнами и конфликтами.

Во введении работы отмечается, что поражение США во Вьетнаме в 1973 г. показало неготовность американских военных к ведению малых войн против негосударственных противников.

Это способствовало тому, что американские вооруженные силы претерпели серьезные изменения: во-первых, вооруженные силы США перешли в 1973 г. на добровольный принцип комплектования личного состава; во-вторых, среди американских военных окрепло твердое убеждение в том, что новой малой войны следует избегать любой ценой.

Но последующие события в мире привели к тому, что локальные вооруженные конфликты стали лихорадить многие регионы земного шара. И в этой ситуации, как подчеркнуто во введении, «официальному Вашингтону пришлось делать то, что он изначально не планировал, т. е. заниматься миротворчеством и «строительством нации» (с. 8).

В разработанной Комитетом начальников штабов и утвержденной в сентябре 2012 г. «Основополагающей концепции межвидовых операций» указано, что «в мире, где уязвимая критическая инфраструктура имеет широкий выход на интернет, где диверсии и терроризм могут иметь далеко идущие последствия, противники способны пойти на эскалацию в иных сферах, включая территорию самих США» (с. 9).

Именно локальная война рассматривается в настоящее время как наиболее серьезная военная угроза Соединенным Штатам. Между тем ее стратегия и тактика существенно отличаются от стратегии и тактики традиционного межгосударственного конфликта.

Введение к книге завершается констатацией того, что «современная локальная война заставила американское военно-политическое руководство адаптировать вооруженные силы к новым реалиям... Стратегической целью войны становится не разгром вражеских вооруженных сил, а завоевание симпатий местного населения» (с. 21).

В данном исследовании затронут широкий спектр военной и внешнеполитической деятельности США в условиях локальных конфликтов. В связи с этим необходимо остановиться на наиболее крупных тематических блоках, которые связывают воедино основные главы представленной работы.

Первый блок – это афганская проблема. Сразу же после террористической атаки 11 сентября 2001 г. Джордж Буш-младший смог добиться от Конгресса принятия двух резолюций, предоставлявших администрации полномочия на применение военной силы. В работе отмечено, что эти резолюции были использована администрацией Дж. Буша-младшего в качестве юридического обоснования не только вторжения в Афганистан, но и для проведения так называемых контртеррористических операций в ряде других стран под предлогом «глобальной войны против терроризма» (с. 24). В связи с этим следует согласиться с суждением, которое обозначено в главе 1, что «в целом можно констатировать, что в последние годы роль Конгресса в региональных войнах США существенно ослабла» (с. 54). Это дает президенту значительную свободу рук в ведении войны в разных регионах мира.

В главе 7 автор пишет, что значение Центрально-Азиатского региона (ЦАР) неуклонно возрастает в наши дни для ведущих государств мира. Именно этой зоне интересы таких стран, как Россия, Китай, США, и других стран НАТО все больше переплетаются как в экономическом, так и в военно-стратегическом плане. Наиболее ярким примером американского влияния на региональную безопасность стала война в Афганистане, которая длилась 13 лет. В главе отмечается важность Афганистана с точки зрения геополитики и стратегии США, которая обуславливает длительное присутствие военных баз США в Афганистане и попытки создать проамериканские режимы в странах Центральной Азии.

Автор делает вывод о том, что «за период военной оккупации Афганистана западной коалицией было достигнуто немало в плане становления государственности и централизации власти, но в главном вопросе обеспечения мира и стабильности в стране и минимизации угроз для соседей по региону в их политике и стратегии особых достижений нет» (с. 228).

Говоря о российско-американских отношениях в свете событий в Афганистане, констатируется, что отношение России к присутствию США и НАТО в течение всего периода их пребывания в Афганистане было двойственным. Особенно осложнились отношения между США и РФ после событий, произошедших на Украине в 2014–2015 гг. Как известно, США осуществили поворот к политике сдерживания России «по всем фронтам». В связи с этим делается важный вывод о том, что «...формирование отношений сотрудничества в области безопасности ЦАР между этими участниками представляется весьма проблематичным» (с. 231).

Следующим тематическим блоком является борьба против «Исламского государства».

В главе 1 «Конгресс США и локальные войны» выделяется эпизод, связанный с этой проблемой. В частности, отмечается, что «Президент Обама 24 августа 2014 г. признал, что у него нет стратегии в отношении войны с ИГИЛ (с. 41). «После террористического акта 13 июня 2016 г. в Орландо, когда погибли 49 человек, сенатор-демократ Билл Нельсон заявил, что “Конгресс должен объявить войну ИГИЛ”. Однако этого не произошло» (с. 47).

В главе 3 (параграф «Становление ИГИЛ и расширение территорий боевых действий») указано, что эта организация была создана 15 октября 2006 г. для консолидации радикальных исламистов, а по мере накопления сил возникла небезуспешная попытка создания шариатского государства.

Констатируется тот факт, что «на сегодняшний день примерно половина из 18 провинций Ирака, преимущественно с суннитским населением, составляет значительную часть территории самопровозглашенного государства» (с. 88). Тем более автор констатирует тот факт, что идея построения халифата вызывает у значительной части мусульман ассоциации с Золотым веком арабской цивилизации и собственно с расцветом ислама. Более того, следует обратить внимание, что «...на сегодняшний день ИГИЛ, с учетом “теневой поддержки», фактически выступает в роли субъекта международной политики» (с. 90). Но несмотря на действия антитеррористической коалиции, ИГИЛ продолжает активно действовать и с переменным успехом реализует проект создания своей государственности.

В связи с деятельностью ИГИЛ следует привести интересную выдержку из главы 6: «Создание “Исламского государства” на части территорий Сирии и Ирака кардинально изменило баланс сил в регионе и двусторонние отношения между такими центрами противоборства, как США и Иран. (с. 185).

Наиболее полно борьба США против «Исламского государства» рассмотрена в главе 7. Здесь же обозначены основные вехи формирования этого «государства» и реакция на эти события США. В частности, выделяется, что «Б. Обама изложил 10 сентября 2014 г. основные положения антиигиловской стратегии США, а в июне 2015 г. министр обороны США конкретизировал положения этой стратегии» (с. 243). Эта информация несколько противоречит тому, что написано в главе 1 данного исследования.

К концу сентября 2014 г. более 40 стран присоединились к возглавляемой США операции «Непоколебимая решимость».

«В целом на протяжении 2015 г. так называемое «Исламское государство» потеряло до 40% той территории, которую оно контролировало в Ираке к концу 2014 г., в 2016 г. оно потеряло несколько важных позиций в Ираке и Сирии, однако силы исламистов, по всей видимости, пока еще далеко не сломлены», – сообщает автор (с. 249).

Большая проблема заключается еще в том, что ИГИЛ распространяет влияние на другие части земного шара (Египет, Саудовская Аравия, Ливия, Йемен и Афганистан – Пакистан). Таким образом, экспансия – это необходимый этап на пути к конечной цели, провозглашенной ИГИЛ, – создание глобального халифата.

Говоря о борьбе США против ИГИЛ, автор констатирует, что удары с воздуха не сумели принести перелом хода борьбы с ИГИЛ: бомбежками войны не выигрывают. Но особенно сложная ситуация сложилась для реализации американских планов борьбы с ИГИЛ в Сирии.

Когда в сентябре 2015 г. началось российское воздушное наступление против исламских экстремистов в Сирии, ситуация резко изменилась в регионе. Начался перелом в пользу противников ИГИЛ.

Автор делает важный вывод в конце главы 7: формируемая под огнем врага, в условиях активных военных действий американская стратегия борьбы с так называемым «Исламским государством» далеко не всегда оказывается успешной, а попытки совместить борьбу с международным терроризмом и пресловутую «смену режима» (режима Б. Асада – Ю. К.) приводят лишь к дальнейшей дестабилизации» (с. 254–255).

А завершается глава констатацией, что Совместное российско-американское заявление от 22 февраля 2016 г. позволяет надеяться на постепенный отход официального Вашингтона от тех концепций, которые завели в тупик американскую стратегию борьбы с «Исламским государством» и другими террористическими группировками.

Следующий блок, характеризующий противостояние США с отдельными государствами, – это иранская проблема, которая имеет различные формы проявления. Уже в главе 1 («Конгресс США и локальные войны») есть информация об Иране. В частности, автор констатирует, что наиболее ожесточенное политическое противостояние между Конгрессом и администрацией развернулось по иранскому вопросу. Далее указано: «В июле 2015 г. компромиссное соглашение о свертывании иранской программы обогащения урана и отмене экономических санкций против Ирана было подписано... Благодаря иранской сделке была снята непосредственная угроза новой локальной войны США на Ближнем Востоке, к чему призывали многие деятели в Конгрессе» (с. 49).

Однако наиболее подробно взаимоотношение США и Ирана рассмотрено в главе 6. В начале главы отмечено: «Конфронтация в отношениях Соединенных Штатов с Исламской Республикой Иран несколько десятилетий является дестабилизирующим фактором международной ситуации на Ближнем и Среднем Востоке» (с. 158). А затем анализируются отношения между двумя странами в 1979–2016 гг., одновременно подчеркивается, что эти отношения рассматриваются руководством США как одно из ключевых направлений ближневосточной политики. Интересен ход переговоров по иранской ядерной программе и закрытие «ядерного досье» Тегерана. Но наибольший интерес в этой главе представляет политика Ирана в отношении локальных конфликтов США. Говоря об вторжении США в Афганистан, автор подчеркивает, что «именно от талибов, выступающих в роли реального военного противника Исламской Республики Иран, исходила угроза» (с. 174). Однако Иран не стал союзником США в Афганистане, так как международный имидж страны как борца с американским империализмом и главного защитника мусульман не позволял в полной мере открыто поддерживать Соединенные Штаты.

Кризис вокруг Ирана стал важнейшим международным событием 2002–2003 гг., и тут же возникло иракское противостояние Вашингтона и Тегерана.

Создание «Исламского государства» на части территорий Сирии и Ирака кардинально изменило не только баланс сил в регионе, но и двусторонние отношения между такими цен-

трами противоборства, как США и Иран. А после того как Россия вступила в сирийский конфликт на стороне Б. Асада, «Москва и Тегеран все увереннее переходят от слов к делу, решая свои региональные внешнеполитические задачи без оглядки на Вашингтон» (с. 188).

Все вышеназванные процессы, по мнению автора, привели к тому, что начинает активно развиваться региональное сотрудничество России и Ирана в разрешении вооруженного конфликта в Ираке и Сирии. Эти два государства можно назвать стратегическими партнерами: «они сообща противостоят мировому порядку, установившемуся после окончания холодной войны» (с. 189). Автор отмечает зоны и регионы, в которых политика России и Ирана сегодня совпадают: Закавказье, Средняя Азия, Афганистан, Ирак и Сирия.

Говоря о ситуации в Сирии, следует иметь в виду, что основной угрозой в случае негативного развития сирийского конфликта является резкое ослабление влияния как России, так и Ирана в регионе. Но у Москвы и Тегерана остаются разногласия относительно будущего Сирии, и они могут оказаться весьма серьезными.

Завершая главу 7, автор, говоря о взаимоотношении Ирана и России, делает вывод о том, что «особое внимание должно быть уделено сохраняющимся узким местам в нашем взаимодействии, тому, что у нас пока не получается, субъективным и объективным препятствиям на пути повышения двустороннего взаимодействия» (с. 202).

Кроме обозначенных проблем, интерес представляет еще целый ряд изложенных в данном исследовании вопросов, в частности – современная Европа.

Для начала приведем фразу из главы 5. («Современная Европа в военной политике США: вызов гибридной войны»): «После распада биполярного мира и исчезновения так называемой «советской угрозы» американские правящие круги придерживаются той точки зрения, что основные угрозы национальной безопасности США сконцентрированы не в Европе, а в других регионах планеты» (с. 141). Тем не менее численность и структура американских войск в этом регионе претерпели радикальную трансформацию. В частности, в период пребывания у власти администрации Б. Обамы США стремились свести до минимума свое военное присутствие в Европе и по максимуму использовать военные возможности своих европейских партнеров и союзников.

Автор делает важную констатацию: «данную военную политику в Европе американское военно-политическое руководство могло проводить лишь в условиях господствующей в Вашингтоне твердой убежденности в том, что упадок России необратим, и поэтому с позицией Москвы по вопросам европейской безопасности можно не считаться» (с. 143).

Но известные события на Украине в 2014–2015 гг. заставили американское руководство коренным образом пересмотреть военно-политическую обстановку в Европе и отношение к военным возможностям России.

Говоря о гибридной войне на Украине, автор указывает, что, с точки зрения США, российские вооруженные силы применяют «новую тактику», активно используют силы спецназначения, кибероружие, а также пропаганду и тайные операции» (с. 149).

США не проявили особого желания активно вмешиваться в гибридную войну на Украине на стороне официального Киева. Они ограничились небольшой военной помощью и обучением украинских военных. То есть «Украина будет сама обеспечивать собственную безопасность при минимальном содействии Вашингтона» (с. 152).

В заключение автор делает важный вывод: «Крым и Донбасс показали, что у вооруженных сил Российской Федерации имеется большой потенциал для ведения обычной войны, так и для участия в конфликтах низкой интенсивности – и Вашингтону и Брюсселю нужно будет с этим считаться» (с. 156–157).

Безусловно, представляют интерес такие темы, как военно-морская стратегия США в АТР и американо-китайские отношения, США и локальные конфликты в Африке.

Но вряд ли можно согласиться с некоторыми суждениями автора главы 4, в которой рассматривается миротворческая деятельность США. В частности, на с. 116 указано: «миротворческие усилия привели к тому, что искусственно созданное государственное объединение – Мусульманско-хорватская федерация в БиГ стала протекторатом США. Сербы лишились своего анклава (Республика Сербска) в БиГ, а их влияние было подорвано». Говоря о стратегии непрямых действий, автор в качестве примера рассматривает ситуацию в СФРЮ с 1960-х гг., правда, оговариваясь, что «в действительности эти социально-политические процессы более сложны, многообразны и, как правило, малопредсказуемы, чтобы ими можно было жестко управлять» (с. 133). Но тем не менее в тексте на с. 132 есть такие фразы: «Все акции тщательно планирова-

лись и координировались, обеспечивались крупными финансовыми средствами из Вашингтона» (о событиях в СФРЮ на рубеже 1960–1970-х гг.); «В этих условиях внешнее воздействие США было направлено на создание потенциала напряженности и на провоцирование столкновений между конфликтующими сторонами» (о начале распада СФРЮ в 1992 г.). Вызывает недоумение фраза: «Ныне эти “лоскутные” страны (Мусульманско-хорватская федерация и Косово – Ю. К.) находятся под внешним управлением Вашингтона (с. 133).

Следует обратить внимание на некоторые досадные ошибки в тексте этой книги. 1. На с. 51: «...военные расходы США в 2016 фин. г. (*который начинается 1 ноября*) осуществлялись бы...» Но финансовый год в США начинается 1 октября; 2. На с. 134: «...а после 11 сентября 2000 г...» Должен быть указан 2001 г.; 3. На с. 168: «В заключительный период президентства Рейгана, в октябре 1992 г. был принят закон...» Президентство Р. Рейгана: 1981–1989 гг.; 4. На с. 230: «...опыт участия советских войск в боевых действиях в Афганистане в 80-90 годах прошлого века...» Война СССР в Афганистане имеет хронологические рамки: 25 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.; 5. На сс. 282 и 284 представлена одна и та же карта с разными названиями.

Завершается это исследование очень важным и интересным заключением, где отмечено, что «просматривается логически выстроенная и прагматически реализуемая стратегия действий в рамках соответствия одного лидера (мирового) – одному миру (глобальному) – одному полицейскому (всемирному). Залогом успешной реализации этой своего рода «американской мечты» правящих кругов США является сохранение основополагающих элементов и принципов пусть устаревшей и сегодня несправедливой для большинства стран, но опять-таки финансовой (долларовой) системы» (с. 311–312).

Более того, автор делает вывод о том, что итогом эволюции американской военно-политической стратегии после холодной войны стала следующая констатация: именно локальная война является в настоящее время наиболее серьезной военной угрозой США.

И самый главный вывод – это констатация того, что мощнейшая в мире военная машина оказалась недостаточно приспособленной к ведению войн нового типа, войн локальных, главными противниками в которых оказываются террористические группировки, племенные ополчения и т. п.

Американские военные отдают себе отчет, что для победы в таком конфликте необходимо уметь использовать различные методы борьбы, от агитации до широкомасштабных военных действий.

В заключение следует отметить, что данное исследование представляет несомненный интерес в фактологическом и источниковедческом плане, оценке тех или иных событий, как и общая тональность повествования, отличается взвешенностью и достаточно высоким уровнем объективности. Актуальность книги определяется тем, что этот период характеризуется глубокими изменениями в мировой политике и анализ деятельности США в локальных войнах и конфликтах позволяет дополнить сложную картину современного мира. Тем более интересно соотнести политику в этом вопросе двух президентов начала XXI в. Дж. Буш-младшего и Б. Обамы с нынешним руководителем США Д. Трампом. Содержательное историческое исследование под редакцией В. И. Батюка является важным вкладом в изучение внешней политики США данного периода.

Список литературы

Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века / под ред. В. И. Батюка. М. : Весь мир. 2017. 326 с.

Local war in military-political strategy of the USA at the beginning of XXI century

Yu. M. Kuzmin

PhD of historical sciences, associate professor. Russia, Kirov. E-mail: v1109897@yandex.ru

Abstract. The article analyzes a new book prepared by the staff of the Institute of the USA and Canada RAS, which deals with issues related to modern local wars and conflicts.

In this research a specific range of US policy at the beginning of the XXI century is affected. The author in his article dwells on the largest thematic blocks that connect together the picture presented by the researchers.

The article first of all focuses on such problems as the US strategy in the local war in Afghanistan, the struggle against the "Islamic State", trends in the development of American-Iranian relations, European problems.

It is concluded that the world's most powerful military machine was not sufficiently adapted to the conduct of a new type of war, local wars, the main opponents of which are terrorist groups, tribal militias, etc. And to win in such conflicts must be able to use different methods of struggle.

Keywords: local war, ISIS, American-Iranian relations, peacemaking, hybrid war, war in Afghanistan, us Congress.

References

Lokal'naya vojna v voenno-politicheskoj strategii SShA v nachale XXI veka – Local war in military-political strategy of the USA at the beginning of XXI century / ed. V. I. Batyuk. M. Ves' Mir. 2017. 326 p.

УДК 940.53(71)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.064

Либеральный прагматизм. Реализация военного, политического и экономического потенциала Канады в годы Второй мировой войны

Ю. Г. Акимов

доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: y.akimov@spbu.ru

Аннотация. Рецензируется монография А. Н. Учаева, посвященная различным аспектам истории Канады в годы Второй мировой войны. Отмечается, что автору удалось показать и справедливо оценить канадский вклад в общую Победу союзников, показав значение экономических и военных усилий, предпринятых Оттавой в 1939–1946 гг. Подчеркивается широта проблематики, рассмотренной автором монографии, который помимо чисто военных сюжетов, остановился на особенностях внутренней и внешней политики Канады того времени, настроениях в армии и обществе и т.п.

Ключевые слова: Канада, Вторая мировая война, Великобритания, военно-экономическое сотрудничество, США.

Монография доцента кафедры истории, философии и политологии Саратовского социально-экономического института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова посвящена теме, актуальность, научно-теоретическая и научно-практическая значимость которой не вызывают сомнений. История Второй мировой войны – одного из ключевых событий мировой истории XX века, во многом определившего направление ее последующего развития на протяжении многих десятилетий, – продолжает оставаться полем напряженных дискуссий, имеющих зачастую не только академическую направленность. В то же время в ней сохраняется немало «белых пятен» и лакун, в том числе связанных с выяснением вклада в общую Победу тех участников конфликта, которые играли в нем не самые первые роли, но при этом отнюдь не являлись статистами. Среди этих держав «среднего ранга» выделяется Канада – страна, обладавшая значительными материальными и людскими ресурсами, военной и экономической мощью, которая по ряду позиций занимала четвертое место среди стран Антигитлеровской коалиции.

Во введении А. Н. Учаев справедливо обращает внимание на то, что именно Канада оказала весьма серьезную помощь Великобритании в критический для последней период войны с 10 июля 1940 до 22 июня 1941 г. Однако если экономическое взаимодействие двух стран изучено достаточно подробно, то этого нельзя сказать о военном сотрудничестве. «Именно в вопросе об объемах, способах и важности помощи Канады метрополии, а следовательно, и вкладе доминиона в дело разгрома стран “оси”, кроется наибольшее количество противоречий <...> важность экономической помощи Канады никто не оспаривает, а вот относительно помощи в боевых действиях возникают существенные расхождения» (с. 5).

Исходя из этого, А. Н. Учаев в своей книге поставил цель осуществить «комплексный анализ военной политики Канады в политической, экономической и непосредственно военной сферах» и за счет этого «определить, насколько эффективно Канада смогла использовать появившиеся у нее в результате мирового конфликта возможности по улучшению собственных позиций» (с. 28). Для этого автор рассмотрел важнейшие направления канадской внутренней и внешней политики военного времени, основные тенденции развития военно-промышленного комплекса, а также ряд чисто военных аспектов, связанных с участием вооруженных сил Канады в операциях на различных театрах боевых действий. Помимо этого, А. Н. Учаев обратил внимание на настроения в обществе в годы войны, систему военной подготовки, моральный дух фронтовиков, их взаимодействие с гражданским населением и военнослужащими союзных армий.

Рецензируемая монография опирается на солидную источниковую базу. Ее основу составили разнообразные опубликованные документы: дипломатические, правительственные, парламентские, военно-штабные и т. д. А. Н. Учаевым были также привлечены неопубликованные документы Военного комитета при канадском правительстве и Управления военной

информации из Публичного (Государственного) архива Канады. Следует особо отметить, что автор очень хорошо ориентируется в массиве статистических данных, относящихся не только к количественным показателям боевой мощи Канады, но и к различным секторам ее экономики. Важным источником, использованным А. Н. Учаевым, являются также документы личного происхождения, прежде всего мемуарная литература. Наконец, нельзя не отметить такой своеобразный источник, как разного рода справочные материалы, касающиеся тех или иных видов вооружения.

А. Н. Учаев очень хорошо ориентируется в литературе, связанной с проблематикой его исследования, о чем свидетельствует обстоятельный историографический обзор (с. 6–24). Им было привлечено большое количество общих и специальных работ от классических трудов по истории Второй мировой войны и работ официальных историографов канадских вооруженных сил до новейших публикаций (порой затрагивающих весьма необычные аспекты вроде военной психиатрии).

В первой главе проанализированы внешне- и внутривнутриполитические факторы, влиявшие на политику канадского либерального правительства У. Л. Макензи Кинга в период Второй мировой войны. Справедливо подчеркивается, что участие в войне было необходимо Канаде, прежде всего, по политическим причинам, в том числе для повышения своего международного статуса.

Говоря о внешнеполитических аспектах военной политики Канады в годы войны, А. Н. Учаев детально рассматривает взаимодействие Канады с США и Великобританией по вопросам, связанным непосредственно с боевыми действиями и организацией обороны Североамериканского континента. Он выявляет формы и уровни данного взаимодействия, дает оценку его эффективности на разных этапах войны. Показано стремление Канады еще в довоенный период наладить двустороннее сотрудничество с США. Автор справедливо констатирует, что подписанное в августе 1940 г. «Огденсбергское соглашение, хотя и было заключено по инициативе Рузвельта, полностью соответствовало интересам Канады в понимании Кинга» (с. 34). В работе прослеживается динамика развития «особых отношений» Оттавы и Вашингтона, при этом подчеркивается изменение внешнеполитического поведения США, превращавшейся в сверхдержаву, прибегавшей к более прямой и жесткой дипломатии и стремившейся добиться максимальных уступок даже со стороны ближайшего союзника. Ярким примером партнерства, становившегося все менее равноправным, являлось строительство дороги на Аляску и возведение ряда других стратегических объектов на Канадской территории силами американцев (с. 36–37). Показательно, что канадское руководство отчетливо видело это и периодически возмущалось действиями Вашингтона, однако каких-либо серьезных мер не предпринимало (с. 39–40).

А. Н. Учаевым убедительно доказано, что к концу войны в Канаде был выработан подход, ставший основой ее послевоенной политики, сводившейся к сочетанию активного участия в международном сотрудничестве и совместного с США укрепления обороны Североамериканского континента (с. 42–43). Это происходило на фоне ослабления традиционных связей Канады с Великобританией, уклонения правительства Макензи Кинга от создания единых имперских структур и его отрицательного отношения к идеям имперской централизации в годы войны. А. Н. Учаевым подчеркивается, что Канада не поддержала предложение Лондона о консолидации Содружества в качестве «четвертой силы» послевоенного мира, что было связано с ее стремлением упрочить свой внешнеполитический суверенитет (с. 46–49). В то же время отмечена определенная двойственность позиции канадского общества по отношению к Великобритании в годы войны: с одной стороны, сохранялись определенные про-британские настроения (в первую очередь, в Английской Канаде), с другой – имело место стремление к «канадизации» военного участия, представительства и т. п.

В параграфе, посвященном внутривнутриполитическим сюжетам, основное внимание справедливо уделяется проблеме введения всеобщей воинской повинности. Данная проблема находилась в центре политической повестки дня Канады на всем протяжении войны, приведя к двум так называемым конскрипционным кризисам (1942 и 1944 гг.). А. Н. Учаев приводит любопытное свидетельство: в военных дневниках Макензи Кинга слово «конскрипция» встречается почти 500 раз (с. 51). Он справедливо отмечает, что конскрипционная проблема в свою очередь была связана со многими другими проблемами: от обострения межнациональных отношений до недостаточного развития ВПК. В частности референдум 1942 г. по вопросу об освобождении правительства от ранее взятых им обязательств, связанных с ограничением

призыва, предсказуемо продемонстрировал различия в отношении к конскрипции со стороны англо- и франко-канадского сообщества. В 1944 г. острые дебаты развернулись по вопросу об отправке на фронт призывников (а не добровольцев). Анализируя эти события, А. Н. Учаев точно подметил, что «конскрипционные кризисы» «имели разную природу»: в первом случае политическую, а во втором – военную (с. 83).

Во второй главе показан рост экономического потенциала Канады в годы войны, развитие ее военно-промышленного комплекса и сложности, связанные с данным процессом. Прослежен переход канадской экономики на военные рельсы и постепенное превращение Канады в крупного поставщика вооружений для стран Антигитлеровской коалиции (в первую очередь, для Великобритании). А. Н. Учаев останавливается на таких «тонких» моментах, как направления экспорта и импорта, торговый баланс, динамика развития отдельных отраслей. Также отмечены финансовые проблемы, стоявшие перед правительством либералов (валютные затруднения самой Канады и дефицит канадских долларов в Великобритании).

А. Н. Учаевым убедительно продемонстрировано, что канадский экспорт за период 1939–1944 гг. распределялся почти поровну – между Северной Америкой с одной стороны и Великобританией и другими европейскими странами с другой (с. 98–99). Это свидетельствует о том, что полной переориентации канадской экономики на США в это время еще не произошло.

В этой же главе подчеркиваются кардинальные изменения, имевшие место в канадской экономике в годы мирового конфликта, выразившиеся в колоссальном росте объема производства в машиностроении (в т. ч. в авиастроении, судостроении, производстве вооружений), создании «с нуля» ряда отраслей и т. п. (с. 105 и далее). Отмечено, что к 1943 г. канадский ВПК смог не только удовлетворить потребности вооруженных сил Канады, но и «позволил отправить огромное количество военных грузов для всех Объединенных Наций» (с. 117), а объемы промышленного производства сравнились с объемами производства сырья.

В монографии прослежена связь изменений военного времени и тенденций экономического развития Канады послевоенных лет (с. 108–109). Приводятся интересные данные о разработке федеральным правительством стратегии реконверсии еще на заключительном этапе войны. Обращается внимание на различные стороны взаимодействия государства и бизнеса, в частности, отмечается «лояльность» государства к крупным корпорациям, извлекавшим сверхприбыли из военных заказов (с. 112–113)

Говоря непосредственно об оборонной промышленности, А. Н. Учаев констатирует, что Канада смогла занять свою специфическую «нишу» в военном производстве, где приоритет явно отдавался нуждам флота и авиации (с. 120–121 и далее).

Рассмотрение собственно военных сюжетов А. Н. Учаев начинает с обзора организации и управления вооруженными силами Канады. Подробно освещается их структурная перестройка на начальном этапе войны, при этом опять-таки отмечается приоритет, отдававшийся развитию военно-воздушных и военно-морских сил.

А. Н. Учаев отмечает, что во время войны в канадской армии уделялось большое внимание проблемам, связанным с поддержанием боевого духа личного состава, отслеживанием его настроений и отношения к тем или иным проблемам. В работе приведены очень ценные и интересные данные из отчетов канадских военных цензоров, ранее не попадавшие в поле зрения отечественных исследователей. Показано, как по ходу войны менялись (в лучшую сторону) отношения канадских военнослужащих и населения Британских островов (с. 213 и далее). Отдельно рассмотрено восприятие канадскими солдатами и офицерами бойцов английских и американских соединений, с которыми им приходилось тесно взаимодействовать. Значительный интерес представляет описание поведения канадских военнослужащих в небоевой обстановке.

Безусловно, важное место в работе занимают страницы, посвященные боевым операциям канадских вооруженных сил. А. Н. Учаев уделяет особое внимание рейду союзников на Дьепп (1942), где основную роль сыграли канадские части. Показаны дискуссии, которые ведутся вокруг оценки данного события с разных точек зрения (с. 167–173). Рассмотрена роль канадских частей в сицилийской и итальянской кампаниях, где они часто оказывались «на острие» удара. Отмечены их сильные и слабые стороны. Подробно рассмотрены действия канадских частей в ходе высадки союзников в Нормандии и последовавших за этим боях на Западном фронте.

Характеризуя основные военные операции канадских сухопутных сил, А. Н. Учаев справедливо отмечает их ограниченный характер и связанные с этим относительно небольшие

(по сравнению с другими странами Антигитлеровской коалиции и, прежде всего, СССР) потери. Говоря о политическом аспекте канадского участия в войне, автор справедливо указывает на то, что Канада стремилась одновременно «избежать отправки крупных контингентов войск за океан», но при этом «удовлетворить требования англичан и свои внешнеполитические амбиции» (с. 209).

В отдельном параграфе дается всесторонняя оценка действий канадских ВВС на различных театрах военных действий, в том числе на «второстепенных» (в этой связи следует отметить страницы, посвященные операциям на северо-западе Североамериканского континента). А. Н. Учаев останавливается на личных достижениях канадских летчиков-истребителей (В. Вудворда, Р. У. МакНайра, Г. У. МакЛеода, Дж. Ф. Берлинга, Дж. Ф. Эдвардса, Р. Дж. Одета, Д. Ч. Фейрбенкса), в то же время подчеркивая, что они по некоторым показателям уступали пилотам других воюющих сторон (с. 262–265).

Обращаясь к морским сюжетам, автор показывает роль канадского военно-морского флота в боевых операциях в Атлантике на различных этапах войны. Подчеркивается тот немаловажный факт, что у Канады был самый крупный флот в Британском содружестве после собственно английского и в целом один из крупнейших флотов периода Второй мировой войны. Отмечается рост канадских усилий в восточной Атлантике по ходу войны. Делается вывод о том, что канадские моряки в союзе с авиаторами сыграли важную роль в морской войне против Германии.

В своей работе А. Н. Учаев проводит мысль о том, что, в отличие от других участников мирового конфликта, «Канада не вела войну за существование своего государства, а, по сути, добивалась повышения собственного внешнеполитического статуса» (с. 133). По мнению автора, эту цель она успешно реализовала, получив в результате войны свой «аттестат зрелости», а также статус «средней» державы с развитой промышленностью и широкой ресурсной базой (с. 114–115).

Оценивая внутреннюю политику кабинета Макензи Кинга в период войны, А. Н. Учаев констатирует, что это был «политический реализм в либеральной оболочке», поскольку действия, предпринятые правительством доминиона, были логичны с точки зрения получения политических дивидендов при минимальных «затратах» (с. 294). По его словам, канадское правительство стремилось «принять участие в войне так, чтобы это было заметно, но не затратно и не опасно с политической точки зрения» (с. 298). Не подлежит сомнению общий итоговый вывод о том, что в целом, несмотря на ряд неудач, «Канаде удалось достаточно успешно реализовать свой политический, военный и экономический потенциал в годы Второй мировой войны» (с. 299).

Безусловно, монография А. Н. Учаева обладает научной новизной и вносит значительный вклад в изучение малоизвестных страниц истории Второй мировой войны и истории Канады.

Особо хотелось бы отметить высокую исследовательскую культуру автора работы, внимание и уважение к деталям, тщательность проработки исторического фона рассматриваемых событий. В книге содержится множество ценных уточнений относительно событий, дат и имен.

В порядке пожеланий можно отметить, что, говоря о дебатах по вопросу о введении всеобщей воинской повинности, в известной степени усиливших раскол между двумя основными этнолингвистическими сообществами, автор мог посмотреть на них не только со стороны англо-канадского большинства, но и франко-канадского меньшинства. Также, возможно, стоило бы обратить внимание на то, какую позицию по отношению к конскрипции занимали ведущие оппозиционные партии Канады, прежде всего, консервативная партия и ФКС (в т. ч. на выборах 1940 г.).

Также в качестве пожеланий отметим следующее.

- Было бы интересно узнать об участии канадцев в полярных конвоях.
- Стоило бы дать хотя бы краткую характеристику канадским министрам обороны военных лет.
- Работа, несомненно, выиграла бы, если бы в ней были именной и предметный указатели.

В монографии встречаются отдельные ошибки в транслитерации французских фамилий (в частности, квебекского «лейтенанта» Кинга звали Эрнест Лапуант, а не Лапойнт) и названий.

Однако, при всех указанных замечаниях, рецензент хотел бы еще раз повторить, что перед нами добротное исследование, которое, несомненно, найдет своего читателя.

Список литературы

Учаев А. Н. Либеральный прагматизм. Реализация военного, политического и экономического потенциала Канады в годы Второй мировой войны. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. 332 с.

Liberal pragmatism. Implementation of military, political and the economic potential of Canada during the World War II

Yu. G. Akimov

Doctor of historical sciences, professor of the Department of American studies, St. Petersburg State University.
Russia, St. Petersburg. E-mail: y.akimov@spbu.ru

Abstract. The monograph by A. N. Uchaev, dedicated to various aspects of the history of Canada during the Second World War, is reviewed. It is noted that the author managed to show and to deal fairly with the Canadian contribution to the allied Victory, having shown the importance of the economic and military efforts undertaken by Ottawa in 1939–1946. The breadth of issues considered by the author of the monograph is emphasized, who in addition to purely military subjects, focused on the specific features of internal and external Canadian politics of the time, the mood in the army and society, etc.

Keywords: Canada, World War II, Great Britain, military-economic cooperation, USA.

References

Uchaev A. N. *Liberal'nyj pragmatizm. Realizaciya voennogo, politicheskogo i ekonomicheskogo potenciala Kanady v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Liberal pragmatism. Realization of military, political and economic potential of Canada during the World War II]. Saratov. Saratov Social and Economic Institute (branch) of RUE n.a. G. V. Plekhanov. 2018. 332 p.

Сотрудничество в эпоху конфронтации

О. В. Рычкова

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: olya.rychkova@gmail.com

Аннотация. В конце 2017 г. в издательстве «Весь мир» вышел в свет сборник научных статей «Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов» под редакцией доктора исторических наук Н. И. Егоровой. В этом коллективном издании исследуются малоизученные в российской и зарубежной историографии сюжеты холодной войны. Этот труд создает благодатную почву для новых дискуссий. Авторы включенных в него статей объединены желанием представить развитие межгосударственных и межблоковых отношений второй половины XX века во всей сложности и многогранности протекавших тогда международных процессов. Книгу отличает свежий взгляд на интерпретацию многих событий, который обеспечивается сознательной установкой на осмысление холодной войны и разрядки как эпохи взаимодействия и сотрудничества различных субъектов международных отношений, в том числе и в тех областях, которые традиционно рассматривались в исключительно конфронтационном контексте. В этом коллективном исследовании охарактеризованы многие государственные деятели, принявшие участие в подготовке компромиссных решений и выработке согласованных подходов к урегулированию как глобальных, так и частных проблем.

Ключевые слова: холодная война, публичная дипломатия, «мягкая сила», безъядерные зоны, Движение сторонников мира, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, СБСЕ.

В книгу включены результаты многолетнего труда известных авторов, исследования по смежной тематике которых хорошо знакомы профессиональным историкам [1; 2; 4; 5; 6; 11; 12]. Она продолжает серию индивидуальных и коллективных комплексных исследований по истории международных отношений второй половины XX века [7; 13; 14], получивших высокую оценку в профессиональной среде [3; 17]. В данном томе представлены результаты исследований внутренне взаимосвязанных и ранее не изучавшихся сюжетов истории международных отношений периода разрядки международной напряженности. Тематическая цельность и новизна включенных в этот том материалов придают ему черты коллективной монографии, затрагивающей и проясняющей многие актуальные проблемы.

Казалось бы, тема холодной войны изучена вдоль и поперек. Однако работа, выполненная авторским коллективом под руководством д. и. н. Н. И. Егоровой, выделяется из общего ряда монографий и статей, посвященных блоковому противостоянию. В первую очередь следует отметить ориентацию всех материалов сборника не на конфликтную, а на примирительную грань взаимоотношений основных и второстепенных акторов холодной войны. И отечественные, и зарубежные историки, обращаясь к событиям 1960–1970-х гг., так много внимания уделяли столкновениям и противоречиям, конфликтам и разногласиям, что происходившие в те годы позитивные перемены зачастую выглядели как необязательные и случайные отклонения от генеральной линии развития международных отношений или как излишняя и незаконномерная уступка идеологическому сопернику, а сам термин «разрядка» становился «фоновым», терял свой примирительный смысл. В данном труде И. А. Агеева, Г. Е. Гиголаев, Н. И. Егорова, М. А. Липкин, В. Л. Мальков, Е. А. Осипов, Ар. А. Улуян, А. Салаконе, А. М. Филитов подходят к проблемам международной безопасности и разрядки с иных позиций.

Практически все статьи опираются на внушительную архивную базу. Анализируемые локальные темы тесно связаны между собой «гроцианской» теорией безопасности. Практически ни одно из существенных историографических достижений последних лет, имеющих отношение к затронутым сюжетам, не оставлено без внимания. Различные аспекты взаимодействия участников международных отношений рассмотрены преимущественно в фазе «высокой разрядки», когда достигнутый американо-советский стратегический паритет создал условия для диалога между Востоком и Западом. Ни в СССР, ни в других странах Варшавского договора «симптомов приближавшегося распада» в тот момент еще не ощущали [18, с. 10].

Признаки приближения конца эпохи двухполюсного мироустройства не были зафиксированы и в странах НАТО. И в СССР, и в США с середины 1970-х много говорили «о кризисных и застойных явлениях, как и о целесообразности реформ, но не о распаде страны, не об изменении формы государственного устройства и общественно-политического строя» [18, с. 9]. Таким образом, в статьях сборника внимание исследователей сосредоточено, как правило, на уникальной исторической ситуации временного равновесия сил на международной арене, когда в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств стороны стремились наладить отношения сотрудничества по многочисленным политическим, экономическим и гуманитарным проблемам, находили соответствующие юридические решения и создавали необходимые межгосударственные механизмы.

Открывает сборник статья **А. М. Филитова** «На пути к Хельсинки. СССР, два германских государства и генезис Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (середина 60-х – начало 70-х гг. XX века)»¹. Начав с всестороннего обзора основных исторических оценок отношения В. Брандта к восточноевропейскому фактору в международных отношениях и роли германского лидера в установлении межгосударственного и межблокового баланса в Европе, автор справедливо отмечает, что часть его западных коллег не смогла преодолеть раскол «в определении того, кому принадлежит главная “заслуга” в распаде социалистического лагеря и Советского Союза» [8, с. 21]. Отдельно рассмотрена позиция Москвы с учетом ее развития и изменения смысловых нюансов. Отмечен тот факт, что советская дипломатия на данном этапе включала в себя два взаимосвязанных подхода: традиционный и новаторский. Следы проявления этих, казалось бы, разновесовых составляющих автор статьи обнаруживает не только в официальных дипломатических, но и в сугубо внутренних документах советского МИДа.

Практическая реализация новаторского и традиционного в советской дипломатии проиллюстрирована путем сопоставления западно- и восточногерманского направлений, которые А. М. Филитов оценивает как «плодотворное, но не лишённое элементов конфликтности сотрудничество».

В работе **Е. А. Осипова**² исследуется особая роль Франции в системе международных отношений в 1960–1970-х гг. В центре внимания исследователя – сложная диалектика развития внешнеполитического курса Парижа в течение наиболее плодотворного для становления «кооперационной модели безопасности» десятилетия [8, с. 40]. Шаг за шагом прослежены действия руководства Пятой республики в период смены власти (в середине 1969 г. Ж. Помпиду сменил генерала Ш. де Голля на посту президента) и системной корректировки ее курса в форматах европейской и глобальной стратегий. Франции принадлежала особая роль в создании возможностей для запуска процессов общеевропейской интеграции и придании самому понятию «разрядка», наряду с военно-стратегическим («блоковым»), более глубокого смысла. На основе материалов Архива внешней политики РФ и Архива МИД Франции показано, что во многом благодаря Франции в дискурс двусторонних и многосторонних отношений прочно вошли вопросы межкультурного взаимодействия, экономического сотрудничества, широкий спектр гуманитарных проблем. Акцентированное внимание к «третьей корзине» глобальной международной повестки (в частности, во время подготовки СБСЕ 1975 г.) оказалось в высшей степени актуальным и стало инновационным для своего времени фактором обеспечения всеобщей безопасности.

Роль Франции в европейской и мировой политике широко представлена и в зарубежной, и в отечественной историографии, однако автор находит новые ракурсы презентации этого сюжета: сопоставление различных моделей внешнеполитических стратегий страны в процессе преобразования двусторонней разрядки в многостороннюю. Важное место уделено анализу франко-советских и франко-китайских контактов. Рассматривая соотношение внешнеполитических (Эвианские соглашения, «пражская весна») и внутривнутриполитических («культурная революция») факторов в политике Пятой республики, Е. А. Осипов подмечает, что оба

¹ Филитов А. М. На пути к Хельсинки. СССР, два германских государства и генезис Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (середина 60-х – начало 70-х гг. XX в.) // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 18–46.

² Осипов Е. А. Французская концепция разрядки (1965–1975) // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 40–73.

вектора испытывали блоковое давление, однако руководство страны в непростых условиях сумело проявить политическую волю, вернуло Франции самостоятельную роль в мире. Курс на превращение Пятой республики в «мост между Востоком и Западом “был исторически обоснованным”, проистекал из реально сложившейся в Европе ситуации» и «оказался универсальной доктриной, практически не менявшейся с течением времени» вплоть до окончания холодной войны [8, с. 72–73]. Позиция автора данной статьи содержит немало аргументов, позволяющих возражать сторонникам версии о том, что после отставки де Голля главным способом возвращения международного авторитета Франции стало ее очередное сближение с НАТО [19, с. 97–100].

Статью **И. А. Агеевой** о политике СССР в области прав и свобод человека в 1970-е гг.³ можно оценить как новое слово в освещении истории холодной войны и разрядки международной напряженности. По данной теме опубликовано немало работ на Западе. Как правило, история включения пункта о правах человека в перечень принципов Заключительного акта СБСЕ, подписанного в Хельсинки 1 августа 1975 г., а также развернувшихся после этого дипломатических и идеологических баталий, во многом превосхитивших «второе издание» конфронтации по линии Восток–Запад, освещена с позиций США и их западноевропейских партнеров [20; 24; 25]. Между тем проблема прав человека была частью сложного, разнопланового и многостороннего диалога, в котором СССР и страны социалистического содружества принимали деятельное и равноправное участие. И. А. Агеева разделяет позицию тех авторов, которые считают кооперационную модель безопасности «самой значительной концептуальной и процедурной инновацией периода холодной войны» [8, с. 75; 20].

В статье последовательно исследуются мотивы, которыми руководствовались в Москве, соглашаясь на подробное обоснование в итоговом документе СБСЕ положения о свободах, обеспечивающих права человека и гуманитарное сотрудничество, как неотъемлемых элементах безопасности. Автор внимательнейшим образом исследует логику советских руководителей и дипломатов, принимавших решения о способах исполнения страной принятых на себя обязательств в международных делах для того, чтобы ответить на вопрос, как получилось, что вместо сотрудничества Москва столкнулась с солидарной критикой Запада по вопросу соблюдения прав и свобод человека.

Автор не находит документальных подтверждений тому, что Москва, соглашаясь на «правозащитные» формулировки Заключительного акта, не собиралась их исполнять. В статье документально подтверждено, что решение о включении в повестку переговорного процесса по разным аспектам разрядки положений о свободе контактов граждан стран с различным общественным строем, обмене информацией, личных правах и проч. принималось на основе «всестороннего анализа международной обстановки, оценки соотношения сил и тенденций мирового общественного развития, как они представлялись из Москвы» [8, с. 95–96]. Показан личный вклад Л. И. Брежнева в принятие Заключительного акта. Глубоко и подробно рассмотрены различия в понимании всеми участниками переговорного процесса юридических и моральных оснований прав и свобод человека.

Взвешенно оценивая позиции, занятые руководителями СССР, США и некоторых европейских государств, И. А. Агеева прослеживает процесс превращения «гуманитарной тематики в идеологический инструмент, вспомогательное средство, площадку острой конкурентной борьбы» противоборствующих в холодной войне сторон. Подчеркивается, что значительную часть ответственности за это несут идеологические органы ЦК КПСС и КГБ. При этом отмечается, что со стороны Запада, прежде всего США, имела место весьма энергичная, практически зеркальная по отношению к идеологическим усилиям КПСС кампания по интерпретации хельсинских правозащитных формулировок в антисоветском ключе. В результате гуманитарная проблематика на полях СБСЕ и Белградской встречи была максимально политизирована.

Весьма скрупулезно автор анализирует сам процесс включения проблемы прав человека в повестку СБСЕ, четко разграничивая роли западных участников и их реакцию на включение этого пункта в текст Заключительного акта. В этой связи важным представляется замечание о том, что американская сторона на стадии подготовки итогового документа держалась в стороне, предоставив западноевропейским партнерам играть лидирующую роль в продви-

³ Агеева И. А. Политика СССР в области прав и свобод человека в период разрядки 1970-х гг.: от Хельсинки до Белграда // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 74–110.

жении формулировок, соответствующих либеральным европейским стандартам. В частности, отмечены слова премьер-министра Великобритании Дж. Каллагана, предлагавшего после Хельсинки вести дела с Москвой «демонстрируя <...> твердую приверженность делу индивидуальных свобод», подчеркнувшего, что в этом вопросе с социалистическими странами перемирия не будет [8, с. 101]. Что касается позиции США, то желание превратить права и свободы в главную повестку внешнеполитического курса, придав им откровенно антисоветскую направленность, возобладало только с приходом в Белый дом администрации Дж. Картера. При этом ни сам президент, ни главный идеолог этого курса советник по национальной безопасности Зб. Бжезинский не заиклись на личных правах, а вели речь преимущественно о свободе выезда из СССР, свободе обмена информацией, свободе радиовещаний и прочих инструментах давления на правительство СССР, заведомо не расположенного идти на уступки в этих вопросах [8, с. 101, 108].

Различные акценты в подходах европейцев и американцев к проблеме прав человека в середине 1970-х гг. делают обоснованным предположение, что руководители США понимали, какие выгоды сулит использование тезиса об индивидуальных свободах в идеологическом противостоянии с СССР, но не до конца осознавали, какими социально-политическими последствиями чревато его последовательное применение на территории самих Соединенных Штатов. Исследования последних лет указывают на глубокие изменения в социальной структуре, конфессиональных предпочтениях и правовых тенденциях, уже сегодня создающих серьезные вызовы для современной Америки [8, с. 50–53].

Статья **Алессандро Салаконе** обращает внимание на вклад Италии в снижение международной напряженности в 1960-е гг., способствовавший утверждению разрядки напряженности⁴. Итальянский историк отмечает, что включение Апеннинского полуострова в сферу западного блока прошло очень неоднозначно, в условиях серьезного партийного, парламентского и общественного разброса мнений. В этой связи и «неоатлантизм» по-итальянски выступал как особая форма отношений с США, которая обеспечивала Риму «немалые переговорные преимущества» [8, с. 113]. Претендуя на роль «моста между Востоком и Западом», Италия приняла деятельное участие в урегулировании локальных конфликтов периода холодной войны. И эта тема также малоизвестна в историографии.

Во время Карибского кризиса Италия призывала к осторожности, двустороннему и многостороннему переговорному разрешению конфликта. С самого начала доминирующей установкой правительства А. Фанфани стало «утверждение о необходимости найти способы дипломатического урегулирования кризиса без риска эскалации конфликта». В результате Вашингтон был озабочен позицией Рима, а Москва восприняла это как проявление лояльности [8, с. 113].

Вьетнамская война привела к формированию «внутреннего фронта» в Италии – широкого миротворческого движения, создававшего благоприятный фон для посреднических инициатив Рима. Трижды итальянская дипломатия пыталась наладить переговорный процесс во Вьетнаме с целью добиться компромисса воюющих сторон. Реакция Москвы и Вашингтона на эту активность была аналогичной реакции на «карибскую» линию Рима. Однако мирные инициативы Италии оказались маловостребованными. Автор выражает «сомнение в реальной эффективности итальянских попыток посредничества между Востоком и Западом», поскольку необходимости в существовании римского «моста» просто не было. Решающее значение для принятия любых по-настоящему важных решений по Вьетнаму имели только прямые контакты между Вашингтоном и Москвой, вследствие чего в «текущих геополитических преобразованиях» в этом регионе в конечном итоге роль Италии стала маргинальной [8, с. 127].

В статье **Н. И. Егоровой** на основе изучения недавно рассекреченных документов российских архивов рассмотрен вклад Движения сторонников мира в поддержку первых политических инициатив по созданию безъядерных зон в Европе и в других регионах⁵.

Обеспечение безопасности в годы холодной войны воплощалось в разных формах. Одной из них были массовые общественные движения, влиявшие на настроения национальных

⁴ Салаконе А. Вклад Италии в разрядку международной напряженности во время кубинского кризиса и конфликта во Вьетнаме // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 111–128.

⁵ Егорова Н. И. Реакция миролюбивой общественности на первые инициативы по созданию безъядерных зон // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 129–151.

политических элит, на правительства государств и международные организации в направлении нераспространения ядерного оружия и прекращения гонки вооружений. «Именно разоруженческая проблематика встречала наибольший отклик масс, при этом не только из-за страха перед войной, но и в связи с экономическими проблемами, порождаемыми гонкой вооружений», – справедливо замечает по этому поводу А. А. Калинин [3, с. 125]. Работы Н. И. Егоровой содержат богатый материал в пользу этого утверждения [8, с. 101–114].

Возможность создания безъядерных зон стала следствием, с одной стороны, поистине беспрецедентного размаха Движения сторонников мира, а с другой стороны – «второго уровня дипломатической деятельности» – публичной дипломатии, обеспечившей на пике общественной антиядерной активности «вклад экспертного сообщества в поиски альтернативных дипломатических решений». Автор статьи очень глубоко, и в историческом, и в теоретическом ключе исследует эти грани Движения сторонников мира.

Инициативы по созданию безъядерных зон фактически приняли всеохватный характер и имели место в разных регионах мира (в Европе они были инициированы СССР в 1956 г., Польшей – в 1958 г. и 1962 г., Ирландией – в 1959 г., Норвегией – в 1961 г., Финляндией – в 1963 г.; в Африке, в Марокко – в 1959 г.; на Ближнем и Среднем Востоке – СССР в 1959 г.

Особо значимую роль в плане активизации миролюбивой общественности сыграл визит Хрущева в США и его предложения о полном разоружении в 1959 г. Реакцией на этот призыв стал широкий общественный резонанс, активизировавший деятельность антиядерных и пацифистских организаций. В публичной дипломатии возникает идея создания «безъядерного клуба», широкий размах приобрела просветительская работа. Н. И. Егорова с полным основанием отмечает, что советская дипломатия порой использовала деятельность сторонников мира в пропагандистских интересах [8, с. 150]. Тем не менее колоссальная работа миролюбивых сил не прошла впустую и имела своим результатом серию многосторонних договоров по созданию безъядерных зон.

М. А. Липкин, избравший темой своего исследования проблему взаимного признания СЭВ и европейского сообщества⁶, сосредоточил главное внимание на той роли, которую в этом процессе играли вопросы экономической, идеологической и военной безопасности. Вполне резонно автор отмечает, что «торгово-экономическое и научно-технологическое измерения» процесса разрядки и подготовки СБСЕ длительное время оставались «где-то за бортом историографического мейнстрима» [8, с. 152]. Следует, однако, отметить, что в значительной степени благодаря именно его усилиям данная проблематика в последние годы становится все более заметной в российском историографическом дискурсе и «экономика разрядки» как важный вектор взаимоотношения полярных социально-экономических систем и созданных ими финансово-экономических институтов уже включена в повестку современных исторических исследований [4, гл. 4; 5].

Как и в предыдущих своих работах, М. А. Липкин подробно останавливается на мотивах советского руководства, в начале 1970-х гг. претворявшего в жизнь курс разрядки. Историографически важным представляется вывод статьи о том, что «вопрос о взаимном признании многосторонних экономических скреп двух Европ: СЭВ и ЕЭС» подобно «лакмусовой бумажке» указывал на принципиальную новизну предлагавшихся СССР «новых подходов в планировании безопасности в масштабах единой Европы и в рамках Восточного блока» [8, с. 154]. По этому поводу автор убедительно полемизирует с австрийским историком Вольфгангом Мюллером, полагавшим, что первые программные заявления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева о желательности развития экономических и научно-технических связей со всеми европейскими странами, независимо от их социально-политического строя, были не более, чем тактическим маневром. В статье отмечено, что основой для диалога между двумя финансово-экономическими системами стали перемены в международной политике и дипломатии, смещение приоритетов от военно-стратегических целей к политико-экономическим, вследствие чего формулировались новые задачи двусторонних и многосторонних отношений и разрабатывались новые методы взаимодействия с западными партнерами [8, с. 153].

⁶ Липкин М. А. Проблема взаимного признания СЭВ и Европейского сообщества в 1972 году: эволюция советской политики в области экономической, идеологической и военной безопасности в Европе в контексте СБСЕ // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 152–167.

Автор показывает нелегкий путь трансформации позиции Москвы от полного непризнания западноевропейских финансово-экономических структур через редкое использование гибкой тактики к концептуальному пересмотру своего догматического курса.

Однако глобальная идея интеграции экономических систем так и не была реализована, главным образом потому, что формировавшаяся для ее решения комплексная программа включала в себя тему безопасности, которая «выходила за рамки привычной дипломатической практики и рассматривалась комплексно в трех ипостасях: экономической, военно-политической и идеологической» [8, с. 165]. Преодолеть две последние оковы в 1970-е гг. стороны так и не смогли. С точки зрения понимания содержания глобальных финансово-экономических процессов в годы разрядки и распределения ролей между главными участниками важными представляются материалы данной статьи, доказывающие активную роль СССР в продвижении идеи сближения двух Европ в рамках СБСЕ [8, с. 166–167]. Этот вывод представляется тем более важным, что в зарубежной историографии имеется полярная точка зрения [23, с. 126–127].

В статье **Г. Е. Гиголаева** «Мировой океан: международно-правовые аспекты безопасности (1945–1994)»⁷ представлены результаты исследования проблем международного морского права, которые занимают особое место в истории холодной войны. Автор считает неслучайным тот факт, что подготовка и проведение всех трех конференций по морскому праву пришлось «на периоды ослабления международной напряженности» [8, с. 170]. Очевидное стратегическое, экологическое и ресурсное значение мирового океана во второй половине XX века превращало его в арену бескомпромиссного соперничества. В то же время по мере достижения межблокового стратегического паритета возрастало желание сторон договориться об установлении взаимоприемлемых режимов судоходства и согласованных правовых норм использования ресурсов мирового океана. Кроме того, потребность в разработке всеобъемлющих юридических документов в значительной мере была следствием деколонизации и появления большого количества новых прибрежных государств, стремившихся стать равноправными субъектами международных отношений и пытавшихся защитить свои интересы.

Автор подробно анализирует этапы развития морского права, начиная от Прокламации президента Г. Трумэна 1945 г. (а по существу даже от разработок в этой области, которые выполнялись еще администрацией Ф. Д. Рузвельта, начиная с 1943 г.), через дискуссию об установлении лимита территориальных вод и подписание Договора по морскому дну 1971 г. к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Обсуждение данной проблемы в ООН рассмотрено в контексте раскола мира на две системы, учитывается изменение соотношения военно-стратегических потенциалов и, как следствие, переговорных позиций Москвы, Вашингтона и других стран, имевших выход к морю.

Г. Е. Гиголаев отмечает, что как на содержательном, так и на институциональном уровне вопросы морского права всегда «тесно переплетались с разоружением» [8, с. 177]. В статье рассмотрен конкретный вклад всех главных участников переговорного процесса в подготовку конкретных документов. Особое внимание уделено анализу позиции США в связи с тем, что вклад американских делегаций в разработку комплекса юридических норм по проблематике мирового океана был весьма существенным, но при этом именно они отказались подписать Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., так как «предпочитали и предпочитают действовать в одностороннем порядке» [8, с. 187–188].

Характеризуя переговорный процесс и результаты конференций, Г. Е. Гиголаев отмечает, что в вопросах безопасности мирового океана проявилась «способность участников международных отношений к компромиссу, умение договариваться» [8, с. 189]. В этой связи уместна сделанная им констатация, что главные достижения этого периода во многом стали возможными благодаря равновесию сил, утвердившемуся в годы разрядки. Нарушение этого равновесия в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привело к тому, что Запад демонтировал ту часть правового блока комплекса документов по мировому океану, которая в свое время была принята с учетом интересов СССР, социалистических и развивающихся стран [8, с. 190].

История международных отношений XX в. знает немало парадоксов. Одним из них можно считать судьбу «доктрины сдерживания». Тот факт, что в доктрине, являвшейся в момент

⁷ Гиголаев Г. Е. Мировой океан: международно-правовые аспекты безопасности // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 168–190.

ее появления концептуальным фундаментом холодной войны, а в последующие годы во многом определявшей интеллектуальный фон дискуссий о международных отношениях, со временем стали искать аргументы (и находить их!) в пользу диалога между враждующими лагерями в холодной войне, уже сам по себе заслуживает осмысления. Не менее поразительными были политическая карьера и интеллектуальные поиски самого автора доктрины – Дж. Ф. Кеннана, которого известный российский историк В. О. Печатнов назвал «человеком на все времена» [9]. Уже не в первый раз В. Л. Мальков⁸ обращается к личности и теоретическому наследию этого дипломата [6]. На этот раз выбор темы мотивирован желанием разобраться в скрытых и явных обстоятельствах, влиявших на движение его мысли в период формирования доктрины «сдерживания» и позднее, когда настало время давать ей оценку. Эта цель, безусловно, оправданна, поскольку, по словам самого Кеннана, он пережил «внутренний конфликт» в отношении самого себя, «его воображаемого мира, его работы, его целей и его отношения к американской культуре» [8, с. 192].

Отправной точкой для В. Л. Малькова, представившего содержательный и богатый нюансами анализ взглядов и поступков этого американского дипломата, на этот раз стал конкретный документ – «Отчет о дискуссии на тему “Советская внешняя политика”, состоявшейся 7 января 1947 г. в Совете по внешней политике» после выступления Дж. Ф. Кеннана. Несколько копий протокола обсуждения доклада на тему «Советское мышление и его влияние на советскую внешнюю политику», с которым Кеннан выступил в узком кругу экспертов-международников, было разослано заинтересованным государственным деятелям – членам Совета, в том числе и Аллену Даллесу, среди бумаг которого, хранящихся в архиве Принстонского университета, и был обнаружен этот документ.

В российской историографии уже появлялись работы о понимании Кеннаном органичной взаимосвязи между внешней политикой СССР и образом мыслей советских руководителей на разных этапах его дипломатической карьеры [6; 9; 18]. В данной статье В. Л. Мальков делает следующий шаг в реконструкции самого способа мышления дипломата, раскрывая тончайшие оттенки его суждений. Автор статьи справедливо отмечает, что краткий пересказ этого выступления в известной монографии американского историка Дж. Гэддиса о Кеннана не передает ни сути самого доклада, ни общей тональности его обсуждения [8, с. 206]. Между тем данный эпизод занимал не рядовое место в генезисе холодной войны, поскольку в ее хронологии он расположен между знаменитой «длинной телеграммой» и статьей «Х» в июльском номере «Foreign Affairs» 1947 г. [16]. Собственно говоря, именно это выступление побудило главного редактора печатного органа Совета по международным отношениям Г. Ф. Армстронга предложить докладчику изложить свои мысли в виде статьи, появление которой в открытой печати и ознаменовало полноценное рождение известной доктрины.

В статье последовательно проводится мысль о том, что дипломат в своих размышлениях по поводу СССР в послевоенную эпоху прошел глубокую эволюцию: упрощенный взгляд на события уступил место обдуманному переосмыслению фактов [8, с. 192]. В то же время в его воззрениях были некие доминанты, которые с разной степенью контрастности всегда проявлялись в его текстах и устных высказываниях – «о постоянном существовании в структуре российского общества серьезной внутренней оппозиции» [8, с. 224; 16, с. 126, 137] и об отсутствии необходимости «проведения “жесткой политики” в отношении Советского Союза» [8, с. 225; 16, с. 125–126, 138]

Статья **Ар. А. Улуяна** стоит несколько особняком в ряду вошедших в состав сборника текстов⁹. В ней наглядно показано, что период разрядки международной напряженности имел множество измерений и некоторые из них полностью соответствовали канонам холодной войны, когда взаимоотношения между государствами строились по всем правилам блокового противоборства. Так, автор сообщает, что к концу 1960-х гг., когда тенденции дейтана уже проявились в полной мере, в отдельных областях внутриблокового и межблокового взаимодействия еще использовались прежние правила игры, предназначенные для получения

⁸ Мальков В. Л. Доктрина «сдерживания» Кеннана. К выбору послевоенной внешнеполитической стратегии США // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 191–225.

⁹ Улуян Ар. А. Борьба за «слабое звено». Греция и Турция в дипломатии стран-членов НАТО и оценках советской военной разведки (1969) // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 226–286.

односторонних преимуществ: «Поиск “слабого звена” в рядах противника и недопущение появления его в собственной коалиции становились важными элементами практики взаимоотношений СССР и США, как со своими союзниками, так и оппонентами» [8, с. 226].

Ар. А. Улуян исходит из того, что «сама идея поиска “слабого звена” в противостоящем лагере являлась элементом тактики обоих военно-политических блоков на протяжении всей холодной войны [8, с. 229] и демонстрирует обоснованность этого тезиса на основе анализа обширного круга российских и зарубежных архивных и опубликованных документов, включая ранее не использовавшиеся фонды Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Эта статья привлекает прежде всего методом исследования – своего рода перекрестным параллельным сравнительным анализом курсов США (и НАТО) с одной стороны и СССР с другой в отношении двух средиземноморских государств Греции и Турции. Выбор такого подхода обусловлен уникальной исторической ситуацией, сложившейся к 1969 г. в Греции и Турции, когда в силу обострения взаимоотношений между ними из-за кипрской проблемы и нестабильности внутривнутриполитического положения и то, и другое государство стали рассматриваться в Вашингтоне и в НАТО как источники беспокойства и потенциально «слабые звенья» Западного блока.

Одним из результатов «инвентаризации» внешнеполитических приоритетов, предпринятой администрацией Р. Никсона сразу после прихода к власти в январе 1969 г., стал вывод о существенном ослаблении южно-европейского фланга НАТО [8, с. 232, 239]. Советская сторона также проявляла пристальный интерес к состоянию дел в средиземноморском сегменте НАТО, поскольку имелись основания для надежды на то, что разногласия в отношениях США с Грецией и Турцией будут усиливаться. Кроме того, сложились объективные условия для сближения этих стран с СССР и странами ОВД, поскольку к концу 1960-х гг. практически полностью утратил актуальность сыгравший существенную роль на ранней стадии холодной войны тезис об «угрозе с севера» [8, с. 245]. Ожидания советской стороной существенного обострения разногласий Вашингтона с Афинами и Анкарой не оправдались. США предприняли существенные меры к укреплению союзнических связей. Ар. А. Улуян приводит большое количество доказательств тому, что в конечном итоге попытки Западного блока «не допустить превращения Греции и Турции в “слабое звено” и Москвы, напротив, <...> стремившейся ослабить НАТО на южно-европейском фланге именно через эти две страны» привели к укреплению позиций и Греции, и Турции [8, с. 285].

Завершает сборник статья Б.В. Яблокова «Экономическая дипломатия ГДР 1963–1973 гг.»¹⁰, в которой рассматриваются сложные коллизии взаимоотношения двух Германий – ГДР и ФРГ – на фоне восходящей стадии разрядки и стремления руководства двух немецких государств утвердиться в качестве полноправных и суверенных субъектов международных отношений. Автор отмечает, что еще в начале 1960-х гг. в Германской Демократической Республике, претендовавшей на «особое положение в рамках социалистического лагеря» [4, с. 289], начала реализовываться Новая экономическая система (НЭС), когда Берлин сделал ставку на отказ от жесткого планирования, приступил к переводу народных предприятий на хозрасчет, стал активно использовать механизмы экономической дипломатии и проч. Однако дефицит сырья и зависимость ГДР от поставок из СССР не позволили реализовать эту программу в полной мере. Существенный ущерб НЭС нанесла «пражская весна», которая дискредитировала эту экономическую модель: одной из причин событий в Чехословакии руководители большинства компартий Восточной Европы сочли децентрализацию экономики.

В конце 1960-х гг. ситуация существенно усложнилась в связи с приходом в ФРГ к власти социал-демократов во главе с В. Брандтом, предложившим проводить «новую восточную политику», которая ориентировала на развитие отношений со странами Восточного блока сквозь призму отношений с СССР [8, с. 305–306]. Для этого курса имелись весомые предпосылки. Как справедливо отмечает автор, «идеологическое противостояние ГДР и ФРГ весьма ограничено распространялось на сферу их экономического сотрудничества», поскольку в нем были заинтересованы обе стороны [2, с. 310]. Кроме того, инициативы правительства ФРГ находили поддержку в СССР, руководство которого увидело в нацеленности кабинета

¹⁰ Яблоков Б. В. Экономическая дипломатия ГДР 1963–1973 // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Весь мир, 2017. С. 287–317.

Брандта на урегулирование вопросов о послевоенных границах в Европе шанс на углубление разрядки.

12 августа 1970 г. был заключен Московский договор между СССР и ФРГ, который утвердил послевоенные границы в Европе. Эта важнейшая веха в истории Европы второй половины XX века имела оборотную сторону. Данный договор был заключен без участия руководителя ГДР В. Ульбрихта, который по ряду вопросов германского урегулирования занимал бескомпромиссную позицию и полагал, что ГДР должна принадлежать ведущая роль при определении курса социалистических стран в отношении ФРГ. За подписанием Московского договора последовала отставка Ульбрихта. Его заменил Э. Хонеккер, взявший курс на окончательное свертывание НЭС и развитие экономических связей с СССР. Автор приходит к выводу, что такое развитие событий лишило экономику ГДР возможностей для интенсивного роста и стало главным препятствием на пути выполнения социальных программ. Противоречия социалистического развития в данном случае привели к системному кризису, поразившему СЭВ во второй половине 1970-х гг. По мнению Б. В. Яблокова, изученный им фрагмент «германской истории» был знаменем той эпохи, предвосхитившим завершение разрядки и коллапс экономической системы социализма [4, с. 317].

Авторы сборника подготовили и предложили заинтересованной читательской аудитории целую галерею новых для отечественной исторической науки сюжетов, наметив широкие перспективы для дальнейших исследований. Несомненно, этот фундаментальный труд будет интересен не только профессиональным историкам и политологам, но и всем любителям истории, неравнодушным к проблемам безопасности и современных международных отношений.

Список литературы

1. Егорова Н. И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы / Ин-т всеобщей истории РАН, Центр по изучению холодной войны. М. : Аквилон, 2016. 320 с.
2. Егорова Н. И. Формирование восточного блока как западной границы коммунистической системы, 1947–1955 гг. // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2011. 600 с.
3. Калинин А. А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 3. С. 123–128.
4. Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М. : Фонд содействия образованию и науке. 2016. 560 с.
5. Липкин М. А., Филитов А. М. Развитие новых форм сотрудничества в эру разрядки: советско-западногерманские отношения в конце 1660-х – начале 1970-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 2(35). URL: <http://history.jes.su/s207987840000989-6-1> (дата обращения: 25.11.2018). DOI: 10.18254/S0000989-6-1.
6. Мальков В. Л. Неизвестный Кеннан. Заметки о морфологии мышления дипломата // Вестник Института Кеннана в России. 2004. № 5. С. 136–169.
7. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Фонд содействия образованию и науке, 2012. 464 с.
8. Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов. М. : Весь мир, 2017. 320 с.
9. Печатнов В. О. Человек на все времена (памяти Джорджа Кеннана) // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование : сб. статей / под ред. акад. РАН А. О. Чубарьяна и Б. А. Рубла. М. : ОЛМА Медиа, 2007. С. 65–80.
10. Печатнов В., Печатнов Вал. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 48–59.
11. Улуян Ар. А. «Балканский щит» социализма. Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 911 с.
12. Филитов А. М. Треугольник Москва – Берлин – Бонн и политика европейской разрядки в 1969–1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 3–96.
13. Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. В 2-х т. М. : Институт всеобщей истории РАН. 2003. Т. 1. 341 с.
14. Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива : сб. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
15. Юнгблюд В. Т. «Новая и очень нужная парадигма»: «длинная» телеграмма Дж. Ф. Кеннана как альтернатива принципам Ялты // Вехи американской истории : сб. ст., посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Викторовича Согрина / под ред. Т. Ю. Лаврентьевой, Л. М. Троицкой. М., 2015. С. 117–138.

16. Юнзблюд В. Т. Джордж Ф. Кеннан об устойчивых факторах советской внешней политики // Россия и Америка в XXI веке. 2007. № 1. С. 10.
17. Юнзблюд В. Т. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 226–229.
18. Юнзблюд В. Т. Обновление идентичности: национальные традиции и культурные ценности современной России // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 8–15.
19. Cesary L. France and NATO from 1966 to 1976 // The making of D'etente: Eastern and Western Europe in the Cold War, 1965-75 / ed. By Wilfried Loth and Georges-Henri Soutou. L. : Routledge, 2008. Pp. 91–102.
20. Foot R. The Cold War and human rights // The Cambridge History of the Cold War / ed. by M. P. Leffler and O. A. Westad. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2010. Vol. 3: Endings. Pp. 445–465.
21. Gaddis J. L. George F. Kennan: an American Life. N. Y., 2012. 784 p.
22. Mastny V., Zhu Liqun. The Legacy of the Cold War. Perspectives on Security, Cooperation, and Conflict. N.Y. : Lexington Books, 2013. 388 p.
23. Niedhart G. Ostpolitik and its impact on the Federal Republic's relationship with the West // The making of Détente: Eastern and Western Europe in the Cold War, 1965-75 / ed. By Wilfried Loth and Georges-Henri Soutou. L. : Routledge, 2008. Pp. 133–150.
24. Peterson Ch. Ph. Wielding the Human Rights Weapon: the United States, Soviet Union, and private citizens, 1975–1980. Ph. D. dissertation. Ohio Univ., 2009. 591 p.
25. Schmitz D. F., Walker V. Jimmy Carter and the Foreign Policy of Human Rights: The Development of a Post-Cold War Foreign Policy // Diplomatic History. Vol. 28. No. 1 (January 2004). Pp. 113–143.

Cooperation in an era of confrontation

O. V. Rychkova

PhD of historical sciences, associate professor of history and political sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: olya.rychkova@gmail.com

Abstract. At the end of 2017, the publishing house "Ves' mir" ("The whole world") published a collection of scientific articles "Ensuring international security in the cold war: the search for coordinated approaches" edited by doctor of historical sciences N. I. Egorova. This collective publication explores the little-studied cold war stories in Russian and foreign historiography. This work creates fertile ground for new discussions. The authors of the articles included in it are united by the desire to present the development of inter-state and inter-block relations of the second half of the twentieth century in all the complexity and diversity of the then international processes. The book is distinguished by a fresh look at the interpretation of many events, which is provided by a conscious attitude to the understanding of the cold war and détente as an era of interaction and cooperation of various actors in international relations, including in those areas that have traditionally been considered in a purely confrontational context. This collective study describes many public figures who participated in the preparation of compromise solutions and the development of coordinated approaches to the settlement of both global and private problems.

Keywords: cold war, public diplomacy, "soft power", nuclear-free zones, Peace movement, Conference on security and cooperation in Europe, CSCE.

References

1. Egorova N. I. «Narodnaya diplomatiya» yadernogo veka: dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniya, 1955–1965 gody ["People's diplomacy" of the nuclear age: the movement of supporters of peace and the problem of disarmament, 1955–1965] / Institutes of the Universal History of the RAS, Center for the study of the cold war. M. Aquilon. 2016. 320 p.
2. Egorova N. I. Formirovanie vostochnogo bloka kak zapadnoj granicy kommunisticheskoy sistemy, 1947–1955 gg. [Formation of the Eastern bloc as the Western border of the Communist system, 1947–1955] // *Mnogolikost' celogo: iz istorii civilizacij Starogo i Novogo Sveta* – Diversity of the whole: from the history of civilizations of the Old and New World. M. Foundation for education and science, 2011. 600 p.
3. Kalinin A. A. Bor'ba za mir kak sovetskij variant publichnoy diplomatii [Struggle for peace as a Soviet version of public diplomacy] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of humanitarian education. 2018, No. 3. Pp. 123–128.
4. Lipkin M. A. Sovetskij Soyuz i integracionnye processy v Evrope: seredina 1940-h – konec 1960-h godov [Soviet Union and integration processes in Europe: mid-1940s – late 1960s]. M. Foundation for education and science. 2016. 560 p.
5. Lipkin M. A., Filitov A. M. Razvitie novyh form sotrudnichestva v eru razryadki: sovetsko-zapadnogermanskije otnosheniya v konce 1660-h – nachale 1970-h gg. [Development of new forms of cooperation in the era of detente: Soviet-West German relations in the late 1660's to early 1970-ies.] // *Elektronnyj nauchno-*

obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya» – Electronic scientific and educational journal "History". 2015. Vol. 6. Issue. 2(35). Available at: <http://history.jes.su/s207987840000989-6-1> (date accessed: 25.11.2018). DOI: 10.18254/S0000989-6-1.

6. Mal'kov V. L. *Neizvestnyj Kennan. Zametki o morfologii myshleniya diplomata* [Unknown Kennan. Notes on the morphology of thinking diplomat] // *Vestnik Instituta Kennana v Rossii* – Herald of the Kennan Institute in Russia. 2004, No. 5. Pp. 136–169.

7. *Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij* – Multilateral diplomacy in the bipolar system of international relations / resp. ed. N. I. Egorova. M. Foundation for education and science. 2012. 464 p.

8. *Obespechenie mezhdunarodnoj bezopasnosti v usloviyah holodnoj vojny: poiski soglasovannyh podhodov* – Ensuring international security in the cold war: the search for coordinated approaches. M. Ves' mir. 2017. 320 p.

9. Pechatnov V. O. *Chelovek na vse vremena (pamyati Dzhordzha Kennana)* [Man for all times (in memory of George Kennan)] // *200 let rossijsko-amerikanskih otnoshenij: nauka i obrazovanie: sb. statej* – 200 years of Russian-American relations: science and education: collection of articles / ed. by Acad. of RAS A. O. Chubaryan and B. A. Ruble. M. OLMA Media. 2007. Pp. 65–80.

10. Pechatnov V., Pechatnov Val. *Menyayushchisya religioznyj landshaft Ameriki* [The changing religious landscape of America] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World economy and international relations. 2018, vol. 62, No. 9. Pp. 48–59.

11. Ulunyan Ar. A. «Balkanskij shchit» socializma. *Oboronnyaya politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i YUGOSLAVII (seredina 50-h gg. – 1980 g.)* ["Balkan shield" of socialism. Defense policy of Albania, Bulgaria, Romania and Yugoslavia (mid-50s – 1980)]. M. Dmitriy Pozharskiy University. 2013. 911 p.

12. Filitov A. M. *Treugol'nik Moskva – Berlin – Bonn i politika evropejskoj razryadki v 1969–1970 gg.* [Triangle Moscow – Berlin – Bonn and the policy of European détente in 1969–1970] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2017, No. 1. Pp. 3–96.

13. The cold war and the policy of detente: a discussion of the problem. In 2 vol. M. Institute of universal history of RAS. 2003. Vol. 1. 341 p.

14. *Holodnaya vojna i politika razryadki: diskussionnye problemy. V 2-h t.* – Cold war. 1945–1963 historical retrospective: coll. art. In 2 vol. / resp. N. I. Egorova and A. O. Chubaryan. M. OLMA-PRESS. 2003.

15. Yungblud V. T. «Novaya i ochen' nuzhnaya paradigma»: «dlinnaya» telegramma Dzh. F. Kennana kak al'ternativa principam Yalty ["A new and necessary paradigm": "long" telegram of George. F. Kennan as an alternative to the principles of Yalta] // *Vehi amerikanskoj istorii : sb. st., posvyashchennyj 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora Vladimira Viktorovicha Sogrina* – Milestones of American history: collection of articles dedicated to the 70th anniversary of doctor of historical sciences, Professor Vladimir Viktorovich Sogrin / under the editorship of T. Y. Lavrentieva, L. M. Troitskaya. M. 2015. Pp. 117–138.

16. Yungblud V. T. *Dzhordzh F. Kennan ob ustojchivyyh faktorah sovetskoy vneshnej politiki* [George F. Kennan about the sustainable factors of Soviet foreign policy] // *Rossiya i Amerika v XXI veke* – Russia and America in the XXI century. 2007, No. 1. Pp. 10.

17. Yungblud V. T. *Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij* [Multilateral diplomacy in a bipolar system of international relations] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and newest history. 2014, No. 3. Pp. 226–229.

18. Yungblud V. T. *Obnovlenie identichnosti: nacional'nye tradicii i kul'turnye cennosti sovremennoj Rossii* [Identity renewal: national traditions and cultural values of modern Russia] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of humanitarian education. 2018, No. 2. Pp. 8–15.

19. *Cesary L. France and NATO from 1966 to 1976* // The making of D'etente: Eastern and Western Europe in the Cold War, 1965-75 / ed. By Wilfried Loth and Georges-Henri Soutou. L. Routledge, 2008. Pp. 91–102.

20. *Foot R. The Cold War and human rights* // The Cambridge History of the Cold War / ed. by M. P. Leffler and O. A. Westad. N. Y. Cambridge Univ. Press, 2010. Vol. 3: Endings. Pp. 445–465.

21. *Gaddis J. L. George F. Kennan: an American Life*. N. Y., 2012. 784 p.

22. *Mastny V., Zhu Liqun. The Legacy of the Cold War. Perspectives on Security, Cooperation, and Conflict*. N.Y. Lexington Books, 2013. 388 p.

23. *Niedhart G. Ostpolitik and its impact on the Federal Republic's relationship with the West* // The making of Détente: Eastern and Western Europe in the Cold War, 1965-75 / ed. By Wilfried Loth and Georges-Henri Soutou. L. Routledge, 2008. Pp. 133–150.

24. *Peterson Ch. Ph. Wielding the Human Rights Weapon: the United States, Soviet Union, and private citizens, 1975–1980*. Ph. D. dissertation. Ohio Univ., 2009. 591 p.

25. *Schmitz D. F., Walker V. Jimmy Carter and the Foreign Policy of Human Rights: The Development of a Post-Cold War Foreign Policy* // *Diplomatic History*. Vol. 28. No. 1 (January 2004). Pp. 113–143.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 4 (12) (2018)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 17.07.2019 г.
Дата выхода в свет 24.07.2019 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 100. Заказ № 5915.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36